

В.В. Пугачев

1923-1998

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 1962 году

В Ы П У С К 29

Саратов
Издательство «Саратовский источник» – 2023

УДК 930.1(09)(082)
ББК 63.1 (0)
И90

Редакционная коллегия:

докт. ист. наук *М.С. Бобкова*, проф. *А.Н. Галямичев*,
проф. *В.Н. Данилов*, проф. *В.И. Кащеев*,
канд. ист. наук *М.В. Ковалев*,
канд. ист. наук *О.В. Кочукова* (отв. секретарь),
проф. *С.А. Мезин* (отв. редактор), канд. ист. наук *В.А. Соломонов*

Рецензент

докт. ист. наук, проф. кафедры Российской истории *О.Б. Леонтьева* (Самарский национальный исследовательский университет им. академика *С.П. Королева*)

Историографический сборник : Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во И90 «Саратовский источник», 2023. – Вып. 29. – 210 с.

29 выпуск «Историографического сборника» составлен из материалов Всероссийской научной конференции «Историк, избравший путь Галилея», посвященной 100-летию со дня рождения *В.В. Пугачева* (1923–1998). Проф. *Пугачев* был одним из основателей и редакторов «Историографического сборника». Его научному наследию, учителям и коллегам посвящены статьи мемориальной части сборника. Далее следуют статьи, посвященные истории и историографии освободительного движения и общественной мысли, истории исторической науки в СССР, а также связям истории с художественной литературой.

Сборник адресован научным работникам, студентам и аспирантам гуманитарных вузов и всем, интересующимся прошлым и настоящим исторической науки.

УДК 930.1(09)(082)
ББК 63.1(0)

ISSN 0130-6839

@ Саратовский государственный университет, 2023
@ Коллектив авторов, 2023
@ «Саратовский источник», 2023

В.В. ПУГАЧЕВ, ЕГО НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО, УЧИТЕЛЯ И КОЛЛЕГИ

УДК 94–057.4(470+571+470.44–25)|19|+929 Пугачев

С.А. Мезин

СЛОВО О ВЛАДИМИРЕ ВЛАДИМИРОВИЧЕ ПУГАЧЕВЕ¹

В статье дана краткая характеристика научного наследия В.В. Пугачева и его заслуг перед Саратовским университетом. Облик ученого и его преподавательская манера представлены такими, как они запомнились автору, знакомому с Пугачевым с конца 1970-х годов.

Ключевые слова: освободительное движение, общественная мысль, историография, В.В. Пугачев, Ю.Г. Оксман, Саратовский университет имени Н.Г. Чернышевского.

S.A. Mezin

WORD ABOUT VLADIMIR VLADIMIROVICH PUGACHEV

The article briefly characterises the scientific heritage of V.V. Pugachev and his services to Saratov University. The image of the scientist and his teaching manner are presented as they were remembered by the author, who has been acquainted with Pugachev since the late 1970s.

Key words: liberation movement, public thought, historiography, V.V. Pugachev, Yu.G. Oxman, N.G. Chernyshevsky Saratov University.

¹ Вступительное слово на Всероссийской конференции «Историк, избравший путь Галилея», посвященной 100-летию со дня рождения Владимира Владимировича Пугачева. Саратов, 22 мая 2023 года.

22 июня 2023 г. исполнится 100 лет со дня рождения выдающегося российского историка Владимира Владимировича Пугачева (22.06.1923–23.10.1998). Многими годами учебы и работы он был связан с Саратовским университетом. Почти два десятилетия Владимир Владимирович работал на кафедре истории СССР досоветского периода (ныне – кафедра истории России и археологии), а в 1970–1975 гг. заведовал этой кафедрой, став преемником в этой должности таких видных историков, как П.Г. Любомиров, А.М. Панкратова, В.В. Мавродин, Л.А. Дербов, и передав затем заведование Н.А. Троицкому. Масштаб личности и творчества Пугачева, его связь с кафедрой и университетом побудили нас инициировать проведение конференции, название которой почти повторяет заглавие одной из книг Владимира Владимировича: «Историки, избравшие путь Галилея» [1].

Название представляется вполне актуальным, ибо трудно найти в истории нашей страны период, когда власть не стремилась бы ограничить творческую свободу гуманитариев, указывая, с какой «точки зрения русская история должна быть рассматриваема и писана». Удивительным образом, даже во времена строгого единомыслия Владимир Владимирович сохранял внутреннюю свободу и в жизни, и в творчестве. Очевидно, что «путь Галилея» был нелегким.

Коллеги и ученики, лично знавшие Владимира Владимировича, конечно, помнят его внешний облик. Я знал его уже немолодым, с конца 1970-х гг., когда студентом слушал его спецкурс «Текстология» и курс историографии отечественной истории. Худощавый, с немного шаркающей походкой, с несмеющимися глазами за очень толстыми стеклами очков, он не выделялся ни одеждой, ни важным видом. Он раскрывался в устном и письменном общении, в лекциях. Лекции его были необычными. Они были не повторением и развитием положений учебника, а продолжением авторских исследований и размышлений над историей. Вот отзыв о лекции профессора периода его горьковского расцвета: «Талантливая импровизация... четкость формулировок, большая плотность мысли на единицу речи, разгром официозных авторитетов... нестандартность подхода к теме, широта исторического фона...» [2, с. 24]. Удивляло, что, прервав лекцию со звонком, он через неделю начинал ровно с того

слова, которым закончил предыдущее занятие. Думаю, что восприятие занятий Пугачева студентами зависело от их настроения и подготовленности. До повторения «элементарных» вещей он не опускался, а оригинальность его суждений во многом определялась их отличием от «общепризнанных», официальных. В общем-то все его выступления были в какой-то степени политизированы, но не все это чувствовали.

В.В. Пугачев был большим знатоком проблем истории русской общественной мысли и освободительного движения от Новикова и Радищева до Чернышевского, да и всего периода отечественной истории от Екатерины II до Александра II. Декабристов, Пушкина, Николая I, кажется, можно назвать его главными героями. Проблема отношений власти и личности во всех её аспектах была центральной для историка.

В моей библиотеке имеется книга В.В. Пугачева «Пушкин, Радищев и Карамзин» [3] с дарственным автографом. Её первая часть посвящена эволюции общественно-политических взглядов А.Н. Радищева, влиянию на них Французской революции, вторая и третья части – эволюции политического мировоззрения А.С. Пушкина. Прочитав книгу, недоумеваешь: а где же Карамзин? Может быть, поставив в ряд три имени, автор хотел подчеркнуть идею общеевропейского культурного развития? Эта идея, по словам автора, определяет подход к Пушкину, Радищеву и Карамзину академика М.П. Алексеева, памяти которого Пугачев посвятил свою книгу [3, с. 211]. Владимир Владимирович был склонен к недосказанности и парадоксам².

Несомненно, особое значение для В.В. Пугачева имела его последняя вышедшая при жизни книга «Историки, избравшие путь Галилея». Это – не просто сборник историографических очерков. Это – дань памяти своим учителям и наиболее уважаемым коллегам. В большинстве своем здесь представлены творческие портреты ученых-гуманитариев, пострадавших от репрессий и идеологических кампаний советского времени, но не изменивших свои взгляды.

² Дарственная надпись на книге тоже парадоксальна. Здесь неповторимым крупным почерком автора четко обозначена дата: 5.X.1999, а Пугачева не стало 23 октября 1998 г. Загадка текстологии!

Большой и, думается, самый важный для автора очерк посвящен выдающемуся литературоведу, пушкинисту Юлиану Григорьевичу Оксману. Человек, смолodu получивший не только блестящую научную подготовку, но и революционный политический заряд, он пережил Колыму, ссылку, гонения, «но науку не оставил». Гонимый Оксман сопротивлялся режиму, хотел вывести на свет имена людей, доносивших на своих коллег во времена сталинских репрессий, мечтал об издании за границей нового «Колокола». Пугачев, тесно общавшийся с Оксманом со времени саратовской ссылки и до смерти последнего, считал его своим учителем. Еще одним учителем и научным авторитетом для Владимира Владимировича был известный историк литературы Григорий Александрович Гуковский, осужденный за «низкопоклонство перед Западом», арестованный и умерший в тюрьме «Лефортово».

Судьба следующего героя книги академика Михаила Павловича Алексеева на фоне предшественников вполне благополучна. Но он тоже был высоким образцом свободно мыслящего человека, ученого, на равных общавшегося с ведущими литературоведами мира, свободно говорящего на иностранных языках, сторонником идеи европейского культурного единства.

Яркими учеными и уникальными специалистами были Н.М. Дружинин, А.В. Предтеченский, С.Н. Валк, Н.Л. Рубинштейн, с которыми Владимир Владимирович поддерживал дружеские контакты и о которых также идет речь в книге. Особое место среди коллег и друзей Пугачева занимал Ю.М. Лотман. Конечно, не все они подобно Галилею подвергались гонениям и до последнего отстаивали правоту своих взглядов. Смею утверждать, что ничего крамольного и даже особенно смелого не было в работах В.В. Мавродина. Но Пугачев его также считал своим учителем и был благодарен ему за то, что Мавродин одобрил и принял к защите в ЛГУ его диссертацию в непростой общественно-политической ситуации 1948 года.

По сравнению с другими корифеями саратовского истфака В.В. Пугачев сравнительно недолго работал на факультете, но оставил в его истории очень значительный след. По его инициативе и с его активным участием на истфаке был создан специализированный Совет по защите кандидатских и докторских диссертаций,

он был первым председателем этого Совета. Н.А. Троицкий оценил это событие как «кадровый прорыв в будущее» [4, с. 15]. Владимир Владимирович вдохновил целый ряд своих коллег на защиту докторских диссертаций. Когда в 1968 г. он вернулся в СГУ после работы в Горьковском университете, на истфаке работали два профессора. Когда Владимир Владимирович покинул факультет, только на кафедре истории СССР досоветского периода было шесть профессоров. С легкой руки Пугачева Совет действует по сей день.

Еще одна неоспоримая заслуга В.В. Пугачева перед факультетом – начало издания межвузовских сборников научных статей. Он стоял у истоков издания «Освободительного движения в России» и «Историографического сборника», которые пользовались заслуженным авторитетом у специалистов.

Владимир Владимирович поддерживал ровные дружеские отношения с большинством своих коллег по факультету. Многие девушки-студентки относились к нему с обожанием. Лаборант кафедры Н.Г. Андрес опекала его по-матерински: можно было видеть, как она лично отводила его в буфет и «кормила» без очереди. Лишь у наиболее рьяных администраторов он подчас вызывал раздражение.

Памятуя о выдающихся научных качествах и заслугах В.В. Пугачева, невозможно забыть, что он был живым человеком со своими особенностями и человеческими слабостями. Он отличался феноменальной «профессорской» рассеянностью. Любивший творческую работу и общение, он, кажется, не очень жаловал преподавательскую рутину. Был очень далек от всякого бумажного планирования и отчетности. Мог принять экзамен у группы студентов за три минуты.

В.В. Пугачев поддерживал личные контакты со многими деятелями правозащитного движения 1960-1970-х гг., пользовался в их среде неизменным уважением. Его ученики склонны представлять Владимира Владимировича как деятеля освободительного движения советского периода. Сам он, кажется, способствовал формированию собственного образа как человека, гонимого властью [см.: 5, с. 31, 40, 48-50, 60-61, 65]. В свое время в этом усомнился Н.А. Троицкий, выступая с докладом о своем предшественнике по заведованию кафедрой [4], и получил суровую отповедь от одного из учени-

ков Пугачева по Горьковскому университету, пострадавших за инакомыслие. Но факты остаются фактами: В.В. Пугачев был членом КПСС и членом Горьковского горкома партии; на должность заведующего кафедрой в Саратовском университете его рекомендовал министр высшего образования РСФСР после восторженной статьи о нем в газете «Комсомольская правда» [6]. У Владимира Владимировича почти всегда были прекрасные личные отношения с ректорами вузов, в которых он работал, будь то ректор СГУ Р.В. Мерцлин или В.А. Динес – ректор Саратовского экономического института, где Пугачев благополучно завершил свой путь профессора и заведующего кафедрой. Диссиденты привлекали Владимира Владимировича своим стремлением нестандартно мыслить, своими сомнениями и политизированностью. Тем более, что в 1960–1970 гг. они считали себя истинными марксистами и социалистами. Свободно мыслящих людей он хотел привлечь к научной работе. Так, уже вовлеченному в правозащитное движение В.В. Помазову он предлагал «писать о Пестеле» [2, с. 29], а издатель альманаха «Память» А.Б. Рогинский был его заочным аспирантом.

Главное в том, что В.В. Пугачев всегда был внутренне свободным человеком, замечательным преподавателем, привлекавшим талантливых студентов, оригинальным исследователем, прокладывавшим новые пути в науке.

Историки Саратовского университета чтят память В.В. Пугачева. В 2003 г. кафедра истории России принимала активное участие в конференции «Политические модели русской культуры XVIII–XIX вв.», посвященной памяти ученого. Материалы конференции были опубликованы в 21 выпуске «Освободительного движения в России». Доклады сегодняшней нашей встречи будут опубликованы на страницах «Историографического сборника», у истоков которого стоял В.В. Пугачев.

Список использованных источников и литературы

1. *Пугачев В.В., Динес В.А.* Историки, избравшие путь Галилея: Статьи, очерки / Под ред. Л.Е. Герасимовой. Саратов, 1995. 231 с.
2. *Помазов В.В.* На меня направлен сумрак ночи. М., 2013. 240 с.
3. *Пугачев В.В.* Пушкин, Радищев и Карамзин. Саратов, 1992. 216 с.

4. *Троицкий Н.А.* В.В. Пугачев – заведующий кафедрой истории СССР до-советского периода (по личным воспоминаниям) // Освободительное движение в России: Межвуз. сб. научн. тр. / Под ред. Н.А. Троицкого. Саратов, 2006. С. 15–19.

5. *Динес В.А., Парсамов В.С., Гаркавенко О.В.* К 75-летию профессора Владимира Владимировича Пугачева. Саратов, 1998. 84 с.

6. *Максимова Э.М.* Профессор истории // Комсомольская правда. 1967. 15 июня.

В.С. Парсамов

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ПУГАЧЕВ: ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ УЧЕНОГО

Статья содержит несколько заметок для характеристики личности и научной позиции профессора В.В. Пугачева, для которого было свойственно единство научной, гражданской и человеческой позиции. Это единство во многом сформировались под влиянием его учителя Ю.Г. Оксмана и получило дальнейшее развитие в ходе изучения отечественной истории и литературы.

Ключевые слова: В.В. Пугачев, Ю.Г. Оксман, Пушкин, декабристы, Роа Бастос.

V.S. Parsamov

VLADIMIR PUGATCHEV: A FEW STROKES TO THE PORTRAIT

The article contains several notes to characterize the personality and scientific position of Professor V.V. Pugachev, who was characterized by the unity of scientific, civic and human position. This unity was largely formed under the influence of his teacher Yu. G. Oksman and received further development in the course of studying Russian history and literature.

Key words: V.V. Pugachev, Yu.G. Oksman, Pushkin, Decembrists, Roa Bastos.

О Владимире Владимировиче Пугачеве трудно составить даже приблизительное представление, основываясь лишь на его опубликованных работах, что, конечно же, ни в коей мере не умоляет значения его научных исследований, оставивших заметный след в отечественной историографии. Но все, кто имел счастье лично знать Владимира Владимировича, учиться у него, понимали, что его публикации, часто небольшие по объему, далеко не в полной мере отражали породивший их широкий мыслительный процесс. Понимание и осмысление исторических событий для Пугачева было важнее самовыражения в статьях или монографиях,

а живое общение с коллегами и студентами, никогда не приносилось в жертву уединенной научной работе.

Пугачев профессионально занимался XIX и отчасти XVIII в, но по-настоящему его интересовал XX в. – время, в которое он жил, историю которого не только хорошо знал, но и чувствовал. И тем не менее сделать XX в. предметом научного изучения Пугачев не мог уже по той причине, что исследование современной истории в СССР подменялось насаждением идеологии. Наука ставит вопросы, а идеология предлагает готовые ответы. Для Пугачева, прошедшего великолепную научную школу у лучших историков страны, среди которых выделяются имена Ю.Г. Оксмана и Г.А. Гуковского, это было абсолютно не приемлемо. Он жил в мире вопросов, на которые мучительно искал ответы. Но поиски лишь приводили его к новым вопросам. Изучать историю XIX в. в этом отношении было несколько проще. Официальная идеология размывалась по мере удаления от современности. Разумеется, и при изучении древних периодов истории партийные установки не утрачивали полностью своей силы, но обходить их было значительно проще.

В историческом прошлом Пугачев искал истоки, причины, параллели к событиям, происходящим у него на глазах. Великая Отечественная война, совпавшая с его студенческими годами, определила его первую научную тему – война 1812 года, затем он логически перешел к изучению декабристского движения как следствия этой войны. Истоки декабризма он сначала искал в Радищеве, но, написав о нем монографию, пришел к выводу, что влияние Радищева на идеологов тайных обществ было минимальным, в то время как более значимым было влияние Новикова и масонства. Наиболее интересным в книге о Радищеве было объяснение его отношения к Робеспьеру. Историк обратил внимание на то, что критические высказывания в адрес Робеспьера у Радищева появляются несколько лет спустя после гибели Неподкупного, уже в период Директории. Не революционный террор и не кровь заставили Радищева осудить Французскую революцию и ее вождя, а бессмысленность принесенных жертв. Если бы кровью был омыт путь к свободе и благоденствию новых поколений, то Радищев, вероятно, не счел бы такую цену чрезмерной. Но сменившая террор корруп-

ция заставила русского мыслителя задним числом негативно оценить революцию. Чередование периодов террора и коррупции, конечно, не было отличительной чертой истории Франции. Истории России XX в. воспроизводила близкий сценарий, и, конечно, именно это обстоятельство интересовало Пугачева в первую очередь. И те параллели, которые невозможно было провести в печати, Пугачев с присущими ему эрудицией и блеском проводил в устных беседах и частично в лекциях, которые он читал с необыкновенной для советских вузов свободой.

Начало изучения декабристов Пугачевым совпало с выходом в свет двухтомной монографии М.В. Нечкиной «Движение декабристов», написанной в духе сталинского монументализма. Большой исторический нарратив представлял декабризм как единую революционную партию со своими вождями, программами, съездами и т.д. Высокие литературные достоинства и прекрасное знание источников сочетались с сознательной фальсификацией, выполненной в духе краткого курса «Истории ВКП(б)». Язвительную, но и во многом справедливую, характеристику работ Нечкиной дал Ю.Г. Оксман в письме к С.А. Рейсеру:

«Милица Васильевна – очень талантливый литератор, но ей бы лучше писать повести для юношества, чем научные статьи. У нее нет ни одной работы, которая была бы свободна от вопиющих ошибок; именно вопиющих, на грани бреда сивой кобылы. И эти провалы уживаются с исключительной работоспособностью, методическим анализом мелочей, широкой эрудицией, бесспорным литературным талантом!» [1, с. 251].

Эти строки были написаны за несколько лет до выхода двухтомника, появление которого не только не опровергло высказывания Ю.Г. Оксмана, но и в очередной раз его подтвердило. Монография Нечкиной разрывала связь с предшествующей традицией изучения декабристов, заложенной такими выдающимися исследователями, как В.И. Семевский, П.Е. Щеголев, Ю.Г. Оксман, М.К. Азадовский, С.Н. Чернов, А.Н. Шебунин, Н.М. Дружинин, Н.М. Мордовченко и др. От Нечкиной они отличались прежде всего тем, что исходили из источников, а не идеологических догм. Это поколение ученых, продолжавших дореволюционные традиции, было выбито

сталинскими репрессиями и войной. К моменту выхода в свет двухтомника Нечкиной из выдающихся декабристоведов старшего поколения в живых оставались только Ю.Г. Оксман и Н.М. Дружинин. Оксман, вернувшись из лагеря, отбывал ссылку в Саратове, а Дружинин декабристами уже не занимался. Книга Нечкиной, вышедшая из печати на рубеже позднего сталинизма и оттепели, стала ярким, хотя и несколько запоздалым памятником сталинской историографии.

В.П. Аксенов в романе «Таинственная страсть» писал, что в период оттепели в «Советском Союзе идет борьба между *сталинистами и либералами*» [2, с. 121]. Эта борьба затронула и историографию. В декабристоведе пришло новое поколение исследователей, которое строило свои концепции в противовес работам Нечкиной. Пугачев был одним из наиболее ярких представителей этого поколения наряду с Ю.М. Лотманом, С.С. Ландой, И.В. Порохом, Н.Я. Эйдельманом. Все они так или иначе были связаны с Ю.Г. Оксманом и восприняли от него в виде живой традиции импульсы дореволюционного и раннесоветского декабристоведа. В отличие от Нечкиной, произвольно подгонявшей источники под нужные ей идеологические схемы, новое поколение историков восстановило значение фактов, установление которых опиралось на весь корпус сохранившихся источников, что предполагало активные архивные поиски. Исследование строилось не путем произвольного отбора документов, а путем их критического соотнесения друг с другом, в результате чего противоречия исторического процесса не замалчивались, а наоборот, подчеркивались. При таком подходе нечкинская концепция единства декабристского движения рушилась как карточный домик.

Пугачев показал, как на протяжении всего декабристского движения в нем сложно переплетались две линии: одна – заговорщическая, другая пропагандистская. Заговор и пропаганда исключают друг друга. Первое требует конспирации, второе – аудитории. И везде есть свои сложности. Заговорщики, стремясь произвести государственный переворот и убить царя, не очень представляли, что предъявить народу потом, и главное, как объяснить царевубийство. Пропагандисты, пытавшиеся силой слова воздействовать

на общество, плохо представляли себе, как от слов перейти к делу и, главное, какой должна быть революция: произойдет ли она сверху, аналогично реформам Петра I, или же нужен военный переворот, наподобие испанской революции 1820 г. Все эти колебания, как показал Пугачев, были характерны и для Пушкина.

К декабристам Пугачев относил не только тех, кто формально состоял в тайных обществах, но и тех, кто на вопрос о революции давал положительный ответ. Следуя этой логике, в число декабристов историк включил Пушкина. Изучая следственные дела, он обратил внимание на то, что имя Пушкина упоминается во многих показаниях, и, сопоставляя политическую лирику Пушкина с тактическими установками декабристов, он вслед за Оксманом доказывал, что Пушкин, с одной стороны, выполнял «заказ» идеологов декабризма, а, с другой стороны, силою художественного слова влиял на более широкую аудиторию.

Пугачев всегда подчеркивал, что его концепция взаимоотношений Пушкина и декабристов является развитием и продолжением идей Оксмана. Было бы ошибочным видеть в этом недостаточность собственных научных идей. Это скорее объясняется высокими нравственными требованиями, заставлявшими Пугачева чувствовать себя в долгу перед учителем, которого в 1960-е гг. власти в очередной раз пытались изъять из научной жизни.

«Оксман после смерти Сталина (а в какой-то мере и до нее), – писал Пугачев, – играл особую роль в духовной жизни общества. В чем-то напомилавшую Грановского и Кавелина. В чем-то – предвосхищавшую Сахарова» [5, с. 21].

С началом оттепели в жизни Оксмана как будто бы наметилась светлая полоса. Он был принят на работу в ИМЛИ, восстановлен в Союзе писателей, закончилась его саратовская ссылка, и он смог переехать в Москву. Но не желая ограничиваться чисто академической сферой, он занялся политической борьбой: разоблачал преступления своих коллег, писавших при Сталине доносы, общался с иностранными учеными, распространял самиздат и тамиздат. Фактически он стоял у истоков диссидентского движения в СССР. Репрессии не заставили себя ждать. После публикации в выходившем на Западе «Социалистическом вестнике» статьи о

доносчиках и предателях среди советских писателей и ученых Оксман был уволен из ИМЛИ и снова исключен из Союза писателей, на упоминание его имени в печати КГБ наложил запрет. В этих условиях Пугачев и его коллега профессор Г.В. Краснов проявили гражданское мужество, сумев устроить Оксмана в Горьковский университет на должность профессора-консультанта, и публикуя в местных «ученых записках» его статьи под псевдонимами.

В 1970 г. Оксмана не стало, и уже на следующий год в первом выпуске «Освободительного движения в России» Пугачев опубликовал текст его лекции «Пушкин и декабристы» и анонсировал публикацию в следующем выпуске статьи о датировке пушкинской оды «Вольность». Произошел скандал с участием горкома, закончившийся в общем лучше, чем можно было бы ожидать. Издание не закрыли, но о дальнейших публикациях работ Оксмана речи быть не могло. Его имя хотели вычеркнуть из истории науки. В 1970-е гг. Пугачев едва ли не единственный преподаватель в СГУ, который постоянно упоминал на лекциях Оксмана, включал его работы в списки литературы для студентов, а в своих статьях о Пушкине и декабристах излагал его идеи.

В 1978 г. на страницах неперіодического издания «Пушкин. Исследования и материалы» статьи Пугачева о датировках политической лирики Пушкина подверглись критике некоего И.Г. Скаковского, который отрицал политический смысл пушкинского послания «К Чаадаеву» и предлагал рассматривать его в контексте дружеской или даже любовной лирики. Пугачев, по его мнению, «упорно не замечает самого первого слова стихотворения, слова “любовь”. Это слово – основное в названном Пушкиным ряду – определяет наше понимание этих чувств как частных, личных, которым дальше в стихотворении противопоставляются гражданские варианты этих же чувств» [7, с. 282].

В следующем выпуске был помещен ответ Пугачева: «Формально полемизируя со мною, И.Г. Скаковский по существу оспаривает точку зрения на это стихотворение ряда видных советских пушкинистов, рассматривающих его в связи с конкретной политической обстановкой, в частности находивших в нем отражение той напря-

женной борьбы, которая разгорелась вокруг Чаадаева в среде деятелей тайных обществ в самом начале 1820-х годов» [4, с. 325]. «Ряд видных советских пушкинистов» – это Оксман, ссылка на которого редуцирована до названия альманаха «Освободительное движение». Более открыто сослаться на Оксмана в советской печати даже спустя восемь лет после его смерти было нельзя. Такого рода завуалированная ссылка имела целью не только восстановление исторической истины, но и была стремлением размежевать общественные позиции. В нападках Скаковского Пугачев увидел отражение тенденций позднесоветской пушкистики, когда надежды оттепели уже угасли, и на смену им пришли апатия и неверие в перспективы. Для утратившей иллюзии интеллигенции видеть в Пушкине певца любви и дружбы, по мнению Пугачева, было психологически комфортнее, чем политического борца. Он объяснял эту тенденцию стремлением оправдать собственную социальную пассивность. Пугачев не принадлежал к тем интеллигентам, которые все понимают, но считают, что разум восторжествует сам собой без их участия. Его борьба за Пушкина и за Оксмана была стремлением приблизить торжество разума. Он не просто верил в литературу и науку, но и считал, что эта вера должна подтверждаться делами.

Конечно, в оксмановско-пугачевской трактовке пушкинской лирики нетрудно заметить игнорирование художественной природы текста. Но не стоит сводить дело только к этому. В советском литературоведении существовало два подхода к тексту. Одни исследователи рассматривали художественный текст в ряду других текстов, отражающих эпоху, и исходили из того, что только весь комплекс источников вне зависимости от их природы способен представить эпоху в ее полноте и разнообразии. Другие считали, что художественные тексты обладают особой природой и их изучение должно прежде всего исходить из их специфики. Любопытно, что два учителя Пугачева были крупнейшими представителями двух этих подходов. Первый подход был характерен для Ю.Г. Оксмана, второй для Г.А. Гуковского. Пугачеву был ближе подход Оксмана, хотя и Гуковского он считал гениальным ученым и учитывал его исследования стилистических особенностей литературных направ-

лений. Но при этом у Пугачева сложилось и свое особое отношение к художественным текстам. В первую очередь он видел в художественной литературе мощное средство познания истории. К историкам, особенно современным, Пугачев относился довольно скептически и считал, что гениальные писатели, такие как Пушкин и Толстой, лучше понимали смысл исторических событий, чем профессиональные историки. Об этом хорошо написала Л.Е. Герасимова:

«Гениальная интуиция Пушкина была ориентиром для ученого и в его декабристоведческих исследованиях, и в понимании важнейших событий первой трети XIX в., и в размышлениях о путях просвещения, цивилизации в XIX и XX вв. Труды В.В. Пугачева, посвященные Пушкину, стали важной частью отечественной пушкинистики. Не менее глубоко прочитаны Пугачевым произведения Льва Толстого. Понимание Кутузова Толстым особенно близко Владимиру Владимировичу» [3, с. 83].

В начале 1980-х гг. когда я, будучи студентом Тартуского университета, начал заниматься Пестелем в семинаре Ю.М. Лотмана, Пугачев порекомендовал мне прочитать роман парагвайского писателя А. Роа Бастоса «Я, Верховный». Это историческое повествование, соединяющее в себе черты художественного произведения и научного исследования, посвящено правителю Парагвая с 1814 по 1840 г. доктору Франции. Прочитав эту книгу, я тогда не понял, как это можно связать с Пестелем. Прямые аналогии ничего не давали, кроме отдельных внешних и во многом случайных совпадений. Доктор Франция получил высшее образование в Кордовском университете по двум специальностям: права и теологии, был поклонником Руссо и якобинцев, установил в Парагвае собственную диктатуру, путем которой стремился воплотить в жизнь утопии французских просветителей. Наверное, что-то подобное можно было сказать и о Пестеле, если судить, конечно, не по его судьбе, а по его программе. Но на этом сходства заканчивались. Да и что могло быть общего у небольшого (всего чуть больше 100 000 человек) и полудикого государства Парагвай (его диктатор был едва ли не единственным в стране человеком с университетским образованием) и многомиллионной европеизированной Россией.

Но, видимо, речь шла не о прямых параллелях, а о более сложной проблеме изучения личности диктатора. Пугачев был противником любой диктатуры, начиная от самодурства начальства и кончая политическими режимами. Но одно дело диктатура, другое дело диктатор. Ученый прекрасно понимал, что разоблачение диктатора порой может быть таким же лживым и конъюнктурным, как и его восхваление. Для него всегда было важно понять внутренний мир человека. В этом отношении историки в глазах Пугачева сильно проигрывали писателям. И вообще суд истории – суд несправедливый. Во-первых, историк-судья никогда не имеет перед глазами полной картины событий. Во-вторых, на суде истории подсудимый лишен последнего слова. Но то, что невозможно в жизни возможно в искусстве. Роман Роа Бастоса при том, что он строго документирован (автор использовал все имеющиеся источники и историографию), лишен традиционного линейного сюжета. Он построен как некая мозаика различных эпизодов, мыслей и комментариев главного героя и историков. Писатель предоставил своему герою возможность ответить его историкам. «Абсолютная власть, – говорит диктатор, – не может быть темой для истории». Эта интересная мысль состоит в том, что историк, пытающийся писать историю абсолютной власти, либо находится в ее подчинении, и тогда его история может быть только конъюнктурной, либо он не подчиняется этой власти, но в таком случае власть перестает быть абсолютной, и тогда «слова (диктатора. – В.П.) повелительные, властные, сверхслова, превратятся под их пером в хитрые и лживые. В слова-недоноски. Если хочешь любой ценой говорить о ком-нибудь, то для этого мало встать на его место: нужно быть им. Писать можно только о себе подобном. Написать о мертвых могли бы только мертвые» [6, с. 48–49].

О себе Франсия говорил: «Я не пишу историю. Я ее делаю» [6, с. 241]. Пугачев, слушавший в свое время лекции Е.В. Тарле, вспоминал, что тот, имея в виду Сталина, не называл его по имени, а говорил: «Человек, который не пишет историю, а делает ее». Роман Роа Бастоса, написанный в 1974 г., Тарле читать не мог, но текст строго документирован, и возможно это высказывание доктора Франции было взято писателем из источника, который был

известен и Тарле. Если это так, то Тарле таким потаенным способом и в то же время публично уподоблял Сталина парагвайскому диктатору. В любом случае проблема «диктатор и историк» Пугачева очень интересовала, и он прекрасно понимал, всю ее сложность. Действительно делать историю и писать ее – вещи разные, но они неожиданным образом соединяются в творчестве великих писателей. И Пушкин, и Толстой не только писали историю, но и делали ее своими произведениями.

Историк стоит перед двумя истинами. Первая из них связана с прошлым, постичь которое во всей полноте ему, к сожалению, не дано, что, впрочем, не избавляет его от необходимости к этому стремиться. Вторая истина связана с настоящим. О чем бы историк ни писал, он всегда должен быть на стороне добра и справедливости. Вне этих категорий истина существовать не может. Эти слова, как бы банально ни звучали, обретают вполне конкретный смысл, когда речь заходит о Пугачеве. Он не был кабинетным ученым, он всегда был окружен людьми, и не только учениками и коллегами. Круг его знакомств был обширен и часто непредсказуем, что объяснялось его неподдельным интересом к людям, стремлением их понять и при необходимости помочь. Не берусь назвать даже примерное число людей, которым Пугачев помог и помогал на протяжении жизни и которые хранят о нем благодарную память.

Поиск истины, стремление к добру и справедливости в одинаковой степени характеризуют и научную, и жизненную позицию Владимира Владимировича Пугачева.

Список использованных источников и литературы

1. *Азадовский М.К., Оксман Ю.Г.* Переписка. М., 1998. 409 с.
2. *Аксенов В.П.* Таинственная страсть. Роман о шестидесятниках. М., 2009. 564 с.
3. *Герасимова Л.Е. В.В.* Пугачев об исторической науке // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2016. № 5 (64). С. 81–84.
4. *Пугачев В.В.* 1818 или 1820 // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 9. Л., 1979. С. 325–329.

5. *Пугачев В.В., Динес В.А.* Историки, избравшие путь Галилея. Статьи, очерки / Под ред. Л.Е. Герасимовой. Саратов, 1995. 231 с.

6. *Роа Бастос Аугусто.* Я, Верховный / Пер. и ком. Н. Наумова. М., 1980. 536 с.

7. *Скаковский И.Г.* Пушкин и Чаадаев (К вопросу о датировке и трактовке послания Пушкина «К Чаадаеву») // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 8. Л., 1978. С. 279–284.

Л.Е. Герасимова

ВОСПОМИНАНИЯ В.В. ПУГАЧЕВА: СОСТАВ, ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В статье дается краткий обзор устных воспоминаний профессора В.В. Пугачева о 1920-х – 1990-х годах его жизни: детство и школа в Саратове, Великая Отечественная война, содружество Саратовского и Ленинградского университетов (1942–1944 гг.), преподавательская и научная деятельность в Молотовском (Пермском), Саратовском, Горьковском университетах, в Саратовском экономическом институте. Память о событиях неотделима от мыслей ученого об истории России, о трудном пути отечественной историографии. Устный текст переведен в компьютерный (около 600 страниц) и готовится к печати.

Ключевые слова: В.В. Пугачев, история гуманитарной науки, историография, Г.А. Гуковский, С.Н. Валк, В.В. Мавродин, Ю.Г. Оксман, Е.В. Тарле, Р.В. Мерцлин.

Ludmila E. Gerasimova

REMINISCENCES OF V.V. PUGACHYOV: CONTENT AND GENRE PECULIARITIES

The article represents a glimpse of oral recollections of Professor V.V. Pugachov about 1920s – 1990s of his life: childhood and his studies at school in Saratov, the Great Patriotic War, collaboration of Saratov and Leningrad Universities (1942–1944), teaching and research activities in Molotov (Perm), Saratov, Gorky Universities and Saratov Institute of Economics. Remembrance about the past events is inseparable from the thoughts of the scientist on history of Russia, about the complicated path of native historiography development. The oral recordings are presented in electronic translation (about 600 pages) and is ready to be published.

Key-words: V.V. Pugachyov, history of Humanities, Historiography, G.A. Gukovsky, S.N. Valk, V.V. Mavrodin, Yu.G. Oksman, E.V. Tarle, R.V. Mertslin.

Устные воспоминания профессора Владимира Владимировича Пугачева (1923–1998) были записаны в 1995–1996 гг. по заданию Историко-просветительного, правозащитного и благотворительного

общества «Мемориал» (Москва) и Фонда Генриха Белля (Кельн) стипендиатом Фонда Наталией Герасимовой на кассетный магнитофон и составили 40 часов звучания. Запись, впоследствии оцифрованная, хранится в архиве В.В. Пугачева. В настоящее время группа исследователей (Е.Г. Князькова, Е.О. Селезнева, Н.Вс. Герасимова, Л.Е. Герасимова) готовит книжное издание мемуаров.

Мемуары В.В. Пугачева – это былое и думы в их нераздельной длительности, мемуары свидетеля, участника событий XX в. и историка. Удивительная память Владимира Владимировича сохранила все факты, подробности событий, без каких-либо идеологических «подправок» и «подчисток», и при этом – путь исторического, историографического дочерпывания, допонимания эпохи – общего и личного. Бесценны включенные в повествование никогда не публиковавшиеся отрывки из воспоминаний родных, друзей, учителей Владимира Владимировича, придающие полифонизм и драматическую глубину воплощения эпохи. Перед нами история переживаемая и история изучаемая. Этот сплав характерен и для книги «Историки, избравшие путь Галилея» [1], и для интервью Пугачева, и его лекций.

Воспоминания начинаются с детства – у деда и бабушки в Багаевке (до 1929 г.). Природа, сады. Потом – раскулачивание деда, владевшего яблоневым садом, бегство в Ташкент его сыновей, клеймо «дочь кулака», тяготевшее всю жизнь над Анной Васильевной, мамой Володи. Голод в деревне и в Саратове и детские мечты о «мировой революции», о которой семилетний мальчик хотел поговорить с начальником военного училища, где работал отец (Владимир Павлович Пугачев – военврач).

Школа помнится Владимиру Владимировичу так противоречиво, как не встретишь в художественных текстах. 16-я школа в Саратове: пропаганда, вызывающая протест, учителя – и настоящие, и полуграмотные, – дискуссии, жажда истины. Ранний интерес в старших классах к «закулисной истории» у Стендаля и Толстого. Горячие споры мальчишек о Пакте Молотова–Риббентропа, о Гитлере. Раннее взросление и предвоенные аресты. Восемнадцатилетние вступили в жизнь – в войну. Владимиру Владимировичу восемнадцать исполнилось 22 июня 1941 года.

В первые дни войны Володька Пугачев и Женька Огнев (как звали они себя) пришли в военкомат, чтобы отправиться добровольцами на фронт. Пугачева не взяли из-за сильной близорукости. Судьбы товарищей, ушедших на фронт, переданы правдиво, честно, горько. Картины Саратова первых месяцев войны, тревоги, отчаяния и надежды 1941–1942 гг., свои тяжелые думы и просветы в них мемуарист «с последней прямокой» фиксирует перед слушателем (читателем). Голос историка, осмысляющего Великую Отечественную войну, не заглушает голоса свидетеля, но создает перспективу мысли, нравственной полноты оценок прошлого.

В.В. Пугачев осенью 1941 г. поступает на исторический факультет Саратовского университета. В Саратове с марта 1942 г. по июнь 1944 был в эвакуации Ленинградский университет. Последние студенты и преподаватели выехали 13 января 1945 г. Студенту Пугачеву удается слушать лекции выдающихся ученых: В.В. Мавродина, М.В. Серебрякова, Н.Л. Рубинштейна, С.Н. Валка – присутствовать на защитах кандидатских и докторских диссертаций, на многочасовых дискуссиях по остроактуальным проблемам истории [2]. Напряженно драматично описаны защиты диссертаций В.Я. Розена, И.В. Синицына, Л.А. Дербова, В.Д. Резника (Днепра).

Мемуарист лаконично передает внешнюю обстановку (люди замерзали в аудиториях, которые не топились, пришлось перенести защиты в общежитие, защиты проходили по десять часов), но его интересует больше всего то, как зарождается и развивается научная мысль, как подхватывается или не подхватывается она в последующие эпохи. Ему близко суждение С.Н. Валка: «Итоги работы ученого не исчерпываются только тем, что ему удалось сделать при жизни. Не меньшее значение для будущего науки имеют и неосуществленные замыслы». Впоследствии В.В. Пугачев писал о Валке: «Его "программой-максимум" была "точная историография". А "программой-минимум" – исследование только таких сюжетов, где можно оперировать точными данными» [1, с. 155].

Через все воспоминания Владимира Владимировича (далее в тексте – В.В.) проходит его личная забота – сохранить и передать «микrokлимат подлинной науки». Это и в описании острых событий, например, доклада Е.В. Тарле на юбилее Ленинградского универси-

тета в Саратове в феврале 1944 г. (юбилей праздновался дважды, второй раз – в Ленинграде, в конце 1944 г.). Потрясающий всех доклад Тарле о русской дипломатии (критиковавший по сути оценки Ленина, хотя внешне речь шла о других источниках), доклад, который обсуждался потом на совещании ЦК ВКП(б) в июле 1944 г., В.В. вспоминает точно и по его мыслям, и по бурному восприятию аудитории. К этому докладу он еще вернется впоследствии. В архиве сохранились рецензии Ю.М. Лотмана и Б.Ф. Егорова на статью В.В. об идеях Тарле.

«Микроклимат подлинной науки» мемуарист передает и в динамичных, ярких творческих портретах своих учителей.

В центре воспоминаний этого периода – Григорий Александрович Гуковский. «В моей жизни Гуковский сыграл собственно решающую роль, – говорит В.В. – Если я оказался преподавателем вуза, то только благодаря Гуковскому». Знакомство произошло на первой послевоенной студенческой конференции 16 мая 1945 г. Доклад студента о судьбе Баркляя де Толли и роли его в Отечественной войне 1812 г. вызвал большой интерес профессоров А.П. Скафтымова, А.М. Лукьяненко, преподавателей и студентов. Г.А. Гуковский предложил дипломную работу защищать как кандидатскую диссертацию. В.В. поблагодарил и отказался. Его принимают в аспирантуру, в которой, по существу, руководителем, вдохновителем стал Г.А. Гуковский. «Он ввел меня в курс не просто науки, в курс мысли середины XX века», – говорит В.В. Именно **мысли**. В.В. понимал, какую мучительную трагедию – осмыслить эпоху – переживал Гуковский. Трагедию историка в «контексте личности с обстановкой» (выражение В.М. Алексеева) В.В. видел и в работах более чутких к диктату времени своих учителей, например, Л.А. Дербова. В анализе суждений Дербова об Иване Грозном нет ни высокомерия потомка, ни осуждения. Время и историк во времени понимаются с внутренней свободой и научной нравственностью.

Был ли В.В. диссидентом в науке? И идеологи от истории, и диссиденты – крайности в понимании истории. В.В., как и его любимые учителя, стремился к свободе познания, к открытости, непредвзятости, точности доказательств. Воспоминания передают, каким тяже-

лым, порой взрывным, необратимым становился и мысленный, и судьбоносный «контекст личности с обстановкой».

В 1948 г. В.В. защитил кандидатскую диссертацию «Подготовка России к Отечественной войне 1812 года», в которой центральное место отводилось планам, действиям Баркляя де Толли. Защита была особенно трудной потому, что незадолго до нее Сталин в журнале «Большевик» поместил ответ на письмо полковника Е.А. Разина, где говорилось: «...Кутузов как полководец был бесспорно двумя головами выше Баркляя де Толли» [3, с. 8].

Защита прошла успешно, но на кафедре В.В. не оставили. Он едет в Москву и получает назначение в город Молотов (Пермь). Туда же едет его друг И.С. Ной, молодой ученый-юрист. Годы работы в Молотове (1948–1953) вспоминаются В.В. как насыщенные утрированными «особенностями» советского периода, когда на партсобрании во время «борьбы с космополитизмом» ему, молодому заведующему кафедрой, защищающему сотрудников-евреев, кричат: «Пугачев, вы – русский человек. Зачем вы связались с этой мразью?». Сохраняя ученых-евреев от репрессий, проректор по научной работе Р.В. Мерцлин на ученом совете делает доклад «О вреде космополитизма в Древней Греции». Роман Викторович Мерцлин – из самых любимых героев воспоминаний В.В. Один только эпизод из интереснейших страниц биографии Мерцлина, в войну – ректора, а после возвращения с войны Букирева, прежнего ректора, – проректора по научной работе. В весьма неофициальной обстановке Роман Викторович обращается к высокому по должности сотруднику МВД, начальнику пермских лагерей: «У меня профессоров совсем нет, а у вас столько сидит». – «Да бери их, Роман Викторович, сколько хочешь». Двадцать профессоров, расконвоированных, читали лекции в Молотовском университете. Среди них знаменитые ученые: Петр Николаевич Червинский, Георгий Андреевич Остурмов.

Очень интересны рассказы о студентах разных возрастов, вернувшихся с войны, о переменах на гуманитарных кафедрах.

В Саратов Владимир Владимирович возвращается в 1953 г., в университет, и работает до 1960 года. Встретили его не очень доброжелательно. После лекции об истории русской культуры конца

XIX – начала XX в. заведующий кафедрой: «Что вы говорите, что Куинджи – гений?». В.В.: «Репин так о нем говорит». – «Ну, Репин же не марксист», – резюмирует заведующий.

На саратовском истфаке идеи XX съезда партии встречали упорное сопротивление. Горько читать и об Э.Э. Герштейн, и о других тогдашних преподавателях.

В.В. интересуют пробуждение студенческого мышления, студенты-вольнодумцы. И, как всегда, подробнее всего он вспоминает о прорывах настоящей науки через все преграды. Говоря о конференции 1958 года, посвященной Чернышевскому, организаторами которой были музей Чернышевского и Ю.Г. Оксман, В.В. обозначает направления мысли, продуктивные идеи ученых из Москвы, Ленинграда, Саратова. Доклад В.В. «Из истории отношения Чернышевского и Добролюбова к либералам» вызвал острые споры. Университетская газета «Ленинский путь» дала критический анализ доклада, потом газету эту припоминали во время партийных «разбирательств» Пугачева. К идеям, высказанным на конференции 1958 года, специалисты по творчеству Чернышевского возвращались и возвращаются до настоящего времени.

Особую роль в жизни и научной деятельности В.В. сыграла встреча с Ю.Г. Оксманом, работа под руководством Юлиана Григорьевича над сборником воспоминаний о Чернышевском, над комментированием собрания сочинений Герцена. Оксман заинтересовал В.В. прежде всего своим подходом к науке, основанным на точности фактов и при этом не чуждом смелых гипотез по отношению к истории общественной мысли. Через восемнадцать лет после первого знакомства В.В. писал Юлиану Григорьевичу (21 февраля 1965 г.): «Почти вся моя сознательная жизнь прошла под влиянием Ваших работ и Вас. Я написал про Ваши работы раньше, чем про Вас, потому что познакомился с ними раньше, чем с Вами. Впервые я услышал о Вас от Григория Александровича. А потом стал жадно читать Ваши работы и объявления о Ваших докладах. Вы предстали передо мной как ученый с необыкновенно свежей мыслью, превращающей каждую тему в Аустерлиц или переход через Альпы. ...Я с горечью думал, что никогда не увижу Вас. Но в 1947 году Вы прие-

хали в Саратов и в октябре я познакомился с Вами. Мне очень повезло. С тех пор я все время учился и учусь у Вас...» [4].

О своем учителе В.В. многократно вспоминает в разные годы и в разных обстоятельствах и как бы итожит в книге «Историки, избравшие путь Галилея»: «Он оказался инородным телом в советской системе и при Сталине, и при "наследниках" Сталина, и при оттепели... Духовная разница между ними была разницей климата, а не погоды» [1, с. 42].

К тяжелым испытаниям в последний период жизни Ю.Г. Оксмана В.В. обращается на страницах воспоминаний, посвященных горьковскому периоду своей судьбы и творческой деятельности.

В городе Горьком В.В. работает в 1960–1968 годах. Напряженная, трудная, но и взлетная пора жизни. Заведующему кафедрой истории СССР пришлось столкнуться со слабыми и претенциозными сотрудниками, с поисками, поездками ради приглашения специалистов, с «противотечениями» мысли. Но Горький был и городом настоящей науки, прежде всего – радиофизики. Интереснейшие страницы воспоминаний посвящены академикам, профессорам-радиофизикам, интересующимся гуманитарной наукой, почувствовавшим в В.В. своего, активным участникам встреч с Ю.М. Лотманом, Б.Ф. Егоровым (филологи из Тарту приезжали по приглашению В.В. с лекциями в Горьковский университет). Сближение наук было глубоко плодотворным. Для мышления самого В.В. оно органично: размышляя, например, о семиосфере, изучаемой Лотманом, В.В. включает контекст идей Тейяра де Шардена, ноосферные работы В.И. Вернадского.

Из воспоминаний В.В. узнаем об интересных конференциях в Горьком, в Тарту, о научных изданиях, о талантливых учениках.

В 1964 г. В.В. защищает в Ленинграде докторскую диссертацию «Из истории преддекабристской общественно-политической мысли». И опять не без трудностей, создаваемых идеологами от истории. Но, как и всегда, мемуарист больше сосредоточен на «микроклимате настоящей науки», рассказывая и о ректоре Горьковского университета химике Илье Алексеевиче Коршунове, и об историке Петре Андреевиче Зайончковском, и о поистине смелом начальнике Обллита Андрее Семеновиче Ульянове.

15 июня 1967 года в «Комсомольской правде» была опубликована статья Эллы Максимовой «Профессор истории» о В.В. Пугачеве. Среди множества радостных откликов – звонок Э. Максимовой Героя Советского Союза легендарного Марка Галлая: «Ну, я очень рад вашей статье. Мое впечатление – провинция начинает думать». Через три года, когда В.В. уже был в Саратове, министр Столетов, ссылаясь на эту статью, на приеме в Москве спросил исполняющего обязанности ректора Саратовского университета П.А. Бугаенко: «Почему у вас Пугачев кафедрой не заведует?». В 1970 г. В.В. стал заведующим кафедрой, но до этого пережить пришлось много тяжелого.

И прежде всего потому, что провинция думала. В.В. подробно рассказывает о студенческих выступлениях в Горьком, о вожаках этих выступлений – Михаиле Сергеевиче Капранове, Виталии Васильевиче Помазове, о событиях 1963 и особенно 1968 г., о допросах студентов и преподавателей, о партсобраниях – чистках, арестах, о лагерных сроках Капранова, Помазова, о судьбах других участников событий, связанных с Пражской весной.

М.С. Капранов в лагере пришел к вере, освободившись, стал священником, восстанавливал храмы, многих привел в Православие, дружил с В.П. Астафьевым и до конца жизни оставался благодарным за знание и за нравственную выучку В.В. Пугачеву. В.В. Помазов – журналист, поэт, участник диссидентского движения – оставил замечательные воспоминания о В.В., о студенческих годах, о «Горьковском деле» [5].

В 1968 г. КГБ добрался и до Оксмана в Горьком. С 1963 года начались новые гонения на Оксмана: обыск, обвинения в связях с иностранцами, в 1964 г. – исключение из Союза писателей, увольнение из ИМЛИ, из редколлегии «Литературных памятников» и «Краткой литературной энциклопедии», перевод на пенсию.

По приглашению Г.В. Краснова, заведующего кафедрой русской литературы, и В.В. Пугачева, заведующего кафедрой истории СССР Горьковского университета, Оксман с 1965 г. был профессором-консультантом этих двух кафедр. В воспоминаниях В.В. отразились и лекции опального пушкиниста, и публикации его под псевдонима-

ми, и влияние на рвущуюся к свободе мысль и гуманитариев, и естественников.

КГБ потребовал изгнания Оксмана из Горьковского университета, Пугачев был на грани ареста. Ему пришлось уволиться, искать место работы.

И снова Саратов. После смерти профессора В.К. Медведева в Саратове не было ни одного профессора по истории СССР. В.В. начинает кипучую деятельность по организации совета по защитах докторских диссертаций, по стимулированию сотрудников к написанию диссертаций. И то, и другое дело было весьма трудным. Страницы воспоминаний, на которых сохранились и драматизм обсуждений, и горькие мысли В.В. о текстах, и почти детективные истории организации защит, поисков оппонентов, читаются как недавняя история советской науки и как исповедь мемуариста – искренняя, без самооправдания.

Читатель познакомится с историей защит и саратовцев: Л.А. Дербова, М.С. Персова, Н.А. Троицкого, С.А. Соколова, Д.П. Ванчинова, И.И. Сергеева, Г.А. Герасименко – и иногородних: А.М. Разгона и других.

Характерная черта воспоминаний В.В. – не только событийность, но и историографическая память о возникновении, развитии, обветшании или перспективности научных идей. Отталкиваясь порой не от самого глубокого текста, он высказывает суждения, которые заинтересуют современного исследователя.

Много нового смогут узнать современные историки из переданной мемуаристом драмы мысли, споров на XIII Конгрессе историков в Москве (1970), на IX Съезде славистов в Киеве (1983).

Издательское дело, так любимое В.В., стало быстро развиваться на истфаке: межвузовские сборники: «Освободительное движение», «Историографический сборник», «Древний мир», «Средневековый город», «Новая и новейшая история», «Поволжский край». И снова – обрыв, перехлестывание времени: в сборнике «Освободительное движение», в первом его выпуске (1971) опубликована статья «запрещенного» Ю.Г. Оксмана «Пушкин и декабристы» – текст лекции, прочитанной в Саратове к 125-летию восстания декабристов.

Редколлегия получила теплые письма от И.Л. Андроникова, М.П. Алексеева, Ф. Вентури, Н.М. Дружинина, Н.Л. Степанова, В. Эджертон, Д.Д. Благое и многих других – более чем от сотни исследователей. Вскоре сборник был временно «арестован». Обком КПСС занялся «вражеским делом»: дознание, требования наказания, многократные «вызовы» в Кировский райком и Обком КПСС директора Издательства СГУ В.П. Толстова и редактора сборника В.В. Пугачева.хлопоты в Москве на уровне ЦК КПСС, подключение к хлопотам известных ученых, разрешение с предупреждением [1, с. 46–49, 213].

«Контекст личности с обстановкой» на саратовском истфаке для В.В. все усложнялся. В 1975 г. его «освобождают», мирно, как он говорит, от должности заведующего кафедрой, профессорская должность сохраняется, но ... Снова на распутье, как он ощущает. Он проходит по конкурсу на должность профессора в Институт Дружбы Народов им. Патриса Лумумбы (Москва), читает там лекции (бесплатно), но не удается квартирный обмен, нет прописки в Москве.

Последние страницы воспоминаний – о работе в Экономическом институте в Саратове (с 1979 г.). Обстановка благоприятная. Ректор института Иван Михайлович Герман – коммунист, строгих взглядов, но он высоко ценит глубину исторических знаний В.В., роль его в научной жизни института, помогает преодолевать сгущающиеся к концу советского периода трудности.

Дружественная творческая обстановка сохраняется и при новом ректоре – Владимире Александровиче Динесе.

В.В. продолжает свои исследования творчества Пушкина, высоко ценимые Пушкинской комиссией Академии Наук, возвращается к историческим взглядам Л. Толстого («Проблемы исторической достоверности в романе Л. Толстого "Война и мир"»), к декабристским штудиям, пишет очерки о своих учителях [6]. Проблемы «перестройки» обостряют интерес ученого к событиям XX века, всегда волновавшим его. Ретроспективный взгляд и прогностическое мышление соединяются и в воспоминаниях, и в научных статьях, и в интервью, которые все чаще просят у В.В. многочисленные журналисты.

Этот метатекст, целостно прочитанный, много может дать и для понимания истории, и для анализа времени, и для живого образа самого В.В.

Интересно, что в конце воспоминаний В.В. возвращается к этому жанру – «история в лицах». Он дает портреты людей, которые не очень увлекались политикой, но поневоле создавали климат, который порождал вольнодумство. Это и ученый-биолог С.С. Хохлов, и генетик В.В. Игнатов, и многострадальный юрист К.К. Козлов.

В интервью 1990-х годов В.В. пронзительно остро рассуждает о соотношении прав человека и прав гражданина, о трезвом историзме, о науке истории, которая «никого ничему не учит. Она просто помогает многое понять» [7]. В этом видятся и нравственные скрепы его воспоминаний.

Воспоминания обрываются неожиданно. Владимир Владимирович возражает на реплику Наташи о том, что «нельзя же просто так оборвать» – «У нас все впереди. Окончание воспоминаний впереди». Окончания не было. И если удастся все восстановить, уточнить, издать, это было бы очень интересно и важно не только для историков.

Список использованных источников и литературы

1. Пугачев В.В., Динес В.А. Историки, избравшие путь Галилея: Статьи, очерки / Под ред. Л.Е. Герасимовой. Саратов, 1995. 231 с.
2. Герасимова Л.Е. Содружество Ленинградского и Саратовского университетов в годы Великой Отечественной войны (по воспоминаниям профессора В.В. Пугачева) // Историографический сборник: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 27. Саратов, 2020. С. 69–75.
3. Ответ тов. Сталина на письмо тов. Разина // Большевик. 1947. № 3. С. 4–8.
4. РГАЛИ. Ф. 2567. Ед. хр. 795. Л. 13–13 об.
5. Помазов В.В. Учатся у тех, кого любят: В.В. Пугачев // «История в нас, мы в истории»: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Пугачевские чтения», посвящённой 90-летию В.В. Пугачева (Саратов, 23-24 октября 2013 года). Саратов, 2014. С. 21–26.
6. Библиографический указатель печатных работ В.В. Пугачева // Динес В., Парсамов В., Гаркавенко О. К 75-летию Владимира Владимировича Пугачева. Саратов, 1998. С. 72–81.
7. «Вернемся к Сократу?»: интервью Т. Корневой // Саратов (газета). 1992. 10 июня.

*Е.И. Демидова,
Е.А. Ефимова*

БИБЛИОТЕКА В.В. ПУГАЧЕВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО

Личность В.В. Пугачева во многом отражает его библиотека – книги, с которыми ученый работал. Научная новизна работы, ее актуальность заключаются в обобщении данных, которые ранее не были известны широкой аудитории, а также в установлении опосредованной связи между исследованиями, которые В.В. Пугачев вел и книгами из его библиотеки. Дана характеристика книжной коллекции ученого. Личная библиотека В.В. Пугачева представлена как особый исторический источник, позволяющий раскрыть интеллектуальную и духовную жизнь ученого.

Ключевые слова: В.В. Пугачев, личная библиотека, книжная коллекция, движение декабристов.

*E.I. Demidova,
E.A. Efimova*

V.V. PUGACHEV'S LIBRARY AS A REFLECTION OF THE SCIENTIST'S INTELLECTUAL ACTIVITY

The personality of V.V. Pugachev largely reflects his library – the books with which the scientist worked. The scientific novelty of the work, its relevance lies in the generalization of data that were not previously known to a wide audience, as well as in establishing an indirect connection between the research that V.V. Pugachev conducted and books from his library. The characteristic of the scientist's book collection is given. V.V. Pugachev's personal library is presented as a special historical source that allows revealing the intellectual and inner life of the scientist.

Key words: V.V. Pugachev, personal library, book collection, Decembrist movement.

Обращение к теме создания и жизни личных книжных коллекций ученых, их последующей судьбе, в том числе в фондах научных библиотек, информации о них, доступности для использования обу-

словлено осознанием важности сохранения и трансляции культурного наследия, для развития науки, для понимания, как формировались и развивались научные интересы конкретных ученых. В личных библиотеках часто находятся документы, значимые для осмысления истории и культуры, прижизненные издания авторов, книги современников, фотодокументы, личная переписка. Их изучение позволяет выявить и ввести в научный оборот дополнительные источники информации, проследить тенденции развития науки, культуры, книгоиздательского и библиотечного дела, искусства оформления книги, понять «дух» конкретного времени в истории.

В отечественной и зарубежной историографии имеются исследования, посвященные различным аспектам истории личных книжных коллекций. В ней представлены статьи, монографии, печатные каталоги, диссертационные работы. К проблемам формирования и организации личных книжных коллекций обращались многие ученые. Многочисленные исследования личных библиотек представлены в рамках двух основных направлений: книговедческих – в которых анализировались и систематизировались сведения о книжных фондах конкретных библиотек, а также отраслевых трудов, где материалы личных коллекций использовались в качестве источника для решения научных задач [1, с. 63].

Достаточно освещены вопросы хранения и использования личных книжных коллекций в фондах государственных библиотек, вопросы формирования документных фондов библиотеки, их свойства и функции. Н.В. Радишаускайте отмечает, что собрание книг является коллекцией (и в том числе памятником культурного наследия) только в том случае, если хранится единым массивом и доступно для изучения как одно целое. Автор обращает внимание на ряд сложностей, связанных с хранением личных книжных коллекций, и прежде всего это касается упорядочивания книг с целью сохранения первоначального замысла ее прежнего владельца и отражения его интересов [2, с. 439–440]. В последнее время больший исследовательский интерес представляют и организационно-методические аспекты осуществления библиотеками мемориальной функции.

Много научных работ посвящено библиофильству – собирательству редких и ценных изданий, изучению теоретических основ и

практике книгособирательства, книжным коллекциям, судьбам отдельных книг из них. Следует отметить работы историка литературы и журналистики, книговеда, источниковеда и библиографа П.Н. Беркова. Изучение библиофильства как отечественного социокультурного феномена было заложено его трудами в 1920–1960-е гг.

Визуальная репрезентация ученого-историка XIX или XX в. часто представлена в окружении книг, документов, на фоне его библиотеки. Ведь библиотека отражает направленность его исторических изысканий, являясь в определенном смысле научной лабораторией. В «доинтернетовскую» эпоху именно в книгах, периодической печати он находил необходимые для работы факты и сведения, суждения и оценки, которые подтверждали его мысли, либо, вызывали потребность анализировать и синтезировать, обобщать, сравнивать, моделировать.

Как формировалась библиотека историка? В чем специфика книжного фонда личной библиотеки? Как он характеризует интеллектуальный и духовный мир ученого? Какую роль играла библиотека в научном творчестве его владельца, в его жизни? Ответы на эти вопросы служат важным добавлением к биографии конкретного ученого¹.

Появление кабинета-библиотеки В.В. Пугачева в 1999 г. в «Экономе» (в настоящее время – Социально-экономический институт СГТУ имени Гагарина Ю.А.) было предопределено тем, что именно с этим вузом связана значительная часть профессиональной деятельности известного саратовского ученого-историка.

В Саратовский экономический институт Владимир Владимирович был принят на работу 10 декабря 1979 г. и последние годы своей жизни работал на кафедре экономической и политической истории России. После смерти Владимира Владимировича 23 октября 1998 г. по инициативе ректора Саратовской государственной экономической академии доктора исторических наук, профессора Владимира Александровича Динеса, проректора по учебной работе, доктора экономических наук, профессора Михаила Васильевича По-

¹ Имеется опыт изучения личной библиотеки одного из старших коллег В.В. Пугачева – Л.А. Дербова [3].

пова, декана гуманитарного факультета доктора исторических наук, профессора Владислава Васильевича Всемирова было принято решение о создании кабинета-библиотеки именно в «Экономе». Это решение было поддержано коллегами, друзьями и учениками В.В. Пугачева. Было оборудовано помещение, где были размещены книги, фотографии и мемориальные вещи ученого, в том числе знаменитые очки Владимира Владимировича, а также создан небольшой читальный зал. Существенный вклад в сохранение памяти о В.В. Пугачеве и раскрытии исследовательского интереса у студентов на базе кабинета-библиотеки сыграли не только преподаватели исторической кафедры вуза, но и первая заведующая кабинетом Наталия Павловна Караваева. Именно по ее инициативе доброй традицией стало проведение кураторских часов, конкурсов докладов студентов-экономистов в память В.В. Пугачева. Под ее непосредственным контролем в рамках читального зала книги из коллекции профессора бережно использовались для написания научных работ по разнообразной тематике, как преподавателями, так и студентами.

2014 год стал знаковым в деле сохранения библиотечного наследия В.В. Пугачева. 23 июня 2014 г. прошла презентация сборника «История в нас, мы в истории» по итогам международной научно-практической конференции «Пугачевские чтения», посвященной 90-летию профессора Владимира Владимировича Пугачева. Библиотека, наконец, была юридически оформлена: кандидат филологических наук, доцент Саратовского университета им Н.Г. Чернышевского Людмила Ефимовна Герасимова официально передала в дар институту книжный фонд из личной библиотеки Владимира Владимировича. Большую поддержку этому оказал доктор исторических наук, профессор, и.о. ректора СГСЭУ Сергей Юрьевич Наумов. Кабинет-библиотека получила свой юридический статус и стала самостоятельной структурой. В последующие годы «Пугачевские чтения» три раза проводились в «Экономе». В Первых чтениях принимал участие советский и российский филолог, литературовед, историк, мемуарист, видный специалист по истории русской литературы и общественной мысли XIX века, наш земляк (родился в Балашове в 1926 г.) Борис Федорович Егоров, близко знавший Влади-

мира Владимировича. Он внимательно ознакомился с библиотекой, поделился своими воспоминаниями о В.В. Пугачеве, что позволило дополнить представление об ученом у его современников и молодежи. Буквально со слезами на глазах и дрожью в руках Егоров держал фотографию 1959 г., на которой запечатлены Ю.Г. Оксман, В.Г. Базанов, В.В. Пугачев и Татьяна Ивановна Усакина, повторив несколько раз «Танечка... Усакина...». После смерти известного ученого и вплоть до настоящего времени, несмотря на все реорганизационные процессы, затронувшие «Эконом», руководство вуза сделало все возможное не только для сохранения уникальной коллекции книг В.В. Пугачева, но и для того, чтобы направить работу кабинета-библиотеки на развитие научного потенциала молодежи, то есть будущего поколения ученых.

При знакомстве с библиотекой Владимира Владимировича на первый план выступает не столько редкость составляющих ее книг, а культурно-историческая и научная ценность, но и личная сторона дела: тематика и подбор книг и авторов, методы работы и обращения с книгой, его отношение к содержанию книги, выражающееся в надписях на титульном листе, выделении частей текста, замечаниях на полях (маргиналиях) и т.п.

Несмотря на то, что В.В. Пугачев в силу различных обстоятельств успел поработать в Перми, Горьком (в настоящее время Нижний Новгород), Москве, абсолютное большинство книг появились в его коллекции именно в Саратове. Интересно, что библиотека достаточно разнообразна, в ней представлены книги, как редкие, даже для специалистов, так и самые типичные для человека XX в., читающего и интересующегося гуманитарными проблемами, историей страны и мира.

Важное место в книжном собрании кабинета-библиотеки отведено трудам самого профессора В.В. Пугачева. Его научные исследования не только внесли существенный вклад в развитие историографии Отечественной войны 1812 г., феномена декабристов и декабризма, общественных движений XIX в. и др., но и позволили оценить исследовательский талант ученого. Труды В.В. Пугачева характеризуются интересной подачей исторического материала, оригинальностью рассуждений, трепетным отношением автора к

малейшим деталям прошлого, неожиданными выводами. Произведения Владимира Владимировича направлены на воссоздание атмосферы исторической эпохи, понимание мотивов действий конкретных личностей. При этом автор порой намеренно отказывается от собственных оценок тех или иных событий и личностей, побуждая читателя к самостоятельному мыслительному процессу и формированию собственного мнения.

Тематика представленных в личной библиотеке произведений самого В.В. Пугачева позволяет сделать вывод о междисциплинарном подходе в научной исследовательской деятельности ученого, что в условиях XX века было своего рода новаторством. Так, особый исследовательский интерес автора вызывало творческое наследие А.Н. Радищева [4], А.С. Пушкина [5], П.Я. Чаадаева [6] и др. Именно поэтому его статьи находили отклик не только у историков, но и других специалистов гуманитарного профиля. Владимир Владимирович отмечал, что у него еще в школьные годы возник интерес к прошлому, и он колебался, чем ему заняться: литературой или историей. Сам он отмечал, литература его пугала, так как она о судьбах отдельных людей, а человеческая жизнь всегда оказывалась неудачной. История же, имевшая дело с большими отрезками времени, производила более оптимистическое впечатление. Но именно два великих русских писателя подтолкнули его к изучению прошлого: Александр Сергеевич Пушкин и Лев Николаевич Толстой. А начало Великой Отечественной войны заставило задуматься восемнадцатилетнего первокурсника историко-филологического факультета Саратовского университета о событиях Отечественной войны 1812 года. «Чтобы проверить, может ли наша территория поглотить врага. Я узнал потом, что этой же проблемой в то же время занимались немецкие генералы. Фон Клюге в октябре 1941 г. пробирался в свой штаб из блиндажа в дождь, по грязи, и сверял по карте с книгой Коленкура в руках местоположение русской и французской армий в 1812 г. сравнительно с расположением немецкой армии в 1941 г. Потом я узнал, что этим же интересовались Гитлер, Геббельс, Борман. Вот из этого желания понять силу русского пространства и вырос мой пожизненный интерес к 1812 году». Соответ-

ственно в библиотеке Владимира Владимировича имеются различные издания произведений А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого.

Одним из достоинств личности В.В. Пугачева являлось его уважительное и трепетное отношение к людям, которых он считал своими учителями, а также к коллегам по научной и преподавательской деятельности. Это подтверждают письма, сохранившие на своих страницах диалоги профессора В.В. Пугачева с известными учеными: Ю.М. Лотманом, Ю.Г. Оксманом, и др. В библиотеке широко представлены сборники научных трудов Социально-экономического института, где В.В. Пугачев публиковал отдельные статьи о своих учителях, а также книга «Историки, избравшие путь Галилея» [7], которая посвящена судьбам Ю.Г. Оксмана, Г.А. Гуковского, М.П. Алексеева, А.В. Предтеченского, С.Н. Валка, Н.Л. Рубинштейна, В.В. Мавродина, Н.М. Дружинина, Ю.М. Лотмана, М.С. Альтмана.

Исследовательский талант В.В. Пугачева определил его известность не только среди ученых-историков, но и представителей других гуманитарных наук. Обширный круг знакомств Владимир Владимировича наряду с его компетентностью во многих научных сферах способствовали тому, что многие его коллеги дарили ему свои труды, рассчитывая на независимую и авторитетную оценку со стороны профессора. Именно этим обусловлено значительное количество книг в личной библиотеке, не связанных с научными интересами В.В. Пугачева, в том числе с дарственными надписями.

Значительную часть книжного фонда В.В. Пугачева составляют произведения по истории России XIX века, что стало следствием профессионального интереса ученого к этой тематике. Так в библиотеке представлены собрания сочинений В.О. Ключевского, В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Е.В. Тарле. Научную ценность представляют опубликованные письма, документы и бумаги Петра Великого, А.В. Суворова, М.И. Кутузова, а также сочинения Екатерины II, записки А.П. Ермолова. Знакомство читателей, и прежде всего студентов, с этими книгами открывает новые возможности для познания истории Отечества, позволяет взглянуть на эпоху глазами личностей, вершивших судьбу страны.

Победа в Великой Отечественной войне и общественно-политический подъем в обществе, настроение народа-победителя под-

толкнули В.В. Пугачева к изучению декабризма как социокультурного явления. В связи с этим библиотека существенно пополнилась за счет произведений этой тематики, причем как фундаментальных трудов, например, двухтомник М.В. Нечкиной «Движение декабристов», так и исследований, посвященных отдельным личностям или проблемам.

Анализируя книжный фонд кабинета-библиотеки можно сделать вывод о широком кругозоре и разносторонних интересах В.В. Пугачева. В его составе есть книги по истории Советской России, в том числе воспоминания Г.К. Жукова, А.М. Василевского, А.И. Микояна, А.Г. Зверева, а также издания по истории Франции, Англии, Италии, балканских государств. В библиотеке Владимира Владимировича можно найти труды не только историков, но и социологов, культурологов, филологов-литературоведов, в том числе исследования его непосредственных и духовных учителей Г.А. Гуковского, В.В. Мавродина, А.В. Предтеченского, Н.Л. Рубинштейна, С.Б. Окуня. Хранятся работы его знаменитых коллег: С.Н. Валка, М.П. Алексеева, Ю.Г. Оксмана, которые составляют золотой фонд советской историографии. Также в библиотеке представлены работы М.Н. Дружинина, М.Н. Тихомирова, Ю.М. Лотмана, Б.Ф. Егорова.

Особую ценность для читателя представляют дореволюционные издания, такие как «Древняя история» Д. Иловайского (1883), «История пунических войн» Тита Ливия (1905), «Происхождение современного народно-правового государства» Н.И. Карева (1908), «Очерки русской культуры» П.Н. Милюкова (1904), «Сказания иностранцев о Московском государстве» В.О. Ключевского (1916) и многие другие.

Профессиональный и личный интерес ученого не ограничивался только отечественной литературой, в кабинете-библиотеке целый стеллаж занимают издания на иностранных языках, в том числе подборки номеров «*Rivista Storica Italiana*» («Итальянского исторического журнала») за 1975–1977 гг., произведения Карла Б. Коуна, посвященные эпохам Французской и Американской революций («*Burke and the Nature of Politics: The Era of the French Revolution*», «*Burke and the Nature of Politics: The Age of The American Revolu-*

tion»), а также зарубежные исследования творчества А.С. Пушкина и А.И. Герцена.

Анализ книжного фонда кабинета-библиотеки во многом раскрывает мировоззрение, личностные качества её владельца, его профессиональные интересы и духовные запросы. Поля многих книг сохранили размышления Владимира Владимировича о природе государства и его роли в жизни общества, о силе русского пространства, о «вольнлюбцах и свободолюбцах». Книга для В.В. Пугачева являлась главным источником информации, отсюда и особый подход к работе с ней. В процессе чтения профессор сразу непосредственно на книжных страницах фиксировал свои мысли, чтобы потом вернуться к ним, не упустить что-то важное, переосмыслить прочитанное.

Таким образом, можно сделать вывод, что библиотечная коллекция в основном сформировалась в последний саратовский период жизни В.В. Пугачева и содержит книги, характерные и доступные, несмотря на книжный дефицит, для представителя отечественной интеллигенции XX века. Это собрания сочинений и отдельные издания классиков русской, советской и зарубежной литературы, мемуары. Но доминируют книги отражающие траекторию исследовательского интереса В.В. Пугачева: А.Н. Радищев – Отечественная война 1812 года – декабристы – А.С. Пушкин. Свою последнюю статью «Пушкин и декабристы» – о том, «кого называть декабристами, когда появился этот термин и как толковать выражение А.С. Пушкина «только революционная голова», спор о которой идёт до сих пор» (из письма Владимира Владимировича отечественному литературоведу Константину Марковичу Азадковскому, продиктованного 27 сентября 1998 г.). Статья была прочитана на международной пушкинской конференции в Италии и покорила научную аудиторию новизной, эрудированностью, доказательностью. Участники конференции послали нашему земляку приветственное письмо. Получить письмо из Италии Владимир Владимирович не успел. Он тяжело умирал, всё понимая. Одним из его последних пожеланий было изготвить столик, чтобы он мог писать лежа...

Список использованных источников и литературы

1. *Ильина О.Н.* Личные библиотеки как источник по истории культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры. 2003. Ноябрь. С. 63–69.
2. *Радишаускайте Н.В.* Личные книжные собрания как часть культурного наследия: опыт работы Дальневосточной государственной научной библиотеки // Труды ГПНТБ СО РАН. 2018. № 13–2. С. 436–444.
3. *Мезин С.А.* Историк и его книги (памяти Л.А. Дербова) // Историографический сборник. Саратов, 1998. Вып. 17. С. 15–31.
4. *Пугачев В.В.* А.Н. Радищев. (Эволюция общественно-политических взглядов). Горький, 1960. 102 с.
5. *Пугачев В.В.* Пушкин, Радищев, Карамзин. Саратов, 1992. 231 с.
6. *Оксман Ю.Г., Пугачев В.В.* Пушкин, декабристы, Чаадаев / Сост., вступ. ст. и прим. Л.Е. Герасимовой, В.С. Парсамова и М.В. Селезнева. Саратов, 1999. 260 с.
7. *Пугачев В.В., Динес В.А.* Историки, избравшие путь Галилея: статьи и очерки / Под ред. Л.Е. Герасимовой. Саратов, 1995. 229 с.

Ю.Г. Степанов, А.В. Степанова

ШКОЛА МУЖЕСТВА (Ю.Г. ОКСМАН И САРАТОВСКИЕ ИСТОРИКИ)

В статье исследуется влияние Ю.Г. Оксмана на саратовских историков в годы его работы в Саратовском университете (1946-1958). Анализируется роль Ю.Г. Оксмана в создании особой интеллектуальной и культурной среды, его взаимоотношения с коллегами и степень воздействия на современников.

Ключевые слова: Историческая наука, Саратовский университет, политические репрессии, Ю.Г. Оксман, В.В. Пугачев, И.В. Порох.

Yu.G. Stepanov, A.V. Stepanova

SCHOL OF FORTITUDE (Yu.G. OKSMAN AND SARATOV HISTORIANS)

The article examines the influence of Yu.G. Oksman on Saratov historians during the years of his work at Saratov University (1946-1958). The role is analyzed Yu.G. Oksman in creating a special intellectual and cultural environment, his relationships with colleagues and the degree of impact on his contemporaries.

Key words: Historical science, Saratov University, political repressions, Yu.G. Oksman, V.V. Pugachev, I.V. Poroch.

Наука всегда имеет человеческое измерение, а научный прогресс определяется взаимоотношениями ученых, их приверженностью определенной системе ценностей. Феномен Ю.Г. Оксмана – ярчайшее тому свидетельство.

Биографы, исследователи творчества Ю.Г. Оксмана (1895–1970) выделяют арест талантливого молодого пушкиниста в 1936 г. как страшную, рубежную дату в его судьбе. 10 лет сталинской каторги сломали карьеру ученого и едва не стоили ему жизни. Об этом в письмах друзьям и коллегам не раз писал и сам Юлиан Григорьевич

[1, с. 134]. Но не забудем, что первый опыт «общения» Оксмана со следственными органами произошел шестью годами раньше.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов власти довершали начатый сразу после Великого Октября демонтаж многообразия стилей, жанров, направлений в отечественной литературе, искусстве, гуманитарных науках. Место творческой полифонии заняли унификация, идеологические клише и наспех сконструированные методологические шаблоны: социалистический реализм и марксизм-ленинизм. Функции надзора за чистотой рядов и помыслов, право решать судьбы граждан бесспорно закрепились за партийными организациями и, главным образом, ведомством госбезопасности. Инструментом «зачистки» идейно-политического пространства от вероятных (в большинстве случаев вымышленных) диссидентов и противников власти стала фабрикация политических дел. Так называемое «академическое дело» 1929-1931 гг. и аресты выдающихся историков – отправная точка в «перестройке» советской исторической науки по новым образцам и стандартам [2, с. VII–XXIX].

К следствию по делу о «монархической контрреволюционной организации», созданной, по мнению НКВД, академиком С.Ф. Платоновым и его коллегами, привлекался и Юлиан Григорьевич Оксман. Именно С.Ф. Платонов, «назначенный» следствием «главой подпольной антисоветской организации», еще в январе 1916 г. рекомендовал утвердить Оксмана «в должности младшего научного сотрудника Комиссии по научному описанию Архива МНП» [3, с. 122]. Для «органов» это был вполне достаточный повод, чтобы устроить Юлиану Григорьевичу допрос с пристрастием. 7 февраля 1931 г. он был освобожден в связи с «прекращением следственного производства» [2, с. 347]. Молодого ученого выпустили, но «взяли на карандаш»; он, как и многие его соотечественники, был, по сути дела, заложником, «гулявшим» на свободе лишь «по недосмотру органов». В ноябре 1936 г. Ю.Г. Оксман был арестован и осужден на пять лет. В 1942 г. за отказ признать себя виновным получил второй срок. «Я вместо Пушкина и декабристов изучал звериный быт Колымы и Чукотки, добывал ... уголь, золото, олово, обливался кровавым потом в рудниках, голодал и замерзал не год и не два, а две пятилетки», – горько иронизировал Оксман [4].

Ученому-гуманитарию, человеку, как правило, плохо приспособленному к повседневности, всегда необходима поддержка друзей, единомышленников, тем более, в условиях подозрительности и вражды окружающих. Ю.Г. Оксман был ярким представителем «группы людей, которые сохраняли традиции интеллигенции XIX века» [5, с. 19], а потому был напрочь лишен важного для собственной безопасности рефлекса: равнодушно созерцательного отношения к человеческой подлости. В 1946 г. Ю.Г. Оксман – бывший узник, потерявший десять лет жизни, здоровье, любимую работу, оболганный и преданный многими из тех, кого он считал своими друзьями и коллегами, не мог обойтись без помощи людей, сохранивших ум, совесть и чувство собственного достоинства.

Приезда Ю.Г. Оксмана в Саратов добились профессора Г.А. Гувковский (в 1946 г. проректор Саратовского университета) и заведующий кафедрой русской и советской литературы А.П. Скафтымов. Именно они убедили ректора СГУ П.В. Голубкова ввести в штат СГУ Ю.Г. Оксмана. По верному замечанию А.А. Жук, надо было иметь «редкое для того времени мужество», чтобы «ввести в профессорский корпус университета ... вчерашнего колымского “зека”, магаданского ссыльного, десятилетие назад помеченного зловещим тавром “врага народа”» [6, с. 257].

Редкое мужество в данном случае – вовсе не фигура речи или приятный для слуха эвфемизм. Для каждого из трех профессоров инициатива пригласить в университет бывшего «каторжника» и «врага народа» могла обернуться тяжелейшими последствиями. Очень рисковал физик П.В. Голубков. Менее десяти лет назад, в 1938 г., его предшественник, ректор Г.К. Хворостин, собравший в Саратовском университете опальных ученых, был арестован и расстрелян по обвинению в связи с «врагами народа».

Не менее сложным было и положение выдающегося филолога А.П. Скафтымова. Его жену, Ольгу Александровну, преподавателя французского языка, в 1935 г. по ложному доносу сослали в Карагандинский исправительно-трудовой лагерь. После отбытия наказания в 1939 г. ей было запрещено проживание в Саратове. Лишь в 1946 г. она смогла вернуться к мужу в Саратов. Сын Скафтымовых – Павел, очень тяжело пережил арест и высылку матери. Не дожив

до двадцати лет, юноша скончался от туберкулеза. Для обывателя и властей выдающийся ученый-литературовед Александр Павлович Скафтымов оставался «членом семьи врага народа», то есть человеком неблагонадежным. Его помощь «зеку» Ю.Г. Оксману для «органов» и бдительных граждан выглядела крайне подозрительной. В 1949 г. «Литературная газета» опубликовала фельетон Г. Пермякова, обвинявший в аполитичности и «отрыве от жизни» А.П. Скафтымова и его коллег [7]. В СССР 1930-х - начала 1950-х гг. такого рода обвинения, а по сути, политический донос, нередко завершались арестом «обвиняемого». А.П. Скафтымов, долгие годы находившийся в поле зрения советской политической цензуры, мог быть арестован в любой момент по самому ничтожному поводу.

Особое место в истории культурной жизни Саратова и местного университета занимают ленинградцы. В феврале 1942 г. в город на Волге были эвакуированы преподаватели и студенты ЛГУ. «Сотрудничество с эвакуированными ленинградскими историками, стало основной, если не решающей причиной того, что из саратовского истфака, “возрожденного” в 1935 г., не удалось создать “политотдел”, как было задумано сверху», – указывает Л.Е. Герасимова [8, с. 82]. Соглашаясь с этим высказыванием, замечу только, что верхи и рассматривали восстановленные с 1934 г. исторические факультеты как идеологический «палладиум» власти. Саратовский истфак исключением не был.

Среди оказавшихся волей судьбы в Саратове ленинградских ученых исключительное место занимает профессор Г.А. Гуковский. Специалист по русской литературе XVIII в., блистательный ученый, талантливый организатор, любимец студентов, Григорий Александрович не ограничивался научной и преподавательской работой в университете. Член бюро Саратовского отделения Союза советских писателей, он публиковался в местных газетах, выступал с открытыми лекциями в организованном им же при университете лектории. Директор Научной библиотеки СГУ В.А. Артисевич вспоминала Гуковского как человека изумительно талантливого во всем, что он делал. На публичных выступлениях ленинградского профессора всегда был аншлаг: «слушатели лектория с нетерпением ожидали лекций профессора Г.А. Гуковского, выступавшего живо, ярко, с

оригинальным научным материалом», – писала Вера Александровна [9, с. 122].

Гуковский был давним знакомым Ю.Г. Оксмана, ценил его работы и хорошо понимал и масштаб личности, и научную значимость творчества коллеги. Гуковского и Оксмана объединяло не только давнее знакомство и общность научных интересов, но и стремление отстаивать истинные ценности, спасти русскую культуру от оскудения мысли, грубой политизации, невежества деятелей агитпропа. Они были деятелями, создававшими особую культурную среду. Не случайно В.В. Пугачев считал Г.А. Гуковского и Ю.Г. Оксмана учеными, спасшими культуру «от упрощенчества мысли» [10, с. 3]. К несчастью, те, кто стремился уберечь культуру от погромов власти, оказывались беззащитны перед агрессивным невежеством и клеветой. От этого не могли уберечь ни талант, ни научные заслуги. Судьба Г.А. Гуковского – яркое тому свидетельство.

17 ноября 1944 г. «Правда» опубликовала пасквиль на ученого [11]. Грубый, вызывающе развязный тон публикации, стремление автора статьи оскорбить и унижить выдающегося литературоведа произвели тяжелое впечатление на ученых, преподавателей, студентов, всех знавших и любивших Г.А. Гуковского. Очень эмоционально и ярко отреагировала на «опус» в главной газете страны О.Б. Сиротина, тогда, в 1944 г., студентка филологического факультета СГУ, впоследствии доктор наук, профессор: «В “Правде” была напечатана статья некоего Котова, в которой оскорбляется Гуковский. Оскорбляют его за предисловие к собранию сочинений Крылова, в 1935 году, десять лет тому назад ... Если бы статья была полемична – полбеда. Но статья просто оскорбительная. Гуковского называют псевдоученым, его статью – глупой болтовней, несовместимой со званием профессора, его взгляды реакционными и черносотенными... Я ревела как никогда в жизни... Тут было все: и обида за Гуковского, и боль за правительство, мое правительство, поступающее противно моей совести» [12, с. 121–122]. Это настоящий крик души человека, потрясенного наглой клеветой и теряющего веру в справедливость. Гуковский, опасаясь за будущее своих студентов, категорически запретил им выступать в свою защиту с какими-либо публичными заявлениями. Надо было обладать

необычайным мужеством, чтобы, получив «черную метку» (в первый раз Г.А. Гуковский был арестован еще в 1941 г.), не побояться помочь «врагу народа» Ю.Г. Оксману, но сам Григорий Александрович не уберется от расправы. По возвращении в родной Ленинград, он был арестован в ходе «борьбы с космополитизмом» и скончался в Лефтовской тюрьме в 1950 году...

Возвращение к научной и преподавательской жизни в провинциальном университете шло для Ю.Г. Оксмана совсем не просто. Свою деятельность Юлиану Григорьевичу приходилось начинать с чистого листа. Архив ученого не сохранился, а «книги, сданные в печать до моего ареста, выходили без моего имени или под чужими именами, некоторые вовсе не вышли в свет и погибли», – писал он Г.П. Струве [13, с. 37]. «В «Саратове мне явно не житье», но и в любом другом унив<ерситете> трепка нервов будет та же, что и в Саратове, где я чувствую, что меня всё равно замучат, если я не перестану волновать сердца молодежи», – размышлял Юлиан Григорьевич в письмах М.К. Азадовскому 1951–1952 гг. [14]. Конечно, ученому было унижительно и тяжело осознавать себя «свободным поднадзорным» [15]. Не добавляли оптимизма и жесткие идеологические кампании времен позднего сталинизма. Из письма К.П. Богаевской 24.09.1948: «Милая Ксения Петровна... обстановка в Саратове с каждым днем становится сложнее. Четырехдневная дискуссия в университете о выявленных у нас гнездах вейсманистов закончилась не только изгнанием из унив<ерситет>а всех виновных..., но и предложением заняться выяснением идеологического лица всех факультетов» [16]. В 1952 г. Оксман предпринял попытку уехать из Саратова, однако осенью того же года ситуация изменилась. Опальный, пониженный в должности до ассистента Ю.Г. Оксман оставался беспрекословным авторитетом в научном мире и наставником молодежи. Этот факт дошел, наконец, и до сознания партийных властей. В защиту ученого выступил первый секретарь Саратовского обкома партии Г.А. Борков, который в личной беседе с Юлианом Григорьевичем заявил: «Мы всё изучили, проверили всю вашу работу за 5 лет, выслушали ваших преследователей, запросили компетентных товарищей в Москве и пришли к заключению, что отпустить вас из Саратов<овского> унив<ерситета> это

значит окончательно оголить филол<огический> фронт и лишиться, неизвестно почему, крупнейшего специалиста. Мы уже взгрили ва-ше универ<ситетское> начальство за вас, будем бить их за все их глупости и дальше, условия для вашей работы будут созданы, мы у вас в большом долгу» [14].

В Саратове Ю.Г. Оксман вел огромную работу. Читал лекционные курсы, преподавал историю русской словесности, литературное источниковедение, историю русской критики и журналистики, спецкурсы, руководил студенческим научным обществом. Лекции и публичные выступления Оксмана неизменно вызывали огромный интерес. Студент-историк начала 1950-х гг., а впоследствии доктор исторических наук, профессор А.И. Аврус вспоминал, что аудитория переполнялась, когда лекции читал Ю.Г. Оксман: «И мы с раскрытыми от восторга ртами, с горящими глазами слушали раз в неделю прекрасные, вдохновенные лекции-импровизации Юлиана Григорьевича» [17, с. 19–20].

Очень плодотворной оказалась и научная работа Ю.Г. Оксмана в Саратовском университете: с 1947 по 1958 г. было опубликовано 36 его работ. «В Саратове я не только начал много нового, но систематически дописывал то, что лежало с 1918-1923 гг. в моих папках и корзинах», – вспоминал Ю.Г. Оксман [15]. В Саратове ученый завершил свой капитальный труд «Летопись жизни и творчества В.Г. Белинского», написал монографию «От “Капитанской дочки” к “Запискам охотника”: Пушкин – Рылеев – Кольцов – Белинский – Тургенев».

Не менее важно благотворное влияние, которое оказал Оксман на молодых саратовских гуманитариев, в том числе, будущих профессоров И.В. Пороха и В.В. Пугачева. «В Саратове я занимался и с историками (В.В. Пугачев, И.В. Порох, И. Винникова и др<угие>) ... я вводил молодые кадры в пушкиноведение, а потом в изуч<ение> Белинского, Герцена, Чернышевского», – отмечал Ю.Г. Оксман [15]. Все, кто работал под началом Юлиана Григорьевича, вспоминали то время (Оксман покинул Саратов в 1958 г.) как необыкновенную школу мысли и профессиональной выучки.

В жизни и судьбе молодого ученого, даже самого талантливого, многое зависит от того, кого он встретил в начале своего пути в

науку, что завещали ему наставники, о чем напутствовали, куда направляли. На трудный путь постижения истины или слепого и бездумного подражания «общепринятым» взглядам, идеям, шаблонам. Тесное научное и личное общение с Оксманом его саратовской «паствы» – И.В. Пороха и В.В. Пугачева предопределили основной вектор их научных поисков, тот метод, что ныне называют антропологическим походом.

О первых встречах с Ю.Г. Оксманом, которые переросли в научное сотрудничество и дружеские отношения, И.В. Порох вспоминал так: Юлиан Григорьевич «произвел на меня просто ошеломляющее впечатление». Он «обладал необыкновенным талантом возбуждать научный интерес к той или иной проблеме, создавая особое поле исследовательских настроений и творческой энергии... по сути дела, Ю.Г. Оксман определил мою дальнейшую судьбу в науке» [18, с. 71–72]. Оксман, со своей стороны, очень тепло относился к И.В. Пороху и другим саратовцам, поддержавшим его в трудные времена: «Все вы стали навсегда моими личными друзьями, интересы которых для меня неотделимы от моих собственных» [18, с. 155].

И.В. Порох в научных трудах, лекциях, спецкурсах и семинарах, личном общении со студентами, аспирантами и коллегами не уставал повторять: «история в человеке, а не человек в истории, вот, что самое важное». Человеческое измерение всегда и везде интересовало его в первую очередь, будь то декабристы, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, или, например, А.И. Солженицын, которого он даже называл «Герценом XX века». В 1995 г. Игорь Васильевич специально пришел на встречу с Александром Исаевичем, приехавшим в Саратов. Правда, в новоявленном «Герцене» И.В. Порох очень быстро разочаровался, убедившись в очевидном невежестве и нигилизме Солженицына во всем, что касалось русской политической мысли XIX столетия. Для Игоря Васильевича, как и его первого наставника в науке – Ю.Г. Оксмана – главным всегда оставались поиски истины и уважение к свободе мысли, независимость от политической конъюнктуры, в какие бы маски она не рядилась

В.В. Пугачев, в годы Великой Отечественной войны – студент исторического факультета Саратовского университета, прочел труды

Ю.Г. Оксмана еще до личного с ним знакомства, а первая же встреча с Юлианом Григорьевичем, как и в случае с И.В. Порохом, оказала на молодого историка огромное влияние. Во многом благодаря контактам с Оксманом Владимир Владимирович и сформировался как профессиональный историк.

С приписываемым В.О. Ключевскому хлестким афоризмом – история как девица, которая хочет любви, но ее все время пытаются изнасиловать, согласились бы многие поколения советских историков. Думается, В.В. Пугачев не был исключением. Вторжение идеологии и политики «в истолкование прошлого Пугачев горько переживал на протяжении всей своей творческой жизни», – отмечает Л.Е. Герасимова [8, с. 82]. Лишь волей случая и благодаря твердости С.Б. Окуня и А.В. Предтеченского, своих научных оппонентов, В.В. Пугачев в 1948 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию «Подготовка России к Отечественной войне 1812 года». В.В. Пугачев, как и Ю.Г. Оксман, не боялся идти против течения. Капитальный труд диссертанта шел в разрез с официальной трактовкой «грозы двенадцатого года», что грозило ему серьезными неприятностями отнюдь не только карьерного свойства. От «оргвыводов» его спасло то, что «Ученый совет ЛГУ, еще не испытывавший антикосмополитических погромов, был хранителем лучших научных традиций» [19, с. 7]. Л.Е. Герасимова образно и емко указала символ веры В.В. Пугачева: «История – это история людей, и без отдельного человека истории нет» [8, с. 82]. Яркую и очень важную для понимания личности Пугачева характеристику дал саратовскому профессору Л.Я. Лурье. «Владимир Владимирович, – вспоминал Лев Лурье, – произвел на меня сильнейшее впечатление с первой минуты общения. Я считаю его своим учителем. Это был человек ни на кого не похожий, живший, скорее, не историей, а в истории. Секретари Саратовского Обкома КПСС были ему так же любопытны, как члены «Союза Благоденствия», которыми он занимался профессионально» [21, с. 45–46]. Пожалуй, именно умение вживаться в историю, чувствовать ее ритмы, понимать людей прошлого, их мысли, эмоции, чувства и объединяет Ю.Г. Оксмана с его учениками и младшими современниками – И.В. Порохом и В.В. Пугачевым.

Судьба Ю.Г. Оксмана трагична. Он до конца оставался непримиримым борцом «со свинцовыми мерзостями» советского политического режима. В отместку власти изолировали Юлиана Григорьевича, лишив его возможности и права работать по специальности. «Последние годы он жил в трудных условиях, отвергнутый официальной наукой и писательской братией». Даже «устройство его похорон, приискание и получение места для могилы доставили друзьям и почитателям покойного большие затруднения. Сообщений о смерти Оксмана в газетах нет («Вечерняя Москва», «Известия», например)», – свидетельствовал С.С. Дмитриев [20, с. 210].

Саратовские историки, ученики и коллеги Оксмана бережно хранили память об этом выдающемся ученом, подвижнике и светлом человеке. В 1971 г. В.В. Пугачев в первом же номере альманаха «Освободительное движение в России» запланировал публикацию статьи Ю.Г. Оксмана, написанную им в Саратове в 1950-м году. В своем комментарии к публикации В.В. Пугачев пояснял: «Публикуемая работа покойного Ю.Г. Оксмана (в 1947–1958 гг. профессора Саратовского университета) была написана в Саратове в 1950 г. к 125-летию со дня восстания декабристов как лекция для студентов и аспирантов» [22, с. 70]. Намерение опубликовать работу покойного «диссидента и антисоветчика» вызвало настоящую панику в партийных кругах Саратова. «Альманах наш вот уже третий месяц в беде: тираж 1-го номера под арестом, а над следующими номерами вся работа пока отставлена. Так репрессируют нас местные партийные власти, полагающие (невесть отчего), что мы напечатали антисоветчика (!!) в лице Юлиана Григорьевича Оксмана», – негодовал в письме к Н.М. Приумовой (9.11. 1971) ответственный секретарь редколлегии альманаха «Освободительное движение в России» Н.А. Троицкий [23, л. 32].

И все же, несмотря на длительное сопротивление и проволочку партийного истеблишмента, саратовские историки добились, чтобы великолепная статья Ю.Г. Оксмана увидела свет. В схватке с цензурой мысли Оксман и его единомышленники взяли верх. Иначе и быть не могло просто потому, что научное творчество и мужество мысли сильнее любого политического режима, даже если он кажется всемогущим. Юлиан Григорьевич Оксман своей жизнью,

талантом и личным примером доказал это убедительно, наглядно и неопровержимо.

Список использованных источников и литературы

1. «Так как вольность от нас не зависит, то остается покой...» Из переписки Ю.Г. Оксмана с Лидией Чуковской // Знамя. 2009. № 6. С. 134–176.
2. Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 9. Обвинение. Приговор. Реабилитация. Ч. 1. СПб., 2015. 453 с.
3. «Надеюсь, что успеем материал спасти». Роль Ю.Г. Оксмана и В.Д. Бонч-Бруевича в деле сохранения личного архива А.С. Николаева. 1934 г. / Вступ. ст., подг. текста и комм. М.А. Фролова // Отечественные архивы. 2013. № 2. С. 116–123.
4. Добкач Р.Э. «Виновным себя ни в чем не признаю...». [Сетевая публикация] // URL: <http://decabristy-online.ru/raisa8.htm>. (Дата обращения: 19.08.2023).
5. Бушканец Л.Е. Литературовед в провинции как культурный подвижник // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2011. № 1 (34). С. 18–23.
6. Из переписки А.П. Скафтымова и Ю.Г. Оксмана / Предисл., сост. и подг. текстов А.А. Жук. Публ. В.В. Прозорова // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1995. Вып. 2. С. 255–325.
7. Пермяков Г. «Жизнь, знай себе, идёт и проходит...» (Об «Ученых записках Саратовского университета») // Литературная газета. 1949. 5 окт. № 80.
8. Герасимова Л.Е. В.В. Пугачев об исторической науке // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2016. № 5. С. 81–84.
9. Артисевич В.А. Одинаковых судеб не бывает: воспоминания. Саратов, 2009. 240 с.
10. Пузачёв В.В., Динес В.А. Историки, избравшие путь Галилея: статьи, очерки / Под ред. Л.Е. Герасимовой. Саратов, 1995. 231 с.
11. Котов М. Глупая стряпня о великом баснописце // Правда. 17 ноября 1944. № 273 (3733).
12. Сиротинина О.Б. «И жизнь пролетит как мечта...»: личные дневники (1939–1954). Саратов, 2023. 420 с.
13. Флейшман Л. Из архива Гуверовского института. Письма Ю.Г. Оксмана к Г.П. Струве // Stanford slavic studies. Stanford, 1987. Vol. 1. P. 15–70.
14. Марк Азадовский. Юлиан Оксман. Переписка. 1944–1954 / Публ. В. Селезнева [Сетевая публикация] // URL: <http://magazines.gorky.media/volga/1999/2/mark-azadovskij-yulian-oksman-perepiska-1944-1954.html>. (Дата обращения: 11.08.2023).

15. «Искренне Ваш Юл. Окман». (Письма 1914–1970-го годов) / Публ. М.Д. Эльзона, предисл. В.Д. Рака, примеч. М.Д. Элзона и В.Д. Рака. [Сетевая публикация] // URL: https://literary.ru/literary.ru/print.php?subaction=showfull&id=1203429823&archive=1203491298&start_from=&ucat=&. (Дата обращения: 11.08.2023).
16. Ю.Г. Оксман в Саратове. (Письма. 1947–1957) / Публ. К. Богаевской. [Сетевая публикация] // URL: <https://voplit.ru/article/yu-g-oksman-v-saratove-pisma-1947-1957-publikatsiya-k-bogaevskoj>. (Дата обращения: 17.08.2023).
17. *Аврус А.И.* О друзьях-товарищах и других. Саратов, 2012. 224 с.
18. Юлиан Григорьевич Оксман в Саратове: 1947–1958 / Отв. ред. Е.П. Никитина. Саратов, 1999. 276 с.
19. *Динес В., Парсамов В., Гаркавенко О.* К 75-летию профессора Владимира Владимировича Пугачева. Саратов, 1998. 84 с.
20. *Дмитриев С.С.* Дневники: В 4 т. СПб., 2023. Т. 2. 1961–1991. 1294 с.
21. *Лурье Л.Я.* Честный человек учит честности // Николаю Алексеевичу Троицкому – к юбилею. Сб. ст. Саратов, 2011. С. 45–50.
22. *Оксман Ю.Г.* Пушкин и декабристы // Освободительное движение в России. 1971. № 1. С. 70–88.
23. МНГЧ. ОФ. 1054.

*Ю.В. Варфоломеев,
Е.Н. Ризаева*

**«ИСКРА БОЖЬЯ В ВАС, ДОРОГОЙ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ!»:
ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПРОФЕССОРА ТРОИЦКОГО С КОЛЛЕГАМИ**

В статье предпринято исследование фрагментов переписки Н.А. Троицкого с коллегами-историками: Н.М. Пирумовой, Л.П. Рощевской и З.В. Першиной за период 70-х – 80-х годов прошлого века, хранящихся в его личном архивном фонде в Музее-усадьбе Н.Г. Чернышевского. Проведенный анализ писем позволил выявить круг обсуждаемых учеными научных проблем и текущих организационных вопросов, установить характер творческих и академических контактов корреспондентов, а также определить стиль их эпистолярного общения.

Ключевые слова: Н.А. Троицкий, Н.М. Пирумова, Л.П. Рощевская, З.В. Першина, переписка, эпистолярный диалог.

*Yu.V. Varfolomeev,
E.N. Rizaeva*

**"THE SPARK OF GOD IS IN YOU, DEAR NIKOLAI ALEXSEYEVICH!":
FROM PROFESSOR TROITSKY'S CORRESPONDENCE
WITH COLLEAGUES**

The article investigates fragments of N.A. Troitsky's correspondence with fellow historians: N.M. Pirumova, L.P. Roshchevskaya and Z.V. Pershina for the period of the 70s - 80s of the last century, stored in his personal archive fund in the Museum-Estate of N.G. Chernyshevsky. The analysis of the letters made it possible to identify the range of scientific problems and current organizational issues discussed by scientists, to establish the nature of creative and academic contacts of correspondents, as well as to determine the style of their epistolary communication.

Key words: N.A. Troitsky, N.M. Pirumova, L.P. Roshchevskaya, Z.V. Pershina, correspondence, epistolary dialogue.

Важной и многоплановой стороной научного быта историка являются межличностные коммуникации, и здесь непреходящее значение имеет переписка ученого с коллегами. Мы живем в эпоху «хо-

лодных», пунктирно-телеграфных электронных писем. Виртуальное общение, безусловно, дает выигрыш во времени, но вместе с этим теряется «душа» рукописного текста, а письма приобретают более сжатый, лаконичный характер. «Переход от письма к клавишам – это движение от самостоятельности к зависимости, от рукотворности к искусственности, от естественности к механистичности, от ручной работы к “штамповке”, от живого следа к бездушному трафарету, от уникальности к стандартности, от чувственности к рациональности, от экспрессивности к нейтральности», – подробно и точно описал трансформацию рукописного письма в электронное Д.Г. Трунов [1, с. 127].

В данном случае анализируемый эпистолярный дискурс – это комплекс коммуникативных связей в научном сообществе того времени, это диалог, «погружённый в жизнь». Однако значимость переписки важна не только в этом отношении. Ее роль в жизни ученого – это рефлексия тех фактов, «с которыми приходится сталкиваться, того дела, которое видишь кругом и в котором сам принимаешь участие, – отмечал В.И. Вернадский. – Пытаться схватить отражение известных событий в окружающих и в ряде отдельных мыслей набрасывать отражение их на своей личности» [2, с. 6].

При этом переписка Троицкого демонстрирует широкий географический охват научного мира той эпохи. Круг адресатов профессора Троицкого чрезвычайно широк и разнообразен, но в данном случае речь пойдет о его письменном диалоге только с коллегами по историческому цеху. В данной статье исследовательский ракурс обращен к нескольким персоналиям и фрагментам богатейшей россыпи эпистолярного наследия ученого за одно лишь десятилетие с 1975 по 1985 г. из его личного архивного собрания, хранящегося в Общем фонде «Музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского», куда эти материалы поступили в 2017 г.

К настоящему времени уже сформировался и продолжает развиваться исследовательский тренд по изучению корреспонденции Н.А. Троицкого. Так, например, ученые из Института всеобщей истории РАН М.В. Ковалев и В.С. Груздинская опубликовали письма М.Я. Гефтера к Н.А. Троицкому [3], главный архивист Государственного архива Саратовской области Ю.Г. Степанов – письма профес-

сора В.Ф. Антонова Н.А. Троицкому [4], а Ю.В. Варфоломеев и С.В. Левин представили переписку своего Учителя с академиком Н.М. Дружининым [5].

Многолетнее знакомство связывало Троицкого с известным историком освободительного движения, научным сотрудником Института истории СССР РАН Натальей Михайловной Пирумовой, заслужившей от коллег уважительное звание «бабушка русской анархии» [6], за свои фундаментальные труды о М.А. Бакуanine и П.А. Кропоткине, а Николай Алексеевич выделял ее среди отечественных коллег своего поколения, которые ему были наиболее близки по научным интересам и творческим связям [7, с. 122]. На страницах их переписки запечатлены различные рабочие моменты, например, касающиеся согласования персоналий и политических судебных процессов второй половины XIX века для словника, подготовкой которого занимался Институт истории СССР. «Будет очень хорошо, – обращалась Пирумова к Николаю Алексеевичу в одном из писем, – если Вы возьметесь составить разделы по всем процессам 70-90-х годов» [8, л. 1]. Вместе с тем, случалось, что она обращалась к Троицкому как к одному из членов редколлегии (точнее – заместителю ответственного редактора) сборника «Освободительное движение в России» по поводу публикации своих статей и рецензий. Так, 1 ноября 1975 г. она уточняла у Николая Алексеевича: «Не будете ли Вы так добры и не сообщите ли мне о судьбе моей статьи про Тату Герцен? Порох и Пугачев молчат. Кстати, нельзя ли тем или иным путем получить Ваш сборник?» [9, л. 1]. В ответном письме Троицкий развеял волнения Натальи Михайловны – ее статья [10] была включена в очередной выпуск журнала за текущий год. Следует подчеркнуть, что Пирумова, так же, как и ее московские коллеги, всегда проявляла неподдельный интерес к сборнику «Освободительное движение в России» – одному из двух межвузовских научных изданий (первый по рождению – «Историографический сборник») кафедры истории СССР досоветского периода. В переписке она чаще всего называла его «альманах» и постоянно интересовалась свежими выпусками. «А как бы теперь всем нам – членам группы общественного движения 2-й половины (XIX. – *Авт.*) века получить Ваш альманах» [11, л. 1], – задавалась она в который

раз этим практическим вопросом в письме от 26 ноября 1975 г. Надо отдать должное профессору Троицкому, который своевременно и добросовестно рассылал коллегам из разных городов экземпляры столь востребованного сборника, заслужившего высокую репутацию в кругу историков.

Столичные ученые высоко оценивали не только уровень саратовской исторической школы, но и непосредственно научные труды своего саратовского коллеги – Н.А. Троицкого. В 1980 г. монография Николая Алексеевича «Царизм под судом прогрессивной общественности (1866–1895)», вышедшая годом ранее в московском издательстве «Мысль», была выдвинута на конкурс «Лучшая научная книга», который был организован Министерством высшего и среднего специального образования СССР, о чем и сообщала Н.М. Пирумова в своем письме от 22 мая 1980 г.: «...а проводит его (конкурс. – *Авт.*) в этом году университет в Вильнюсе. Оттуда и была прислана книга и письмо об этом на отзыв в Институт. В итоге, отзыв, написанный Итенбергом и Твардовской, был зачитан и утвержден на последнем заседании 20.V. Отзыв естественно положительный» [12, л. 1].

В личном архивном фонде Н.А. Троицкого отложилось несколько писем Л.П. Роцевской. В 70-е гг. прошлого века Лариса Павловна преподавала в Тюменском государственном университете, а сферой ее научных интересов были вопросы, связанные с изучением политической ссылки в Западной Сибири в пореформенное время. В частности, в декабре 1977 г. она обсуждала с Николаем Алексеевичем возможность публикации ее статьи «Политическая ссылка в период второй революционной ситуации» в одном из кафедральных сборников [13, л. 1], на что Троицкий ей отвечал: «Вашу статью о сибирской ссылке я включил предварительно в № 13 сборника (когда статья будет в наличии, м.б. передвинем ее и в № 12)» [14, л. 1]. На тот момент, как уточнял он, № 8 «Освободительного движения» был в верстке, а номера с 9 по 11 были уже скомплектованы полностью [14, л. 1]. Подобная «перегрузка» номеров сборника, безусловно, свидетельствовала о его популярности среди ученых, когда количество заявок на публикацию значительно превышало печатный объем его выпусков.

В 1978 г. отмечалось 150-летие со дня рождения Н.Г. Чернышевского, и многие исследователи со всей страны, научные интересы которых в той или иной мере были связаны с личностью «революционного демократа» и бурными общественно-политическими процессами XIX века, живо интересовались предстоящим крупным научным форумом, планировавшимся в Саратове. В связи с этим, Рощевская хотела получить у Троицкого более подробную информацию по этому поводу. В ближайшем письме Николай Алексеевич уточнил: «До 15 февраля принимаем заявки на участие в республиканской конференции по Чернышевскому, которая состоится в Саратове 11–13 октября с.г. (пока без текстов и тезисов – только тема)» [15, л. 1], и уже в следующем своем письме от 26 января 1978 г. Лариса Павловна прислала тему своего выступления: «Политические ссыльные второй половины XIX века и Н.Г. Чернышевский». В этом же письме она сообщала Троицкому очень приятные для любого автора подробности: «Ваша книжка (речь идет о монографии Н.А. Троицкого “Царские суды против революционной России (Политические процессы 1871–1880 гг.)”, изданной в Саратове в 1976 г. тиражом 5000 экземпляров. – *Авт.*) в наших магазинах раскуплена, и мы очень радуемся, что студенты все же успели ее приобрести, и часто с гордостью мне показывают приобретенную новинку, ибо книжный голод в Сибири – вещь весьма существенная» [16, л. 1]. К слову сказать, «книжный голод» в те годы ощущался не только в Сибири, но и по всей стране. При этом весьма примечательно, что научная книга саратовского профессора стала научным бестселлером в СССР, а ее пятитысячный тираж разошелся как увлекательный роман. Эту особенность творческого почерка Троицкого – писать литературно изящно и при этом глубоко академично отмечали и по-прежнему отмечают многие читатели, знакомые с его произведениями: «И метод исследования глубок, и изложение блестящее» [17, л. 2], – так характеризовала его научный стиль профессор З.В. Першина.

Между тем, не все так гладко было с проведением юбилейной конференции Чернышевского. Более подробно об этом, правда, уже другому адресату – Першиной из Одессы, поведал Троицкий. В ответ на ее вопрос «Как Вы готовитесь отмечать Чернышевского?»

Наверное, будет что-нибудь интересное» [17, л. 3] Николай Алексеевич, не скрывая эмоций, посетовал: «С конференцией по Чернышевскому у нас – ЧП. Москва не разрешила (?) проводить на родине Н.Г., где функционируют университет его имени и Дом-музей, как признанные центры его изучения, республиканскую конференцию. На днях секретарь обкома В.А. Родионов поехал в Москву за санкцией на конференцию зональную с приглашением, однако, ученых из других зон» [14, л. 1об]. Вояж саратовского партийного функционера увенчался успехом – санкция на проведение конференции была получена, положив начало ежегодным научным чтениям (впоследствии – международным) «Н.Г. Чернышевский и его эпоха».

Заира Валентиновна Першина была еще одним корреспондентом Николая Алексеевича, а их переписка была более пространной и разноплановой. В 1977 г., защитив диссертацию, она стала первой женщиной – доктором исторических наук в Одесском государственном университете имени И.И. Мечникова, а с 1966 по 1984 г. являлась деканом исторического факультета. Начало эпистолярного общения двух ученых пришлось на ответственный и важный в судьбе Заиры Валентиновны период – защиты докторской диссертации. 29 июня 1977 г., несмотря на то, что защита диссертации, по ее словам, прошла «благополучно, при большой аудитории и активности присутствовавших», она в письме Николаю Алексеевичу с нескрываемым волнением и утомленностью писала: «Только сейчас стал немного рассеиваться угар защиты, послезащитных дел, связанных с отправкой документов в ВАК (тоже ад кромешный), и моего возвращения в Одессу, где я попала в водоворот административных забот и обязанностей» [18, л. 1–2]. В следующем своем письме уже в конце этого года она, прежде всего, благодарит Троицкого за то, что «получила такой замечательный и обильный дар от Вас <...> прочитала все на одном дыхании, как говорится, и испытала большое удовольствие» [17, л. 1]. Речь шла о присланном ей 6 выпуске «Историографического сборника». Предваряя выход сборника в свет, Николай Алексеевич, писал Першиной 22 июля 1977 г.: «В августе должен появиться наш историографический сборник, посвященный 100-летию моего кумира Е.В. Тарле. Я буквально вынырнул этот сборник и тиснул в нем главную статью на 3,5 п.л.» [19, л. 1]. В

ответном письме Заира Валентиновна высказала свое мнение о «главной статье» сборника: «Статья о Тарле хороша, смела в ряде случаев (как только прошла) и изящна. Как был он – глыба и весь в противоречиях – так и получился у Вас. Здорово!» [17, л. 2–3], – восхищенно подытожила она. Для Троицкого взгляд коллег на его статью о «кумире» был, несомненно, важен, и, думается ему было очень приятно получить столь лестный отзыв от профессора Першиной: «Конечно, меня Вы сверх всякой меры перехвалили (впрочем, это гораздо лучше, чем если бы перебрали)» [14, л. 1], – в свойственной ему ироничной манере отреагировал он на похвалы. Но при этом заметил, что его статья «...конечно же пострадала от цензурных купюр, – с сожалением констатировал он. – Ряд мест совсем исключены, другие сглажены» [14, л. 1]. Однако здесь же он признает и положительный момент, отмечая то, что «...прошло все-таки многое из того, что, например, в Москве (а, м.б., и в Одессе?) не пропустили бы из-за сакраментального “как бы чего не вышло”» [14, л. 1].

Наряду с констатацией блистательного и высоконаучного содержания, опубликованных в сборнике работ, Заира Валентиновна не удержалась от того, чтобы высказать сожаление о мизерности тиража этого издания и его малодоступности: «Ваш историографический сборник мы не получаем. Да и тираж его смехотворно мал для страны и заранее программирует его элитарное, я бы сказала, назначение. А ведь неверно – студентам, преподавателям надо дать в руки. А для этого не одна тысяча нужна» [17, л. 2]. Не менее востребованной и, к сожалению, также немногочисленной, по мнению Першиной, была и учебно-методическая литература. Декан Одесского истфака вынуждена была признать, что по этому направлению исторический факультет Саратовского университета был в числе передовых. «С большим интересом посмотрела методическое пособие (Н.А. Троицкий прислал его вместе со сборником одной бандеролью. – *Авт.*), – отмечала она. – По-моему это очень нужное издание для студентов, очень деловое и лаконичное. Кое-что нам нужно будет учесть у себя. Мы в последние годы запустили эту работу по общим курсам...» [17, л. 3].

Буквально в каждом письме З.В. Першиной присутствуют слова благодарности за присланные Н.А. Троицким научные сборники. Например, 3 февраля 1978 г. она с горечью и, как бы, извиняясь пишет, что «равноценными корреспонденциями я ответить не могу: мы не имеем университетского издательства, а в центральных – ждем долго очереди и публикуемся весьма редко по этой причине» [20, л. 1]. В то же время, Заира Валентиновна очень ценила и гордилась тем, что именно через нее в те годы поступал в Новороссию этот крайне востребованный «ручеек» научных трудов из Саратова, утолявший жажду академического общения отечественных историков из различных уголков страны. «В Одессе, да и шире – на Юге, я оказалась объективно в роли постпреда Саратовского университета, т.к. имею возможность информировать историков о Вашей активной научной жизни, даю читать Ваши издания. Мне завидуют, т.к. даже в научные библиотеки не все издания, которые Вы мне присылаете, поступают. Так что я в этом смысле – богачка» [20, л. 2], – с нескрываемой радостью писала Троицкому «постпред Саратовского университета» З.В. Першина.

Между тем в переписке Першиной и Троицкого мы встречаем не только обсуждение рабочих моментов и диалог ученых. В данном случае в ткань делового общения вкрапляются трогательные нити личных переживаний и семейных дел, что еще раз указывает на доверительный и откровенный характер их переписки. Наиболее показательным в этом отношении является письмо Заиры Валентиновны от 29 сентября 1985 г., которое она почти полностью посвятила освещению различных сторон своей личной жизни. Незадолго до этого (23 февраля 1985 г.) она отпраздновала своей 60-летний юбилей, а годом ранее завершила 18-летний период руководства исторически факультетом, оставаясь при этом заведующим кафедрой истории Украинской ССР, историографии и источниковедения. Возможно, эти обстоятельства, в какой-то мере, повлияли на немного грустный, но душевный тон письма. Заира Валентиновна откровенно рассказала Николаю Алексеевичу о своих семейных делах, в частности, о том какие хлопоты и переживания выпали на ее долю: «У меня весь прошлый год жила внучка 15-ти лет, – поведала она. – Дочь была за рубежом с младшими детьми и мужем. Остав-

шаяся же со мною тяжело болела и были даже опасения, что мы ее потеряем. Но все, слава Богу, обошлось», хотя и ценой, по ее признанию, тяжелых нервных переживаний и здоровья [21, л. 1]. Вместе с тем сообщила она также и о добрых событиях, произошедших за последнее время в ее жизни: «Именем моего покойного мужа называли корабль в составе Черноморского флота – балкер, купленный в Японии. Так что теперь плавает “Василий Матузенко”. Меня отметили званием заслуженного работника высшей школы. Словом есть чем потешить и свое тщеславие. <...> Видите: как я разоткровенничалась, – признавалась она, – в ответ на Ваш вопрос о моем житье-бытье» [21, л. 2].

Следует также отметить, что З.В. Першина была поклонницей таланта Н.А. Троицкого, и не преминула сказать об этом в очередном из писем. «По сути прочитанного хочу Вам сказать без всяких комплиментов, что Вы замечательно талантливый и разносторонней эрудиции человек» [17, л. 2]. При этом она подчеркнула, что все коллеги из Одесского университета пришли к такому же выводу, и уверенно констатировала: «Искра Божья в Вас, дорогой Николай Алексеевич! <...> Вы, безусловно, занимаете место в числе первой-второй десятки историков нашей страны. И быть Вам и членом-корреспондентом, и академиком в недалеком будущем» [17, л. 2]. К сожалению, весьма справедливое предсказание Заиры Валентиновны по поводу заслуженного избрания Троицкого в Академию наук не состоялось, и, как известно, по причинам интригански-бюрократическим, и не зависящим от его выдающегося вклада в историческую науку.

Подводя итог, следует отметить, что переписка Н.А. Троицкого с коллегами по историческому цеху велась в лучших традициях русской эпистолярной культуры, а по характеру и стилю очень близка к образцам письменного диалога отечественной интеллигенции кон. XIX – нач. XX вв. Судя по письмам Троицкого в качестве доминанты его общения с коллегами выступал доверительный, дружеский стиль взаимоотношений. В письмах Николай Алексеевич, как всегда, демонстрировал свой изящный слог и располагающе-благожелательный тон общения. Чувствуется, что он с большим уважением относился к своим адресатам, и ему было важно знать

мнение коллег о своей настоящей и планируемой деятельности. Со многими учеными у него сложились близкие доверительные отношения, к тому же предметом общения становились не только научные интересы, но и текущие вопросы адаптации в научном сообществе, личные переживания, взаимные просьбы. Анализируя и систематизируя эпистолярное общение Троицкого с коллегами, можно не только установить творческие и научные взаимоотношения корреспондентов, но и представить некоторые черты психологических портретов его визави. В целом исследованная переписка создает впечатление не только деловых, но и очень теплых дружеских отношений, сложившихся у Н.А. Троицкого с его коллегами-историками в ходе эпистолярного общения.

Список использованных источников и литературы

1. Трунов Д.Г. От письма – к клавишам: анализ потерь // Обсерватория культуры. 2011. № 2. С. 126–129.
2. Страницы автобиографии В.И. Вернадского / Сост. Н.В. Филиппова. М., 1981. 350 с.
3. Ковалев М.В., Груздинская В.С. «Вы делаете бессмертно нужное дело – и в профессиональном смысле, и в гражданском»: письма М.Я. Гефтера к Н.А. Троицкому // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 28. Саратов, 2021. С. 5–21.
4. Степанов Ю.Г. Письма профессора В.Ф. Антонова Н.А. Троицкому (1987–1991) // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 28. Саратов, 2021. С. 22–39.
5. Варфоломеев Ю.В., Левин С.В. «Очень тронут Вашим вниманием и благодарен Вам». Переписка Н.М. Дружинина и Н.А. Троицкого. 1971–1985 гг. // Исторический архив. 2022. № 4. С. 17–26.
6. Рябов П.В. Предисловие // Пирумова Н.М. Социальная доктрина М.А. Бакунина. М., 2017. 318 с.
7. Троицкий Н.А. Книга о любви (Записки историка). Саратов, 2006. 304 с.
8. Музей-усадьба Н.Г. Чернышевского. Основной фонд. (Далее – МНГЧ. ОФ). 11139–167.
9. МНГЧ. ОФ. 11139–169.
10. Пирумова Н. М. Старшая дочь А.И. Герцена: Штрихи к портрету // Освободительное движение в России. Вып. 4. Саратов, 1975. С. 29–43.
11. МНГЧ. ОФ. 11139–170.
12. МНГЧ. ОФ. 11139–173
13. МНГЧ. ОФ. 11139–200

14. МНГЧ. ОФ. 10507–001
15. МНГЧ. ОФ. 10507–002
16. МНГЧ. ОФ. 11139–201
17. МНГЧ. ОФ. 11139–153
18. МНГЧ. ОФ. 11139–152
19. МНГЧ. ОФ. 11506–001
20. МНГЧ. ОФ. 11139–154
21. МНГЧ. ОФ. 11139–161

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

УДК 94(470+571+477.46)|1877|:930(100)

В.Я. Мауль

«ЧИГИРИНСКИЙ ЗАГОВОР» 1877 ГОДА: ВЗГЛЯД С ЗАПАДА (ОПЫТ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ КРИТИКИ)

На основе анализа научных работ западных историков-русистов в статье анализируются их взгляды и оценки «Чигиринского заговора». Впервые в историографии выявляется специфика западных представлений об известном событии истории российского освободительного движения 1870-х годов. «Чигиринский заговор» возник в 1877 году на Правобережной Украине, в Чигиринском уезде Киевской губернии. Его участниками были бывшие государственные крестьяне, недовольные условиями аграрной реформы. Инициаторами заговора были три революционера-народника, которые назвались «царскими комиссарами». В статье показано, что западные историки-русисты придерживаются устаревших познавательных подходов и допускают фактические ошибки при изучении причин, хода и последствий «Чигиринского заговора». Предпринимается попытка оценить вклад западных историков в историографию «Чигиринского заговора» и революционного народничества в России.

Ключевые слова: Западная историография, «Чигиринский заговор», революционеры-народники, мнимые царские грамоты, самозванчество, «Тайная дружина».

THE "CHIGIRIN CONSPIRACY" OF 1877: A VIEW FROM THE WEST (EXPERIENCE OF HISTORIOGRAPHICAL CRITICISM)

Based on the analysis of the scientific works of Western Historians-Russianists, the article analyzes their views and assessments of the "Chigirin conspiracy". For the first time in historiography, the specificity of Western ideas about a well-known event in the history of the Russian revolutionary movement of the 1870s is revealed. The "Chigirin conspiracy" originated in 1877 in the Right-Bank Ukraine, in the Chigirin district of the Kiev province. Its participants were former state peasants dissatisfied with the conditions of agrarian reform. The initiators of the conspiracy were three populist revolutionaries who called themselves "tsarist commissars". The article shows that Western Historians-Russianists adhere to outdated cognitive approaches and make factual mistakes when studying the causes, course and consequences of the "Chigirin conspiracy". An attempt is made to assess the contribution of Western historians to the historiography of the "Chigirin conspiracy" and revolutionary populism in Russia.

Key words: Western historiography, "Chigirin conspiracy", populist revolutionaries, imaginary royal letters, imposture, "Secret squad".

Историография «Чигиринского заговора», в 1877 г. под знаменем «истинного царя», подготовленного группой революционных народников (Я.В. Стефанович, Л.Г. Дейч, И.В. Бохановский) в среде бывших казенных крестьян Киевской губернии, представляет амбивалентный феномен. С одной стороны, совершенно очевидно, что специальных исследований на данную тему долгое время не было вообще, если не считать за таковые отдельные главы в ряде обобщающих монографий [1, с. 411–413; 2, с. 196–234] или пару страниц в энциклопедических изданиях, появившихся около и более полувека тому назад. Лишь в последнее десятилетие положение несколько выправилось после успешной защиты одной кандидатской диссертации и серии статей о малоизвестных или вовсе неизвестных страницах «Чигиринского заговора» [3]. С другой стороны, мало кто из историков, писавших про народников 1870-х гг. или об особенностях крестьянской эмансипации в государственной деревне, обошел чигиринские волнения своим вниманием [4,

с. 284–291; 5, с. 206–210; 6, с. 201–203]. Такой противоречивый расклад, вкупе с господством априорной концепции над конкретными фактами, неизбежно породили стойкие историографические мифы, стереотипы и сопутствующие им фактические ошибки, вызванные недостаточным знакомством с темой. Названные недостатки, отчасти свойственные отечественной историографии, в трудах иностранных ученых порой приобретали гипертрофированный характер.

Цель статьи заключается в том, чтобы выявить и рассмотреть особенности взглядов западных исследователей на историю «Чигиринского заговора», показать их достоинства и недостатки.

Основой для историографической реакции послужили обстоятельные работы Даниэля Бовуа, Франко Вентури, Клаудио Ингерфлома, Мартина Малиа, Альфонса Туна, Адама Улама, Дэниела Филда, Джеффри Хоскинга и др., в которых, за редким исключением, чигиринская тематика присутствует лишь фрагментарно, как малая часть большой общей проблемы. Некоторые из них изданы только на родном языке, другие монографии представлены и в оригинале и на русском языке, оставшиеся – в переводной русскоязычной версии. Эти различия при внимательном прочтении имеют немаловажное значение с точки зрения точности понимания авторского текста, когда, например, в вольном пересказе переводчика розги легко превращаются в кнут, «Устав» – в «Учреждение», «Тайная дружина» оказывается «тайной бригадой» и т.п.

В методологическом плане зарубежные историки демонстрируют широкий разброс подходов: от откровенно предвзятой советологии до социальной психологии и познавательных процедур, опирающихся на концептуальную историю Р. Козеллека, приемы деконструкции Ж. Деррида, герменевтику Х.-Г. Гадамера и П. Рикёра. Если добавить сюда представителя радикальной исторической школы в Италии, героя антифашистского подполья Франко Вентури и основоположника либерального направления в историографии народничества базельского профессора Альфонса Туна, характеристика теоретико-познавательных изысков западной исторической науки будет достаточно репрезентативной.

Кстати, именно А. Тун, неплохо знакомый с российской революционной эмиграцией, еще в 1883 г. первым из западных историков уделил внимание действиям группы народников во главе с Я.В. Стефановичем в чигиринской деревне. Верно связывая их инициативу с разочарованием молодых социалистов в результатах «хождения в народ», он признал успех организаторов, которые сумели, «опираясь на местные недовольствия, создать среди крестьян боевую дружину, но опять-таки только на полгода и притом прибегнув к очень сомнительному средству» – ссылке на авторитет венценосца. Развивая тему, автор пришел к абсолютно точному выводу: «Стефанович хорошо знал, что он делал: только благодаря имени царя ему удалось побудить крестьян создать тайный союз; ему никогда не удалось бы это в качестве агента социалистического комитета». Потому и печальный исход многообещавшей авантюры казался автору единственно возможным: «крестьяне были вне себя от ярости», когда перед ними раскрылась самозванческая мистификация так называемых «царских комиссаров» [7, с. 119, 122].

Если А. Тун писал свою книгу под непосредственным впечатлением от движения российского народничества, то интерес позднейших историков к чигиринским событиям связан, прежде всего, со стремлением понять Великий Октябрь, его всемирно-историческое значение и последствия. Для них обращение к нашему прошлому – это попытка отыскать доктринальные истоки русской революции, ее внутреннюю обусловленность или случайность, а также провести возможные параллели с революциями на Западе. Речь идет о том, включить Россию в культурный ареал западной цивилизации или, скорее, обособить, отлучить от нее. Так, по словам М. Малиа, единственной формой прямого массового действия в России мог быть только знаменитый русский бунт, но «в той мере, в какой бунт добивается успеха, он сеет повсюду беспорядок и анархию». Его невозможно поставить вровень с настоящими революциями, которые, конечно, «обходятся дорого, они создают беспорядок довольно длительное время, немалое количество голов летит долой», однако они «также и созидательны», поскольку «дают рождение новому типу общества». В отличие от них исключительно деструктивный русский бунт «создать ничего не способен», а

потому «не имеет ничего общего ни с великими западными революциями, ни с военными партизанскими движениями XX века» [8, с. 44, 45]. И далее историк доводил свою мысль до логического конца: «В то самое время, когда Маркс создавал величайшую социальную фантазию века для индустриального Запада, Россия произвела на свет соответственную, хотя и более примитивную фантазию для аграрного Востока: отсталость трансформировалась из гнетущего недостатка в преимущество, и последняя в ряду европейских наций увидела себя потенциально первой» [9, с. 78].

Подобная идейная установка словно лейтмотив сопровождает оценку освободительного движения в России в целом и характеристику чигиринских волнений в частности. Они, по мнению А. Улама, наглядно продемонстрировали «тупик, в который зашло народничество». Суть дела заключалась в том, что горстка революционеров в Чигиринском уезде Киевской губернии «попыталась убедить крестьян, что царь призвал их подняться против аристократии и бюрократического аппарата». А. Улам имел основания говорить об этом как о рискованной аванюре «в духе прежних восстаний, когда во главе восставших вставал самозванец, действовавший от имени императора или утверждавший, что он и есть император». Но результат отчаянных усилий, в конце концов, оказался плачевным. Представление «об огромном запасе революционных и социалистических чувств, хранящемся в крестьянской среде» оказалась не более чем иллюзией, разбившейся о твердыню народного монархизма чигиринцев. В Чигиринском уезде, пишет А. Улам, народники «пошли на серьезный обман, который привел к неминуемой катастрофе», вследствие чего революционная интеллигенция будто бы «стала проникаться антидемократическими чувствами» и обратилась к террору [10].

Надо понимать, что в восприятии западных ученых, у нас все было не так, как у них, и ключевые отличия обуславливались системной отсталостью аграрной России от передового промышленного Запада. Подобный постулат – «мы» не «они» – обращает исследовательское внимание к антитезе «своих» и «чужих», активно муссируемой современной историографией. Причем показано, что характеристика «другого» обычно детерминируется кругозором

наблюдателя, житейским опытом, шире – картиной мира, а, в конечном счете, спецификой его национальной культуры. Эти факторы обретают тем большее значение, когда исходят не от простых обывателей, но проникают в труды профессиональных историков. Очевидно, что некоторые из них, подобно другим своим соотечественникам, могли быть русофобами, но даже благожелательно настроенные к нам русисты порой оказывались пристрастными и мнительными в научных интерпретациях.

Дискуссионно, но допустимо формулируя проблему, заграничные служители Клио не воспринимают сельские низы как самостоятельный объект специального изучения, но лишь в духе психологии толпы, то есть в качестве инертной массы для приложения усилий сторонников революции. «В отсутствие сильного промышленного пролетариата, – отмечает К. Ингерфлом, – крестьянство казалось единственной силой, которая могла бы подняться и свергнуть царизм. Его нужно было организовать и направить в нужное русло» [11, р. 411–412].

Аналогичным образом трактуются даже предшествовавшие заговору волнения в конце 1860-х – первой половине 1870-х гг., которые в умах западных авторов, видимо, никак не могли вспыхнуть без вмешательства извне. Например, Д. Бовуа нисколько не сомневается, что когда «в 1869 г. разразились не прекращавшиеся крестьянские беспорядки на государственных землях Чигиринского уезда», их «зачинщиками были два народника – учитель И. Фролов и студент Стефанович». Именно они, но отнюдь не сами крестьяне, «утверждали, что крохотных лоскутков, предоставленных в 1868 г., недостаточно; их надо заменить большими наделами из расчета по 5 дес. на душу», воздействуя таким образом на сознание чигиринцев [12, с. 99]. Показательно, что заблуждения французского историка перекликаются с заблуждениями дореволюционных столичных и губернских чиновников, также винивших в чигиринских бедах не правительственные реформы, а «лиц известного революционного направления» [13, л. 2]. Подобная познавательная однобокость красной нитью проходит через труды большинства названных исследователей.

Среди исключений сошлюсь на верные умозаключения Ф. Вентури по поводу того, что в среде чигиринских пахарей уже с начала 70-х гг. «тлело серьезное недовольство», так как «земельных участков, выделенных им в результате реформы, оказалось недостаточно». К тому же, значительная часть этих участков при поддержке властей сконцентрировалась в руках зажиточного меньшинства сельского населения, в то время как бедняки хотели «разделения по душам» и рупором своих интересов назначили отставного солдата, местного жителя «по имени Фома Прядко» [14, р. 581]. Пожалуй, именно Ф. Вентури с наибольшим пониманием и сочувствием относится к чигиринским крестьянам, боровшимся за свои права и ставшим жертвой циничного обмана революционеров, готовых «зайти так далеко, чтобы взять на вооружение и попытаться использовать их веру в царя» [14, р. 584]. О том, что народники в лице Я.В. Стефановича не инициировали крестьянское брожение в Чигиринском уезде, а просто воспользовались им, пишет также К. Ингерфлом. Он отмечает, что когда недовольные селяне «стали искать ходатаев, чтобы пойти жаловаться царю на поведение губернатора и генералов», Я.В. Стефанович своевременно предложил им свои услуги. Вскоре он «вручил крестьянским вожакам царскую грамоту и Устав тайной дружины за подписью Александра II и печатью Совета комиссаров», чем убедил их, что подготовку народного бунта благословил сам государь император [11, р. 412–413].

Привлекательной чертой западной историографии можно считать стилевое красноречие при изложении тех или иных перипетий народнического движения и реконструкции «коллективного портрета» участников «Чигиринского заговора». Разного рода цветистые метафоры и специфические аллегории украшают и тем самым смягчают сциентизм монографических изысканий, доставляя читателю эстетическое удовольствие. Хотя в отношении оценок крестьян все они достаточно суровы, особой несдержанностью эпитетов отличился А. Улам, прямо писавший о «невероятном невежестве масс», «тупости крестьянских масс», о не забытых ими «старых суевериях» и пр. [9] Квинтэссенцию негативистского подхода, указывая на инициаторов «Чигиринского заговора», лучше всего сформулировал

Д. Филд: «Крестьяне были объектами сострадания, но не уважения», отметил он, а «наивная вера в царя» была «просто выражением общеизвестных особенностей» тогдашнего мужика [15, р. 213].

Если в трактовках культурного уровня крестьян доминируют уничижительные коннотации, то адептам революционного лагеря повезло значительно больше. Под умелым пером западных историков они сами и их дела (например, «хождение в народ» и его последствия) приобрели романтический оттенок, и даже своеобразный мистический ореол. Неслучайно, их на постоянной основе называют «апостолами нового евангелия», «сумрачными романтическими героями», «паломниками к святым местам народной жизни», которые были «словно миссионерами, отправляющимися вглубь Африки». Их «безумная авантюра» представляется ученым «актом коллективного руссоизма» и т.д. [16, с. 436; 17, с. 34; 7, с. 97; 18, с. 362].

Однако, наряду с несомненными достоинствами, связанными с последовательностью концептуальных установок и завидными стилистическими талантами, необходимо отметить серьезные изъяны, свойственные большинству заграничных публикаций о «Чигиринском заговоре». Речь идет о немислимом количестве фактических ошибок, встречающихся едва ли не повсеместно на страницах указанных сочинений. Ввиду их многочисленности приведу самые вопиющие примеры. Так, Дж. Хоскинг безосновательно утверждает, что в конце 1870-х гг. в Чигиринском уезде Я.В. Стефановичу и «Дебагорию-Мокриевичу удалось даже привлечь несколько сотен крестьян в дружину, используя подложный царский манифест, якобы содержащий призыв царя захватывать землю у тех помещиков, которые будут нарушать волю императора» [17, с. 367]. Между тем, В.К. Дебогорий-Мокриевич вообще не участвовал в подготовке «Чигиринского заговора» и не знал о таковом, поскольку информация держалась в строгом секрете даже от близких товарищей по революционному подполью.

В уже цитированном суждении Д. Бовуа роль застрельщиков крестьянских волнений 1869 г. отведена сельскому учителю И.Н. Фролову и студенту Я.В. Стефановичу, которые якобы «устраивали тайные собрания у крестьянина Прядки». Но не достигший

15-летнего возраста Я.В. Стефанович мог тогда лишь мечтать о будущей революционной карьере, а с крестьянином Ф.Д. Прядко впервые увиделся в стенах Киевского тюремного замка в 1877 г. Заодно французский историк изрядно преувеличил влияние и способности И.Н. Фролова, которого одна воспаленная подозрительность жандармов причисляла к рядам народников. Позднее оказавшись на поселении в Олонецкой губернии, он не произвел впечатления на очевидцев, принимавших его «за идиота и все устраняются от него, и с первого взгляда на его невзрачную личность, при разговорах с ним заметны ненормальные его умственные способности и не имеет даже природного дара слов в обыкновенных речах, а тем более для агитаторства» [19, л. 93 об.].

О мелких изъянах, том «дьяволе, что кроется в мелочах», не приходится и говорить, им несть числа. Так, в одной из работ уже упомянутый крестьянин Ф.Д. Прядко назван уроженцем села Шабельники, хотя родился он и вырос в деревне Сагуновке. Гиперболизированы сведения другого автора о том, будто в ходе «Чигиринского заговора» погибли «сотни ни в чем не повинных людей». Неверны стереотипные утверждения о требованиях чигиринской беднотой «общинного землевладения». Впрочем, последний огрех, в принципе, можно извинить, ибо даже заинтересованные современники событий не сразу смогли разобраться с желаниями протестующих чигиринцев. Перечень прочих фактических ошибок, встречающихся в работах иностранных исследователей, можно увеличить едва ли не в несколько раз.

Единственным западным историком, специально исследовавшим крестьянское пореформенное движение в России в сравнительном контексте и на конкретных примерах, в том числе «Чигиринского заговора», был профессор Сиракузского университета Д. Филд. В 1976 г. вышла его классическая монография «*Rebels in the Name of the Tsar*», которая интересна не столько эвристическими открытиями (коих там нет), сколько авторскими интенциями и интерпретациями. Любопытна уже сама структура книги, состоящая из четырех глав.

В первой главе «Миф о царе» ученый представляет свое понимание проблемы народного монархизма, присущего нашему

крестьянству с давних пор, а также разбирает отношение к этой проблеме со стороны российской радикальной интеллигенции и в научной литературе. Причем, в трактовках американского исследователя заметно влияние продуктивной концепции советского этнографа К.В. Чистова о «возвращающихся царях/царевичах – избавителях».

Во второй и третьей главах публикуются преимущественно делопроизводственные документы о восстании 1861 г. в селе Бездна Казанской губернии и о «Чигиринском заговоре» 1877 г. в Киевской губернии. Все документы взяты Д. Филдом из дореволюционных и советских изданий, но впервые переведены на английский язык и грамотно им прокомментированы. Четвертая глава монографии – «Миф о крестьянине» – содержит интерпретацию источников и выводы о социальной природе крестьянского монархизма.

Два ярких крестьянских волнения в пореформенной России предоставили Д. Филду возможности для многочисленных компаративных построений об особенностях крестьянской психологии, в которой системообразующее место занимала исконная вера социальных низов в батюшку-царя. И о столь же безоговорочной вере революционной молодежи и их идейных вдохновителей в природное невежество крестьянства. «Мужика считали суеверным, неразумным и доверчивым» существом, которому «требовалось авторитетное руководство», – пишет Д. Филд [15, р. 213].

Он отмечает, что в общественно-политической атмосфере пореформенной России миф о добром царе, характерный для крестьянского сознания, неразрывно переплелся с мифом о глупом, неполноценном мужике, исповедуемом просвещенной частью общества, в частности, революционным подпольем. На этот миф, – подчеркивал историк, – «опирались и сентиментальные идолопоклонники крестьянства, и закоренелые бюрократы». Причем Д. Филд полагает, что «Стефанович был мудрее в отношении крестьян, чем Дейч, но воспринимал их примерно так же, как и его противники из числа бюрократов». И действовал, исходя из своего крайне опасного заблуждения [15, р. 213].

На основе взвешенного анализа Д. Филд приходит к нетривиальному выводу: самоуверенному Я.В. Стефановичу «в голову не могло прийти», что это не он чигиринскими крестьянами, а они манипулируют им. Поясняя свое умозаключение, историк настаивает, что чигиринские крестьяне в некоторой степени «понимали эту связь и умели ею пользоваться. Вездесущие «миф о царе» и «миф о крестьянине» были «настолько им полезны», что в изучаемых протестных событиях Д. Филд затрудняется выявить «баланс крестьянской искренности и лицемерия», а потому берет на себе смелость заявить, что участники чигиринских волнений, подобно безденским крестьянам, «были хитрыми приспособленцами», которым насыщенная мифами взвинченная атмосфера позволяла с минимальными рисками бороться за свои интересы [15, р. 210, 213, 214].

Таким образом, взгляды Д. Филда можно считать вершиной западной историографии «Чигиринского заговора». Притом, что в его книге нет новых фактических сведений, она интересна, как минимум, в нескольких отношениях. Во-первых, тем, что впервые обстоятельно познакомила заграничного читателя с авторским пониманием данных сюжетов и с источниками по истории чигиринских волнений. Во-вторых, тем, что Д. Филд единственный профессиональный иностранный эксперт, уделивший «Чигиринскому заговору» специальное внимание. В-третьих, своими эксклюзивными и весьма интересными наблюдениями, суждениями и оценками, которых не встретишь у других западных и даже российских историков.

Список использованных источников и литературы

1. История Украинской ССР в 10 т. Т. 4: Украина в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы. Отмена крепостного права и развитие капитализма (XIX в.). Киев, 1983. 695 с.
2. *Пойда Д.П.* Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). Днепропетровск, 1960. 488 с.
3. *Терехова С.А.* «Чигиринский заговор» в современной российской историографии // Народники в истории России. Воронеж, 2019. Вып. 3. С. 7–16.
4. *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968. 368 с.

5. *Литвак Б.Г.* Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. 302 с.
6. *Троицкий Н.А.* Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. 372 с.
7. *Тун А.* История революционного движения в России. Петроград, 1917. 292 с.
8. *Малиа М.* К пониманию русской революции. London, 1985. 288 с.
9. *Малиа М.* Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991. М., 2002. 584 с.
10. *Улам А.* Большевики: причины и последствия переворота 1917 года. М., 2004. 510 с.
http://www.plam.ru/hist/bolsheviki_prichiny_i_posledstvija_perevorota_1917_goda/p2.php#metkadoc5
11. *Ingerflom C.* Le tsar, c'est moi: L'imposture permanente, d'Ivan le Terrible à Vladimir Poutine. Paris, 2015. 520 p.
12. *Бовуа Д.* Битва за землю в Україні 1863–1914: Поляки в соціо-етнічних конфліктах. Київ, 1998. 335 с.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109 (3-я экспедиция, 1877 г.). Д. 262. Ч. 2.
14. *Venturi F.* Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movement in Nineteenth Century Russia. New York, 1960. 850 p.
15. *Field D.* Rebels in the Name of the Tsar. Boston, 1976. 220 p.
16. *Биллингтон Дж.* Икона и топор: опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001. 880 с.
17. *Бэрон С.Х.* Г.В. Плеханов – основоположник русского марксизма. СПб., 1998. 494 с.
18. *Хоскинс Дж.* Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2001. 512 с.
19. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 1. Оп. 10. Д. 55/26.

О.А. Милевский

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ-ПОЛИТИКИ НА ЮГЕ РОССИИ В 1878 – НАЧАЛЕ 1879 гг.: ВЫЗРЕВАНИЕ ДИНАМИТНОЙ ИДЕИ

В статье на основе мемуарных свидетельств и архивных данных рассматривается вопрос о переходе летом 1878 г. революционеров-политиков на юге России к террористической тактике посредством использования пироксилина. Делается вывод о том, что обращение к подобным методам борьбы против правительства произошло по инициативе ИК РСРП во главе с В.А. Осинским и союзными с ним – кружком С.Я. Виттенберга в Николаеве и С.Ф. Чубарова в Одессе.

Ключевые слова: Революционное движение, самодержавие, народничество, политическая борьба, терроризм, «локальная гражданская война».

О.А. Milevsky

REVOLUTIONARY POLITICIANS IN SOUTHERN RUSSIA IN 1878 – EARLY 1879: THE RIPENING OF THE DYNAMITE IDEA

An article based on memoirs and archival data examines the issue of the transition in the summer of 1878 of revolutionary politicians in southern Russia to terrorist tactics through the use of pyroxylin. It is concluded that the appeal to such methods of struggle against the government took place on the initiative of the IC RSRP, headed by V.A. Osinsky and allied with him – the circle of S. Ya. Wittenberg in Nikolaev and S.F. Chubarov in Odessa.

Key words: Revolutionary movement, autocracy, populism, political struggle, terrorism, «local civil war».

В конце 1870-х гг. Российская империя переживала полосу острого гражданского противостояния между властью и оппозиционной частью общества, главной движущей силой которого выступило поколение революционных народников. Фактически страна находилась в состоянии «локальной гражданской войны», как вполне спра-

ведливо характеризовал этот исторический период историк А.В. Воронихин [1, с. 51].

Апофеозом этого внутрироссийского социального конфликта стал переход части молодых радикалов к использованию тактики политического террора против представителей государственной власти. Центром этого движения на юге России стал Киев. Там по инициативе В.А. Осинского с февраля 1878 г. начал действовать самопровозглашенный «Исполнительный комитет Русской социально-революционной партии» (далее ИК РСРП. – О.М.) [2, с. 262–427].

Начало террористической деятельности «группы Осинского» положило убийство 1 февраля 1878 г. в Ростове-на-Дону предателя рабочего кружка А.Г. Никонова. Исполнителями выступили Ив.Н. Ивичевич и Л.К. Брандтнер. По поводу этого покушения была выпущена прокламация [3, с. 188], пока без упоминания ИК РСРП. Но если теракт против Никонова можно рассматривать еще как продолжение дезорганизаторской линии «Земли и воли», направленной на борьбу с агентами правительства и предателями, то первым реальным фактом политического террора на юге стало покушение на товарища киевского прокурора М.М. Котляревского, осуществленное самим Осинским, а также А.Ф. Медведевым (Фоминым) и Иг.Н. Ивичевичем. Оно произошло поздним вечером 23 февраля 1878 г. Хотя это покушение и окончилось неудачей, оно наделало много шума и изрядно испугало власти. Именно после этого теракта в Киеве и других южных городах появились первые прокламации с печатью ИК РСРП.

Постепенно ИК РСРП набирал силу и действовал все успешнее. Так 25 мая 1878 г. ударом кинжала революционер Г.А. Попко убил второго человека в жандармской иерархии Киева штабс-капитана барона Г.Э. Гейкинга. Практически одновременно с этим терактом в ночь с 26 на 27 мая 1878 г. ИК РСРП организовал успешный побег из Киевской тюрьмы. Оттуда бежали революционеры-организаторы «Чигиринского заговора» (Я.В. Стефанович, Л.Г. Дейч и И.В. Бохановский). Попутно, начиная с начала 1878 г., на юге начали совершаться и попытки вооруженного сопротивления при арестах (И.М. Ковальский в Одессе, В.О. и Г.Л. Избицкие в Киеве). Таким образом, губернии Малороссии и Новороссии к середине 1878 г.

стали крайне беспокойными, а главное, небезопасными местами для властей предрержащих.

Однако кинжал и револьвер, традиционно используемые революционерами для обороны и нападения, все же являлись оружием ближнего боя. Их применение зачастую приводило к потере революционной единицы, что для не столь многочисленных революционных ячеек являлось непозволительной роскошью. Сама логика борьбы и все более раскручивающаяся спираль насилия с обеих сторон, ставили перед революционерами-политиками вопрос о переводе тактики террористической борьбы на новый уровень. А для этого требовалось найти средство, которое могло бы дать максимальный разрушительный эффект при воздействии на государство при минимальных затратах жизней революционеров.

И такое боевое средство появилось. Им оказалось мощное взрывчатое вещество пироксилин, используемое в российской армии и на флоте. Идея постановки пироксилина на службу революции начала реализовываться в Николаеве – одном из форпостов российского черноморского флота. К началу 1878 г. там активно действовал революционный кружок, объединяющий группу военных моряков. Начало ему положили революционеры В.А. Свириденко и С.Я. Виттенберг. Еще в 1877 г., находясь во время своего первого краткосрочного ареста на Николаевской острожной гауптвахте, Виттенберг подружился там с боцманом черноморского флотского экипажа И.И. Логовенко [4, л. 206], а через него уже завязались контакты и с другими матросами. В результате к середине 1878 г. сложился костяк из матросов, сочувствующих революционерам, куда кроме Логовенко входили П.П. Ключников, М.Г. Скорняков, И.И. Тищенко, Витмунд, писарь главного командира И. Сильчевский, писарь И.А. Морозовский и др. [5, с. 64–67]. Среди военных, сочувствующих революции, оказались и лица офицерского звания, например, мичман А. Калюжный, служивший на военном корабле «Новгород» [5, с. 66].

Николаевский кружок поддерживал активные контакты с ИК РСРП, а Свириденко был крайне близок к Осинскому, поэтому в контактах с матросами Свириденко интересовала не только чистая пропаганда. Дело продвижения террора требовало технологичес-

кого прорыва, а матросы могли достать на военных складах пироксилин. Сам Осинский, некогда обучавшийся в Институте путей сообщения и одно время работавший на постройке железной дороги, конечно, был хорошо осведомлен о мощи этого взрывчатого вещества. Поэтому вполне возможно, что именно с его подачи контакты революционеров с моряками стали приобретать более практические очертания, а главную роль в получении через них пироксилина стал играть именно «Владимир» (под этим именем Свириденко знали николаевские моряки. – О.М.) [5, с. 67].

Да и в Одессе революционеры не дремали. Кружок С.Ф. Чубарова известного, как «Капитан», так же как киевляне задумывался о переходе к динамитной тактике. По крайней мере, при обыске на квартире «Капитана» в начале августа 1878 г. жандармы обнаружили следующие химические ингредиенты: «Соляную кислоту, глицерин, синеродистый калий, полуторахлористое железо, серную кислоту, азотную кислоту, хромовую зелень, сернокислый цинк, окись железа, хромовокислый свинец, хлористый натрий и др.» [6, с. 1]. На основе анализа полученных данных эксперты – профессор химии Вериги и подполковник артиллерии Ляскевич пришли к выводу, что «между веществами таковыми имеются такие, которые могут быть употреблены для приготовления динамита» [6, с. 1].

Помимо этого при анализе записей, обнаруженных на квартире Чубарова, вышеназванные эксперты на «процессе 28-ми» (25 июля – 7 августа 1879 г.) утверждали, что в одной из них помещены выписки из различных журналов, касающихся свойств динамита и способа производства взрывов, а на другой изображена таблица опытов, произведенных над динамитом» [6, с. 1].

Динамитные приготовления на юге резко активизировались после судебного процесса в Одессе над И.М. Ковальским (19–24 июля 1878 г.), смертного приговора над ним и силового разгона демонстрации у здания суда 24 июля 1878 г. Именно после этих событий, по-видимому, и решено было начать переводить теоретические размышления об использовании уже имеющегося в наличии у революционеров пироксилина в практическую плоскость.

После суда и расстрела Ковальского 3 августа 1878 г. среди революционеров-политиков активно заговорили о необходимости

акта возмездия [7, с. 47]. Споры о выборе жертвы скоро закончились принятием важнейшего для судеб русской революции решения. Революционеры, решили не бить по второстепенным целям, а нанести удар в самый центр империи и организовать покушение на императора, который по имевшейся у них информации, планировал поездку в Крым через Одессу и Николаев.

Официально признано, и это нашло отражение и в ряде статей в революционных журналах 1920-х гг., что инициатива подобной акции принадлежала николаевскому кружку Виттенберга. Однако известно, что кружковцы активно контактировали как с одесситами, так и с киевлянами, а тогдашние лидеры этого кружка – Виттенберг и Свириденко, как и Осинский, находились в Одессе в период суда над Ковальским. Поэтому более чем правдоподобно, что планы цареубийства обсуждались именно в Одессе при непосредственном участии и их активной поддержке Осинским.

Мнения мемуаристов и исследователей относительно организации самого покушения расходятся. А. Семенов, например, указывал, что Виттенберг действовал несамостоятельно и, возможно, «из Одессы получил это задание» [8, с. 67]. Однако очевидец тех событий М.А. Морейнис, опровергая версию Семенова, писал о том, что «мысль о покушении на Александра II во время ожидавшегося приезда его в Николаев возникла у Виттенберга лишь после того, как в наших руках очутился перевезенный 6 августа из квартиры Г.А. Лури и А.Н. Зайднера пироксилин. Переговоров по этому поводу с Владимиром (Свириденко. – О.М.), уехавшим из Николаева еще в июле, конечно, быть не могло» [9, с. 55–56].

Однако остаются вопросы. Из тех же источников и материалов дознания известно, что первоначально большую часть пироксилина из Николаева перевозили в Одессу. Более того, инициатором получения пироксилина через военных являлся именно Свириденко, человек Осинского. Историк А. Дрезен, ссылаясь на показания Зайднера, указывал «на связь Владимира в Николаеве с 8-ю матросами», и на то, что «перечисленные матросы в разное время передали Владимиру до пуда пироксилина, который впоследствии был перевезен в Одессу» [5, с. 67], и большая его часть хранилась на квартире И.Я. Давиденко [7, с. 45].

Об этом же сообщают и материалы следствия. Из них следует, что «деятельность не разысканного до настоящего времени Кавуненко (В. Свириденко. – О.М.) проявилась преимущественно в Николаеве, где при помощи сообщников, мещанина Лурия и ученика реального училища Зайднера, он познакомился с некоторыми матросами и получил от них динамит, часть этого взрывчатого вещества была доставлена в Одессу привлеченным к делу купеческим сыном Баламезом, а другая найдена при обыске на квартире Лурия. Из числа матросов, вошедших в преступные сношения с Кавуненко, арестованы и подлежат суду: боцман Логовенко и новобранец Витмунд» [4, л. 24 об. –25].

Прокурор на процессе «28-ми» в своей записке также особенно выделил роль «Владимира», тогда еще не разысканного, отмечая, что «последствием его деятельности было привлечение нескольких матросов в революционную среду и приобретение посредством их из казенных складов более пуда пироксилина и запалов (до сих пор не разысканных), которые 3 августа были привезены в г. Одессу и предназначались для какого-то взрыва» [5, 68–69].

Исходя из этого, возникает вопрос: зачем, если центром покушения планировался Николаев, как считают Семенов и Морейнис, с риском обнаружения возить пироксилин морем в Одессу? Тот же Зайднер свидетельствовал «о переговорах Владимира о каком-то взрыве, но места и времени его Зайднер не знал» [5, с. 67]. Да и Морейнис, отстаивая свою версию, задавался вопросом: «Почему Владимир в начале августа вытребовал из Николаева пироксилин, который был нужен именно там?» [9, с. 56].

Но что выглядит нелогичным для Морейниса (тогда молодого и не о всем информированного революционера) в связи с версией подготовки взрыва в Николаеве, отлично увязывается с предположением о том, что не Николаев, а именно Одесса виделась действительной ареной для подготовки возможного покушения на царя. Беспокоились об этом и власти. Так, шеф жандармов генерал-лейтенант Н.В. Мезенцов телеграфировал главе одесского ГЖУ полковнику К.Г. Кнопу: «Какие меры Вы полагаете возможным принять для обеспечения спокойного пребывания императора в Одес-

се?»). В ответ Кноп предложил резко усилить одесскую полицию [5, с. 61].

И все же, думается, что в то время власти еще не догадывались о намерениях революционеров прибегнуть для подготовки покушения к новому и столь разрушительному средству. И вполне можно предположить, что произвести этот террористический акт лидеры террористов-политиков (Осинский, Свириденко, Чубаров и др.) первоначально планировали именно в Одессе. Тем более что пероксилин в наличии уже имелся. К сожалению, подтвердить эту гипотезу реальными фактами пока не представляется возможным. Если что-то и задумывалось, то действительно осведомленные об этом лица, такие как Свириденко, Давиденко, Чубаров, Виттенберг, Д.А. Лизогуб и, разумеется, Осинский, унесли эту тайну с собой в могилу.

Однако начавшиеся в Одессе 1 августа большие аресты привели к переносу плана покушения на царя в Николаев. О чем и свидетельствовал Морейнис, указывающий, что Николаев таковым оказался только после 6 августа 1878 г., когда в Одессе начались аресты и Виттенберг взял инициативу действия на себя [9, с. 56]. Думается, что об этой инициативе был прекрасно осведомлен и непререкаемый лидер южан-политиков Осинский.

Он отправился из Одессы в первой декаде августа 1878 г. в столицу, для встречи с землевольцами. Осинский прекрасно осознавал, что столь масштабное мероприятие, как цареубийство, возможно повлекшее бы за собой изменения тектонического плана в жизни всей империи, нуждалось хотя бы в формальном согласовании с северянами. О том, что идею с цареубийством он тогда довел до «землевольческого центра» имеется свидетельство Дейча [10, с. 35]. Но в то время никакой поддержки и одобрения на эти действия Осинский не получил и отбыл обратно на юг, где несмотря на шквал арестов продолжалась организация покушения на царя.

Однако подготовка этого теракта закончилась неудачей. Аресты в Одессе, где в начале августа арестовали матросов-дезертиров (Скорнякова и Никитина) дали наводку жандармам на Николаев. А при тогдашней весьма слабой конспирации, что в Одессе, что в Николаеве, уже 6 августа арестовали местных революционеров Лури и Зайднера. При обыске в доме Пулевича, где проживал Лури, жан-

дармам удалось установить их связь с Виттенбергом. Последний вообще чудом избежал ареста, он съехал из квартиры Лури, как раз утром 6 августа [5, с. 62, 64].

На своей новой квартире в доме 10 по Инженерной улице Виттенберг (некогда обучавшийся на инженера в Венском технологическом институте) по позднейшим данным следствия и начал работу над технической подготовкой покушения. В начале августа именно на этот адрес из Кременчуга доставили элементы электрической батареи. Здесь же он занялся «устройством ящиков и пластинок к ним для вольтового столба». Однако и тут революционеров ждала неудача. 16 августа 1878 г. на паровой пристани в Николаеве по собственной оплошности был арестован И.Л. Щепанский. У него при обыске нашли фальшивые печати, оттиски и адрес студента А.Л. Рашкова, а именно его квартиру занимал Виттенберг. Так по найденному адресу в поисках Рашкова этим же днем (16 августа) арестовали и Виттенберга. На этой же квартире вместе с Виттенбергом задержали и ранее разыскиваемого боцмана Логовенко [5, с. 64–65].

При обыске у Виттенберга помимо нелегальной литературы и заряженного револьвера были обнаружены «все нужные принадлежности для производства взрыва: электрическая и гальваническая батареи, проводники, запалы» [11, л. 205 об.]. В ходе следствия сведения о готовящемся в Николаеве теракте дал и некто В.В. Веледницкий. В своих показаниях от 28 ноября 1878 г. он сообщил следующее: «Логовенко ему рассказал, что найденная у Виттенберга батарея предназначалась для взрыва торпеды, которая была уложена в таком месте, по которому Государь император непременно должен был пройти во время проезда через г. Николаеве 18 августа сего года, и что место, где была зарыта эта торпеда, известно ему Логовенко» [11, л. 206]. Впрочем, к этим показаниям Веледницкого нужно относиться критически, так как вполне возможно, что он, сообщая эти сведения, что называется, набивал себе цену и спасал себя от более серьезного наказания. Например, совершенно непонятно, зачем Логовенко вообще поведал незнакомому ему ранее человеку об этих приготовлениях.

На это хотя и с осторожностью указывали и сами жандармы. Из донесения полковника Кнопа главе Третьего Отделения следовало, что «для разъяснения сведений сообщенных Веледницким он лично отправился в тюремный замок и в разговоре с Логовенко, глаз на глаз, старался склонить его к даче откровенного показания, относительно места, где находится зарытою торпеда, представляя ему дело в таком виде, что за участие его в заговоре и приготовлениях к покушению на жизнь Государя Императора, существование которых дознанием установлено, он будет подлежать смертной казни, а потому обещал ему ходатайствовать о смягчении его участи, если он добровольно и чистосердечно откроет место зарытия торпеды. Все мои убеждения разбились о твердую волю, сдержанность и осторожность Логовенко, которые ему не изменили во все время его заключения в том, что он о существовании какой-либо торпеды ничего не знает... Кроме того продолжительная моя беседа с Логовенко навела меня на мысль, что показание Веледницкого о торпедке, быть может было дополнением его личных представлений к рассказу Логовенко. Технические познания мои не дают мне возможности решить вопрос о том, каким образом могут быть произведены взрывы посредством пироксилина, но я полагаю, что для этого нет необходимости употреблять торпеды и зарывать их в землю» [11, л. 60–60 об.].

Так что, как технически планировалось осуществить это покушение следствие так точно и не установило. Однако в том, что такие приготовления велись, оно не сомневалось. Поэтому причиной смертного приговора Виттенберга и Логовенко стало именно обвинение их в «злоумышлении на жизнь Государя Императора и приготовительные действия к приведению этого умысла в исполнение» [11, л. 205 об.].

Арест николаевской группы, конечно, явился тяжелым ударом по планам сторонников политического направления и в первую очередь Осинского. О его причастности к этим замыслам свидетельствуют, сохранившиеся в следственных материалах обрывки его писем к А.И. Малиновской и М.А. Коленкиной, где речь идет о неудавшемся взрыве в Николаеве [12, с. 103]. Возможно, доводя через них до основного кружка «Земли воли» подробности никола-

евского дела, он, будучи прекрасно осведомлен о том, что в организации нет единства по вопросам использования политического террора как метода борьбы, надеялся этой информацией добиться решающего перелома во взглядах еще колеблющихся «землевольцев».

Однако, эта неудача не охладила пыла революционеров-политиков. Теперь инициатива по использованию пироксилина, как средства политического террора, окончательно перешла к киевлянам, где базировались главные силы ИК РСРП. На рубеже 1878–1879 гг. эта идея начинает обретать в Киеве реальные очертания. По крайней мере известно, что близкие к ИК РСРП Ф. Предтеченский (Н.Н. Бубновский) и С.Б. Наддачин начали заниматься изготовлением разрывных снарядов [13, стб. 1260]. И даже арест Осинского (24 января 1879 г.) [14, л. 71] и последовавший за ним фактический разгром центра ИК РСРП никак не повлияли на эти планы. О чем явно свидетельствуют открытие 6 мая 1879 г. настоящий мастерской по производству бомб в Киеве.

Силами Г.П. Судейкина [15, с. 209–210] в доме, находящемся в труднодоступной для наблюдения местности, жандармам удалось арестовать тесно связанных с ИК РСРП: А. Гобета (Анисима Федорова), Ф. Предтеченского и В. Красовского. При обыске обнаружили: ящик с прессованным пироксилином прусской фабрикации; приготовленные из металла пустые формы для отливки гранат, наполненные землей; 2 картечи с воронкообразным углублением; коловорот для выделки углублений в картечах; колодка, употребляемая для приготовления стержней для гранат; семь стержней, принадлежности для растопки металла; кузня, револьверы, кинжалы и т.п. [16, с. 98].

И это открытие стало для властей уже фактическим подтверждением существования в революционном лагере планов по использованию динамита, ставшего серьезным фактором в разгорающейся «локальной гражданской войне», апогеем которой станут события конца 1879–1881 гг. Также можно утверждать, что еще до создания в августе 1879 г. «Народной воли», реально использовавшей динамит в своей «охоте на Александра II» и научившейся самой производить это взрывчатое вещество, революционеры-политики на юге

России, возглавляемые ИК РСРП во главе с Осинским, выступили пионерами перехода к подобной террористической тактике.

Список использованных источников и литературы

1. *Воронихин А.В.* Вера Николаевна Фигнер. Взгляд на женщину русских революций из XXI века. М., 2020. 400 с.
2. *Милевский О.А.* Ступени на эшафот. Жизнь и судьба Валериана Осинского, идеолога русского политического террора. СПб., 2023. 560 с.
3. *Стеблин-Каменский Р.А.* Григорий Анфимович Попко (12-го апреля 1852 г.–20-го марта 1885 г.) (Опыт биографии) // *Былое*. 1907. № 5. С. 179–204.
4. ГАРФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1878 г. Оп. 163. Ед. хр. 291, ч. 2.
5. *Дрезен А.* Матросы в революционном движении 70-х годов // *Каторга и ссылка*. 1927. №2 (31). С. 60–81.
6. Судебная хроника // *Ведомости Одесского градоначальства*. 1879. № 167.
7. *Дебагорий-Мокриевич В. К.* От бунтарства к терроризму. В 2-х кн-х. М.; Л., 1930. 720 с.
8. *Семенов А.* Соломон Виттенберг (Материалы к биографии) // *Былое*. 1925. № 6 (34). С. 59–74.
9. *Морейнис М. А.* Соломон Яковлевич Виттенберг и процесс 28-ми // *Каторга и ссылка*. 1929. № 7 (56). С. 47–67.
10. *Дейч Л.Г.* Валерьян Осинский (к 50-летию казни) // *Каторга и ссылка*. 1929. № 5 (54). С. 7–43.
11. ГАРФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1878 г. Оп. 163. Ед. хр. 291.
12. Архив «Земли и воли» и «Народной воли» / Под. ред. С.Н. Валка. М., 1932. 454 с.
13. Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. 4. М., 1930. Стб. 1393–2156.
14. ГАРФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1878 г. Оп. 164. Ед. хр. 115, ч. 1.
15. *Милевский О.А.* Восхождение инспектора: Первый год жандармской службы Георгия Порфирьевича Судейкина в Киеве // *Новый исторический вестник*. 2021. № 4 (70). С. 195–219.
16. *Новицкий В. Д.* Из воспоминаний жандарма. М., 1991. 254 с.

Л.М. Чернова

ОЦЕНКА ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ И МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ РОССИИ В ПЕРЕПИСКЕ Ф.И. ТЮТЧЕВА

В статье рассматривается отношение известного русского поэта и дипломата Ф.И. Тютчева к таким важнейшим явлениям русской истории, как крестьянская реформа, польское восстание, деятельность цензуры. Оценка Тютчевым политических событий многогранна и скрупулезна. Она многое может дать исследователю для создания объективной картины настроений в российском обществе. Но узнать мнение Тютчева по многим политическим вопросам можно только изучая его переписку. Автор статьи обращается именно к письмам Тютчева. Многие из них впервые переведены на русский язык.

Ключевые слова: политическая история, крестьянская реформа, польское восстание, цензура.

L.M. Chernova

ASSESSMENT OF DOMESTIC POLITICAL EVENTS AND THE INTERNATIONAL SITUATION OF RUSSIA IN THE CORRESPONDENCE OF F.I. TYUTCHEV

The article deals with the attitude of the famous Russian poet and diplomat F.I. Tyutchev to such important phenomena of Russian history as the peasant reform, the Polish uprising, the activity of the censorship. Tyutchev's assessment of political events is multifaceted and meticulous. It can give a lot to the researcher to create an objective picture of the mood in Russian society. But it is possible to find out Tyutchev's opinion on many political issues only by studying his correspondence. The author of the article turns to the letters of Tyutchev. Many of them have been translated into Russian for the first time.

Key words: F.I. Tyutchev. political history, peasant reform, Polish uprising, censorship.

Федор Иванович Тютчев – великий поэт и незаурядный политический мыслитель. Его наблюдения и анализ международных процес-

сов точны, глубоки и интересны. Важно отметить, что он, светский человек и остроумный собеседник, оказывал влияние на общественное мнение. Поэт не вел записных книжек и дневников, не писал мемуаров. Даже его публицистическое наследие не так велико. Поэтому зачастую о его взглядах и впечатлениях от переживаемых событий можно узнать только из его обширной переписки. Письма Тютчева – важный источник для истории политической и общественной жизни России и Европы. К сожалению, наследие поэта до сих пор недостаточно изучено: из 1300 его писем переведено и опубликовано всего 400. В данной статье используются, в основном, неизданные эпистолярные.

В переписке поэта затронуты многие важные проблемы российской действительности: цензурные законы и взаимоотношение печати и власти, восточный и польский вопросы. Тютчев убежден в том, что каждый человек причастен к созданию исторического полотна и, таким образом, несет ответственность перед потомками за результаты своих действий. Этим объясняется его активная гражданская позиция.

Парадоксально, что крестьянская реформа практически не обсуждается в переписке Тютчева. Но это важнейшее политическое событие не могло не волновать просвещенного гражданина, кроме того, оно затрагивает интересы абсолютно всего населения, в том числе и лично Ф.И. Тютчева, крупного помещика. С 1850-х гг. семье поэта принадлежало приблизительно 1100 душ¹.

В лирических произведениях Ф.И. Тютчева мысли о необходимости и неизбежности падения крепостного права появляются уже с 1857 г.² Отмечает он и стремление императора освободить крестьян: «Все эти речи окончательно доказывают, что император вполне искренно хочет освобождения. Но ведь это только половина дела. Не довольно хотеть, чтобы мочь; надо еще уметь»³.

Совершенно ясно, что поэт беспокоится о самой реализации реформы, отмечает инертность и нерадивость политических деятелей, в руках которых находится ее подготовка: «Когда же приходит-

¹ Имущественно-хозяйственные документы Тютчевых [1].

² См., например: «Над этой темною толпой...»

³ Ф.И. Тютчев – Эрн. Ф. Тютчевой, 17 сентября 1858 г. [2, л. 31–32 об.].

ся видеть то, что делается, или, вернее, не делается здесь, – всю эту слабость и непоследовательность, эту вопиющую недостаточность мер ввиду абсолютно реальных затруднений, – невозможно при наличии такой явной нерадивости правительства, столь противоречащей данному положению, невозможно, говорю я, не поддаться самым серьезным опасениям. Ибо не только никто не знает здесь, что происходит в комитетах, и до чего доведена начатая работа, но никто как будто и не интересуется этим. Об этом деле говорят так мало, как если бы оно было решено и подписано лет двадцать назад; однако очевидно, что ни к одной реформе еще не приступлено всерьез и все вопросы поставлены как *status quo*»⁴.

Ф.И. Тютчев, хотя иногда и критикует императоров и их политику, является последовательным монархистом. Он не доверяет именно чиновникам, и их образ действий противопоставляет воле императора: «Вот где теперь завязка всего дела... что в этой русской в<ерховной> власти одержит решительный перевес – то ли, что составляет его сущность, его душу, или наносное, пришлое, привитое; словом сказ<ать>, кто одолеет в представителе этой верх<овной> власти: русский ли царь или петербургский чиновник?»⁵.

Ф.И. Тютчев не принимал участия в работе над проектом Манифеста 1861 г. Более того, в его письмах нет даже намек на собственные мысли и мнения его окружения о проектах или положениях возможной реформы. Как известно, эта работа была тайной, и поэт как государственный чиновник относился к этому очень серьезно.

Именно Тютчев перевел уже готовый Манифест на французский язык. Но и эту работу он проделывал в полном молчании. Упоминание об этом есть только в письме дочери поэта Дарьи сестре Екатерине, но и это письмо было отправлено только после опубликования Манифеста и перевода: «Папà пришлось переводить манифест об освобождении крестьян. Я читала его, но не говори ему об этом... Сегодня (6 марта) манифест напечатан на французском языке. Переводил его папà. Ему пришлось порядком поработать над ним» [4, с. 322].

⁴ Ф.И. Тютчев – Эрн. Ф. Тютчевой, 5 июня 1858 г. [2, л. 42–43 об.].

⁵ Ф.И. Тютчев – А.И. Георгиевскому, 14 января 1865 г. [3, л. 10–13 об.].

Отсюда явно видно стремление поэта сохранить государственную тайну даже в рамках своей семьи. Перевод вышел в российском официальном дипломатическом издании «Journal de St-Pétersbourg» без указания переводчика. Правда, вскоре Тютчев получил отпуск, отношение для нужной ему поездки в Висбаден, и орден Св. Станислава I степени. Скорее всего, это – награда за достойное выполнение важного государственного поручения.

По всей видимости, реформа все же не вполне отвечала ожиданиям поэта. Его современник Е.М. Феоктистов писал о том, что Ф.И. Тютчев объяснял нежелание императора слушать похвалы крестьянской реформе тем, что «... государь испытывает то же самое, что каждый из нас, когда по ошибке вместо двугривенного дашь червонец; нищий рассыпается в благодарности, прославляя ваше великодушие; отнять у него червонец совестно, а вместе с тем ужасно досадно за свой промах» [5, с. 72].

Для Ф.И. Тютчева как для литератора и цензора вопрос свободы печати – один из самых главных. В феврале 1848 г. поэт назначен старшим цензором Комитета Цензуры Иностранной, а в апреле 1858 г. становится его председателем. К 1855 г. общий алфавитный список книг только на французском языке, запрещенных иностранной цензурой, составлял 387 страниц. При этом иностранная цензура – лишь одна из 12 существовавших тогда ее видов.

В 1857 г. Ф.И. Тютчев написал письмо Министру иностранных дел князю А.М. Горчакову, который был известен своим желанием не только проводить национальный внешнеполитический курс, но и формировать благоприятное общественное мнение через новый журнал, который и предложил возглавить Ф.И. Тютчеву. В ответ поэт составил пространную записку об основных проблемах реализации такого проекта. Формально она была адресована князю, но предполагалась к прочтению императором. Большое внимание в этом произведении уделялось цензуре. Вот почему в 1873 г. письмо издается в виде статьи под названием «Письмо о цензуре в России».

Зять поэта И.С. Аксаков писал: «В 1857 году Тютчев написал в виде письма к князю Горчакову (ныне канцлеру) статью или записку о цензуре, которая тогда ходила в рукописных списках и, может

быть, не мало содействовала более разумному и свободному взгляду на значение печатного слова в наших правительственных сферах» [цит. по: 6, с. 67]. Самая главная мысль письма – необходимость доверия верховной власти к печати для здорового развития общества: «... нам было жестоко доказано, что нельзя налагать на умы безусловное и слишком продолжительное стеснение и гнет без существенного вреда для всего общественного организма. Кажется, всякое ослабление и заметное умаление умственной жизни в обществе неизбежно оборачивается усилением материальных appetitов и корыстно эгоистических инстинктов». «Предвзятое чувство сомнения и нерасположения» к писателям – вредно и несправедливо, ведь современная литература, «как только ей была предоставлена некоторая свобода слова... постоянно стремилась по возможности лучше и вернее выражать саму мысль страны». Иными словами, литература – не враг верховной власти, с ней можно продуктивно взаимодействовать, использовать ее в своих целях для блага страны и укрепления престижа императорской власти. Причем, по мысли поэта, литераторы доверяют императору как никогда: «нет, кажется, сейчас у нас общественного слоя, столь благоговейно преданного Личности Императора», но, не встретив взаимности, могут обратиться и против, что будет однозначно вредно для верховной власти, поскольку это люди энергичного ума, «среди коих нередко рекрутируются противники Власти». Главное, что не устраивает Тютчева в цензурной политике – неверное понимание ее задач: «Цензура служит ограничением, а не руководством. А у нас в литературе, как и во всем остальном, речь должна идти, скорее, не о подавлении, а о направлении»⁶.

Неоправданные цензурные запрещения и притеснения литераторов и издателей приносят только вред патриотическим и лояльным к власти общественным силам, не исцеляют они и от свободомыслия, – такой подход похож на «лечение зубной боли посредством удара кулаком»⁷. Противостоять свободомыслию и распространению оппозиционных журналов можно только, если издатели и лите-

⁶ Ф.И. Тютчев – А.М. Горчакову, ноябрь 1857 г. (список рукой Эрн. Ф. Тютчевой) [7, л. 1–9].

⁷ Ф.И. Тютчев – А. И. Георгиевскому, 8 июня 1866 г. [3, л. 46–47 об.]

раторы получают свободу выражения мыслей и будут понимать, что «они призываются не к полицейскому труду, а к делу, основанному на доверии». Кроме того, чтобы управлять развитым обществом, запретов недостаточно, нужно вселить в людей уверенность в продуманности и последовательности политики верховной власти. Только народное одобрение и содействие может привести к успеху во всех сферах государственной деятельности. А добиться этого можно только посредством свободной печати, которая проявляет лояльность не за страх, а за совесть.

Трудно сказать, какой отклик в правительственных кругах получило это письмо. С одной стороны, Ф.И. Тютчев вскоре был назначен председателем Комитета Цензуры Иностранной вместо очень жесткого и подозрительного А.И. Красовского. Известно, что происходит это «в несомненной связи с этим «Письмом» и, видимо, благодаря покровительству Горчакова» [8, с. 285]. Кроме того, в том же 1857 г. император Александр II прямо предписал министру просвещения А.С. Норову пересмотреть цензурные постановления в духе их либерализации, правда, руководствуясь при этом «разумной бдительностью». С другой стороны, брат поэта Н.И. Тютчев писал его жене Эрнестине Федоровне: «Рукопись моего брата произвела здесь то впечатление, которое и должна была произвести. К сожалению, все это ни к чему не приводит и служит только подтверждением притчи о жемчужинах, брошенных свиньям...» [8, с. 301].

Видимо, кроме согласия со своими идеями Ф.И. Тютчев ждал от императора активных действий и смелых реформ, но так как видимых глобальных изменений не произошло, почувствовал разочарование. Показательно и то, что уже 21 декабря 1858 г. императором был учрежден Комитет по делам книгопечатания для разрешения цензурных недоумений, для управления общественным мнением и для внушения журналистам направления, согласного с видами правительства. То есть, очевидны колебания и неопределенность позиции верховной власти по отношению к печати, цензуре и литераторам.

В 1873 г., во время обсуждения нового закона о печати поэт решается на издание этого письма в четвертом номере «Русского архива». И снова реакция общества и правительства не удовлетворя-

ет его: «Не знаю, какое впечатление произвела эта статья в Москве, здесь она вызвала лишь раздражение, ибо здесь сейчас подготавливаются законы, диаметрально противоположные тем, о которых говорится в этой записке, но, когда используешь редкую возможность высказаться, мнение оппонентов тебя не очень интересует» [9, с. 102].

Таким образом, Ф.И. Тютчев не видит противоречия между свободой слова (при наличии разумной направляющей цензуры) и лояльностью императору. Даже наоборот, считает, что из доверия власти к печатному слову неизбежно разовьется доверие литераторов (а значит, и общественности) к власти и всем ее действиям. Для России было бы только благом, если бы «все честные и просвещенные убеждения имели право открыто и свободно составить мыслящее ополчение, преданное личным устремлениям Императора» [7].

Главное направление политической мысли Ф.И. Тютчева – борьба за интересы России. Поэтому к польскому восстанию 1863 г. поэт относится крайне негативно, он отмечает враждебность и непримиримость поляков по отношению к русским: «Перестав ощущать себя русскими, становятся не космополитами, а непременно, неизбежно – поляками»⁸. Еще в 1831 г., во время ноябрьского восстания в Царстве Польском, поэт приходит к выводу о невозможности примирения двух стран: победа интересов одной – приведет к неизбежной гибели другой: «Польша должна была погибнуть; не самоубийственность её польской народности, – чего Боже сохрани! – но её ложное образование, та ложная национальность, которая была ей привита» [11, с. 442].

А главная опасность мятежа в Польше, по мысли Ф.И. Тютчева, в том, что это – повод для Европы вмешаться в дела России, что приведет к дипломатическому кризису, а, возможно, и к войне: «Кризис приближается – и грустные мои предвидения могут осуществиться... Не более чем через четыре недели неприятельские эскадры могут появиться перед Кронштадтом. Все это ужасно тревожно. – Здесь, как и по всей России, настроение хорошее, но

⁸ Ф.И. Тютчев – А.Ф. Аксаковой, 20 декабря 1866 г. [10, л. 80–83 об.].

опасаются слабости и непоследовательности правительства. Нечего обманывать себя. Дело идет о самом существовании России»⁹. Действительно, в июне 1863 года Российская империя получает депеши от Англии, Франции и Австрии с требованием решать польский вопрос при участии восьми стран-участниц Венского конгресса.

Ф.И. Тютчев считает необходимым проявить твердость в отстаивании своих интересов перед европейскими государствами. Вопреки его опасениям по поводу «непоследовательности правительства», министр иностранных дел А.М. Горчаков подготовил ответ на депеши, который поэт встретил с «ликованием сердца»: «Сегодня утром я отправил Горчакову письмо с поздравлениями – и на сей раз имел удовольствие сказать ему только правду (весьма приятную). Повторяю, его ноты очень хороши, и ты порадуешься, читая их»¹⁰.

Смысл ответа А.М. Горчакова сводился к тому, что Российская империя выступает против необоснованного созыва конференции стран-участниц Венского конгресса, так как это будет бесполезно, да еще и может привести к прямому вмешательству во внутренние дела России, чего великая держава потерпеть не может. Тютчев считал это крупной дипломатической победой министра иностранных дел: «С ликованием в сердце тороплюсь набросать вам несколько строк, дабы принести мои самые горячие поздравления... Ваши депеши стали известны здесь вчера. И я почитаю себя безмерно счастливым, что оказался в Москве в такой момент... Это был, без преувеличения, момент исторический»¹¹.

Ф.И. Тютчев уверен, что Польша не столько борется за свою независимость, сколько выступает плацдармом для «крестового похода против России, который всегда был заветной мечтой Революции» [11, с. 445]. После восстания 1830 г. он отмечает рост враждебности к России на Западе, который он определяет термином «русофобия», в чем винит польских эмигрантов.

В целом, позиция Ф.И. Тютчева по польскому вопросу соответствовала мнению императора Александра II и сводилась к недопу-

⁹ Ф.И. Тютчев – Эрн. Ф. Тютчевой, 27 июня 1863 г. [12, л. 19–20 об.].

¹⁰ Ф.И. Тютчев – Эрн. Ф. Тютчевой, 11 июля 1863 г. [12, л. 25–26 об.].

¹¹ Ф.И. Тютчев – А.М. Горчакову, 11 июля 1863 г. [13, л. 29–30 об.].

стимости автономии Царства Польского при желательности реформ в пользу крестьянства против шляхты.

Необходимо отметить, что в период польского восстания 1863–1864 гг. Ф.И. Тютчев выполнял важную роль посредника между верховной властью, средствами массовой информации, обществом. «В письмах родным сам Федор Иванович скромно, но многозначительно назвал свою миссию “не более бесполезной, чем многие другие”. В действительности, он способствовал формированию национального самосознания власти и общества, “русского начала” в государственной политике и “русского чувства” в общественной жизни России, то есть предлагал единственно верный ответ на возможные внутривластные и внешнеполитические вызовы» [14, с. 82].

Список использованных источников и литературы

1. Архив Музея-заповедника «Усадьба Мураново». Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 6–25.
2. ОР РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 23.
3. РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 2. Ед. хр. 2.
4. Литературное наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. Кн. 2. М., 1989. 712 с.
5. Современники о Тютчеве. Воспоминания, отзывы, письма. Тула, 1984. 158 с.
6. *Брандт Р.Ф.* Ф.И. Тютчев. Материалы к биографии. М., 1901.
7. ОР РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 12.
8. *Пигарёв К.В.* Жизнь и творчество Ф.И. Тютчева. М., 1962. 376 с.
9. *Тарасов Б.Н.* Ф.И. Тютчев и П.Я. Чаадаев. (Жизненные параллели и идейные споры друзей- «противников» // Тютчев сегодня. Материалы IV Тютчевских чтений. М., 1995.
10. РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 37.
11. (*Тютчев Ф.И.*) Полное собрание сочинений Ф.И. Тютчева. СПб, 1913. 468 с.
12. ОР РГБ. Ф. 308. Оп. 2. Ед. хр. 4.
13. ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Ед. хр. 726.
14. *Мырикова А.В.* Политические идеи Ф.И. Тютчева. М., 2004. 135 с.

В.В. Назаров

ДЕКАБРИСТЫ В ПУБЛИКАЦИЯХ И ИССЛЕДОВАНИЯХ В. Я. БОГУЧАРСКОГО

В статье рассматриваются наиболее значительные публикации и научные исследования дореволюционного российского историка, публициста и общественного деятеля В.Я. Богучарского (Яковлева), посвященные движению декабристов. Особое внимание уделяется биографиям декабристов братьев Бестужевых, А.О. Корниловича, Е.П. Оболенского, воспоминаниям князя С.Г. Волконского.

Ключевые слова: В.Я. Богучарский, декабристы, биографии, Бестужевы, А.О. Корнилович, С.Г. Волконский, Е.П. Оболенский.

V. V. Nazarov

THE DECEMBRISTS IN THE PUBLICATIONS AND RESEARCH OF V. Ya. BOGUCHARSKY

The article examines the most significant publications and scientific studies of the pre-revolutionary Russian historian, publicist and public figure V.Ya. Bogucharsky (Yakovlev), dedicated to the Decembrist movement. Special attention is paid to the biographies of the Decembrists Bestuzhev brothers, A.O. Kornilovich, E.P. Obolensky, the memoirs of Prince S.G. Volkonsky.

Key words: V.Ya. Bogucharsky, Decembrists, biographies, Bestuzhevs, A.O. Kornilovich, S.G. Volkonsky, E.P. Obolensky.

Василий Яковлевич Богучарский (Яковлев) (1860–1915) принадлежит к числу известных дореволюционных российских историков, публицистов и общественных деятелей, что не раз отмечалось в работах отечественных историков: К.Ф. Шацилло [1], М.Г. Вандалко-

вской [2], М.Ф. Шумейко [3], Л.М. Искры [4], М.Д. Карпачева [5] и др. Среди его исторических работ важное место занимают публикации документов из официальных источников и научные исследования, посвященные движению декабристов. Наибольший интерес для отечественной исторической науки представляют биографии декабристов братьев Бестужевых, А.О. Корниловича, Е.П. Оболенского, воспоминания князя С.Г. Волконского. Рамки статьи позволяют рассмотреть лишь наиболее значительные публикации и исследования историка, посвященные истории движения декабристов.

В.Я. Богучарский издал несколько сборников документов и материалов по истории революционного движения в России. Среди них особое место занимает трехтомник «Государственные преступления в России в XIX веке» [6]. В него вошли опубликованные правительством за период с 1825 по 1877 г. официальные сведения о преступлениях, совершенных против власти, начиная с восстания декабристов и заканчивая политическим судебным процессом над народниками, известным как «процесс 193-х». Первый том публиковался за рубежом. Для того чтобы обойти цензурные ограничения, В.Я. Богучарский в качестве источника использовал исключительно публикации официальных документов в периодических изданиях «Русский инвалид», «Сенатские ведомости» и др.

Движению декабристов посвящена часть первого тома, охватывающая период с 14 декабря 1825 г. по 21 июля 1830 г. [7, с. 1–94] и позволяющая проследить события с момента восстания до вынесения последних судебных приговоров его участникам. Так, например, в газете «Русский инвалид» в номере от 19 декабря 1825 г. была опубликована редакционная статья, в которой в верноподданническом духе оценивались события на Сенатской площади [7, с. 1–2]. В следующем номере содержался царский манифест о подавлении восстания с монаршей оценкой произошедших событий. В номере от 29 декабря 1825 г. давалось подробное описание восстания [7, с. 4–6].

Последующие публикации посвящены следствию по делу о восстании декабристов, описанию действий восставших и проправительственных сил, следственных мероприятий, судебному процессу и вынесенным приговорам. Согласно Указу императора Николая I

Верховному уголовному суду, все участники восстания (кроме пятерых казненных: П.И. Пестеля, К.Ф. Рылеева, С.И. Муравьева-Апостола, М.П. Бестужева-Рюмина и П.Г. Каховского), признанные виновными в преступлениях против государства и монаршей особы, в соответствии с тяжестью преступлений были поделены на одиннадцать разрядов. Преступники первого разряда, осужденные к смертной казни, были помилованы императором, им сохранялась жизнь, они лишались чинов и дворянства и отправлялись навечно на каторгу. Преступники второго разряда осуждались к политической смерти с положением головы на плаху и к вечной каторге. Осужденные по третьему разряду лишались чинов и дворянства, ссылались на каторгу на двадцать лет, а затем на поселение, по четвертому разряду – после лишения чинов и дворянства, ссылались на каторгу на двенадцать лет, а затем на поселение. Преступники пятого разряда были осуждены на десять лет каторги и поселение, шестого – шесть лет каторги и поселение, седьмого – четыре года каторги и поселение, восьмого – к лишению чинов и дворянского звания и поселению, девятого – к лишению чинов и дворянства и ссылке в Сибирь, десятого – к лишению чинов и дворянства и отдаче в солдаты до выслуги лет, одиннадцатого – к лишению чинов и отдаче в солдаты до выслуги лет [7, с. 61–63].

Опубликованные Богучарским материалы представляют интерес не только для историков революционного движения, но и для правоведов, поскольку содержат ценные сведения о порядке организации следственных мероприятий, особенностях правоприменительной практики и действий судебных органов России второй четверти XIX в.

Среди декабристов было немало выдающихся личностей, оставивших яркий след в истории и культуре России. Среди них заметно выделялись братья Александр, Николай, Михаил, Петр и Павел Бестужевы. В.Я. Богучарский посвятил им очерк «Семейство Бестужевых» [8, с. 1–99]. Историк детально осветил биографии всех пятерых братьев, опираясь на различные источники, в том числе письма и воспоминания.

В семье Бестужевых постоянно поддерживался интерес к наукам. Их отец – Александр Федосеевич Бестужев (1761–1810) – собрал

большую библиотеку, коллекцию минералов, старался привить своим детям любовь к знаниям, был автором педагогического труда.

Александр Александрович Бестужев (1797–1837) был одним из самых известных писателей-романистов своего времени, публиковавшим свои произведения под псевдонимом Марлинский. В детстве он так много читал, что отцу приходилось закрывать на ключ книжный шкаф. Уже в юности обнаружилось стремление к литературному творчеству. Увлеченный отцовской коллекцией минералов, Александр изначально планировал стать горным инженером и поступил в Горный корпус, но вскоре его интересы сместились в сторону морского дела. Карьере моряка помешали реализоваться трудности с усвоением математики. Пришлось стать армейским офицером. Был адъютантом главноуправляющих путями сообщения генерала Бетанкура и герцога Вюртенбергского, служил в лейб-гвардии драгунском полку. За участие в восстании декабристов был сослан в Якутск, а затем по его просьбе переведен рядовым солдатом на Кавказ. Писательская слава пришла к нему во время нахождения в ссылке в Сибири, а затем – в действующей армии на Кавказе. Именно здесь были созданы самые известные его произведения «Испытание», «Амалат-Бек», «Фрегат „Надежда“», «Мореход Никитин». Бестужеву-Марлинскому пришлось пройти через многочисленные испытания и унижения. Он погиб в стычке с горцами в районе мыса Адлер 7 июня 1837 г.

Николай Александрович Бестужев (1791–1855) был морским офицером. Его биография напоминает приключенческий роман. Он получил известность как историк флота, писатель, критик, изобретатель, художник. Принял активное участие в восстании декабристов, безуспешно попытался скрыться в Кронштадте на Толбухинском маяке. Был сослан в Сибирь и прожил там до самой смерти 27 мая 1855 г.

Михаил Александрович Бестужев (1800–1871) служил офицером лейб-гвардии Московского полка, занимался литературным творчеством. За участие в восстании декабристов был сослан в Сибирь. Там обзавелся семьей, сотрудничал с первой забайкальской газетой «Кяхтский листок», занимался производством изобретенного им конного экипажа, получившего название «сидейка», написал трактат

о буддизме. После освобождения некоторое время продолжал жить в Сибири. В 1867 г. вернулся в Москву, а в 1871 г. скончался во время эпидемии холеры.

Судьба Петра Александровича Бестужева (1803–1840) сложилась трагически. За участие в восстании был разжалован в рядовые, участвовал в нескольких войнах. Очень сильно пострадало его психическое здоровье, и Петр был отправлен под присмотр матери. Незадолго до смерти был помещен в психиатрическую лечебницу.

Младший из братьев Павел Александрович Бестужев (1806–1846) непосредственного участия в восстании не принимал, но понес наказание наравне с другими братьями. Он был отправлен в действующую армию на Кавказ, храбро сражался в нескольких войнах. Занимался литературным трудом, изобрел специальный артиллерийский прицел. В 1835 г. вышел в отставку, в 1846 г. умер в Москве.

Реакция критиков на очерки В.Я. Богучарского о Бестужевых была различной. Так, например, в своей рецензии известный на рубеже XIX–начале XX вв. историк культуры, публицист и переводчик М.О. Гершензон назвал очерк о Бестужевых неудачным. По его мнению, Богучарский «изобразил не Бестужевых, а только судьбу Бестужевых» [9]. Гершензон упрекнул историка в том, что тот не сумел создать развернутый психологический портрет декабристов. На наш взгляд, негативная оценка М.О. Гершензона несколько преувеличена. В.Я. Богучарскому вполне удалось передать характеры своих персонажей, высветить их лучшие человеческие качества, показать весь трагизм ситуации.

Отдельный очерк историк посвятил Александру Осиповичу Корнилову (1880–1834) [8, с. 100–118]. Будущий декабрист родился 17 июля 1800 г. в небогатой польской дворянской семье в Могилеве-на-Днестре Подольской губернии, где его отец служил таможенным чиновником. Корнилович окончил Ришельевский лицей в Одессе (впоследствии преобразованный в Новороссийский университет), а затем Московскую школу колонновожатых. Очень рано проявились многочисленные таланты молодого человека. Он знал несколько языков, серьезно занимался российской историей XVIII в.

Его способности заметили педагоги и руководство школы колонновожатых, что во многом определило его дальнейшую деятельность. Будучи кадетом А.О. Корнилович был прикомандирован в качестве помощника к военному историку адъютанту Главного штаба Д.П. Бутурлину, который занимался исследованием военной истории России XVIII в. Молодого человека допустили к работе с документами из Московского и Санкт-Петербургского архивов Коллегии иностранных дел, где он изучил несколько сотен фондов и коллекций, содержащих различного рода акты, дипломатические документы, рукописные карты. Многие из них молодой исследователь перевел с иностранных языков.

Успешно окончив школу колонновожатых, Корнилович в 1816 г., получив звание прапорщика, поступил в Императорскую свиту и вновь оказался в распоряжении Бутурлина для дальнейшей работы в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Молодой офицер в 1822 г. получил внеочередное звание штабс-капитана, а в 1824 г. был награжден орденом св. Анны 3-й степени.

Перед Корниловичем открывалась блестящая военная и научная карьера: он преподавал статистику и географию в Корпусе военных топографов и Санкт-Петербургском училище колонновожатых, публиковал научные статьи в журналах «Отечественные записки», «Сын Отечества», «Северный архив», альманахе «Полярная звезда», издававшимся декабристами К.Ф. Рылеевым и А.А. Бестужевым. Корнилович был членом Вольного общества любителей российской словесности, Общества любителей словесности, наук и художеств, Московского общества истории и древностей российских. В возрасте двадцати пяти лет он уже являлся автором пятидесяти научных работ. В 1824 г. совместно с историком донского казачества В.Д. Сухоруковым они издали первый отечественный исторический альманах «Русская старина».

14 декабря 1825 г. круто изменило его жизнь. Став членом Южного общества незадолго до восстания, Корнилович принял в нем самое активное участие. Он был арестован, а затем приговорен к пятнадцати годам каторги. Отбывал наказание в Читинском остроге. В 1827 г. Корнилович был переведен из Читы в Санкт-Петербург и помещен в Петропавловскую крепость. В III Отделение

поступил донос о том, что он якобы передавал секретные сведения австрийскому правительству. Обвинение в шпионаже не подтвердилось. Находясь в Петропавловской крепости, Корнилович написал около сорока аналитических записок на имя императора о состоянии дел в армии, государственном управлении, экономической сфере. Николай I относился к ним с интересом. Находясь в заключении, Корнилович издал историческую повесть «Андрей Безымянный», посвященную эпохе Петра I. В 1832 он был отправлен в звании рядового в Ширванский пехотный полк в Тифлис, а в 1834 г. скончался от лихорадки.

В своем очерке о Корниловиче В.Я. Богучарский обобщил все доступные ему на тот момент факты о судьбе декабриста. Ему удалось создать достаточно объемный портрет незаурядной личности, талантливого человека, за свою короткую жизнь внесшего немалый вклад в историческую науку. Его политический выбор был вполне осознанным. Корнилович заплатил за него высокую цену.

В.Я. Богучарский обратился к изучению мемуаров декабриста князя Сергея Григорьевича Волконского (1788–1865) [8, с. 119–139]. Сергей Григорьевич родился 8 декабря 1788 г. в Москве в семье члена Государственного совета, оренбургского генерал-губернатора Г.С. Волконского. Образование получил в привилегированном иезуитском колледже, участвовал в войне с Наполеоном в составе Четвертой коалиции, в Отечественной войне 1812 г., заграничном походе 1813–1814 гг., имел боевые награды.

Волконский принял активное участие в восстании декабристов: в 1819 г. вступил в Союз благоденствия, в 1821 г. – в Южное общество, в 1823 г. возглавил Каменскую управу Южного общества. 5 января 1826 г. он был арестован по делу о восстании Черниговского полка, осужден по первому разряду, лишен чинов и дворянства, приговорен к смертной казни, помилован и отправлен на каторгу в Сибирь. По амнистии 1856 г. Волконский вернулся в Европейскую Россию, жил с супругой некоторое время в Москве, затем перебрался в имение зятя Н.А. Кочубея в село Воронки Черниговской губернии. Здесь он писал свои мемуары. Умер в Воронках 28 ноября 1865 г., ненадолго пережив свою жену.

В.Я. Богучарский справедливо указывает на незавершенность мемуаров Волконского и останавливается на наиболее интересных фрагментах. Так, например, определенный интерес для историков наполеоновских войн представляют описания Волконским событий на полях сражений, настроений в штабах. Не менее интересны эпизоды, связанные с мирной жизнью, эволюцией его политических взглядов, деятельностью в составе тайных обществ. Мемуары князя С.Г. Волконского, безусловно, представляют собой ценный источник по истории России первой четверти XIX в. и истории декабристского движения, в частности.

В поле зрения В.Я. Богучарского оказалась судьба декабриста князя Евгения Петровича Оболенского (1796–1865) [10, с. 203–230]. Е.П. Оболенский родился в семье Петра Николаевича Оболенского (1760–1833), ставшего впоследствии тульским губернатором, 6 октября 1796 г. в г. Новомиргороде Херсонской губернии. Евгений Петрович получил домашнее образование, служил в гвардии. Он стоял у истоков движения декабристов. В 1818 г. Оболенский был членом «Союза благоденствия», участвовал в создании «Северного общества», входил в состав его руководства, разрабатывал программу общества. Евгений Петрович являлся сторонником объединения Северного и Южного обществ, вел об этом переговоры с П.И. Пестелем. Оболенский был избран руководителем штаба накануне восстания, а 14 декабря 1825 г. вместо не явившегося на Сенатскую площадь С.П. Трубецкого командующим восставшими войсками. После подавления восстания Евгений Петрович был осужден по первому разряду к пожизненной каторге, отбывал наказание в Иркутске, на солеваренном заводе в Усолье, в Читинском остроге, на Петровском заводе. В Сибири активно занимался самообразованием, изучал философию и иностранные языки.

В 1839 г. каторга была заменена поселением в Иркутской губернии, затем в 1841 г. он поселился в г. Туринске Тобольской губернии, а в 1842 г. в Ялutorовске, где вступил в брак со своей горничной В.С. Барановой. В 1856 г. Оболенский был амнистирован, вернулся в Москву, а затем окончательно поселился в Калуге. Здесь он активно занимался общественной деятельностью, участвовал в подготовке крестьянской реформы 1861 г. Декабрист

умер в Калуге 26 февраля 1865 г. В.Я. Богучарский издал воспоминания Е.П. Оболенского, в которых нашли отражение события его жизни, участие в подготовке восстания, каторга. В мемуарах представлены яркие образы декабристов: К.Ф. Рылеева, А.И. Якубовича, И.И. Пущина и др. [10, с. 231–280].

В 1906 г. В.Я. Богучарский издал брошюру «Кровавый синодик. Смертная казнь по политическим делам в России», в которой была опубликована его речь, посвященная проблемам амнистии, отмене смертной казни, а также лицам, казненным за политические преступления в России. Речь была произнесена им на открытии благотворительной организации «Шлиссельбургский комитет», созданной по инициативе В.Н. Фигнер народовольцем П.Ф. Якубовичем с целью материальной поддержки бывших политических заключенных Шлиссельбургской крепости. Бессменным председателем комитета был известный историк В.И. Семевский. Средства от реализации брошюры направлялись в «Шлиссельбургский комитет». Часть своей речи Богучарский посвятил памяти декабристов [11, с. 9–13].

Близким по духу и тематике «Кровавому синодику» был изданный в 1907 г. сборник биографий тридцати бывших заключенных Шлиссельбургской крепости «Галерея Шлиссельбургских узников» под редакцией Н.Ф. Анненского, В.Я. Богучарского, В.И. Семевского и П.Ф. Якубовича [12].

Рецензент, скрывавшийся под инициалами М.Г., высоко оценил книгу, отметив трагические судьбы политических заключенных: «Поистине – и страшная, и радостная книга! Мир не видел большего самопожертвования и большей жестокости. Здесь все – пределы: предел человеческого идеализма, предел зверства в человеке, предел страданий и скорби; высшее торжество нравственной силы и полное ее бессилие, видимое ее умирание и вечное бессмертие» [13].

В 1912 г. по инициативе Общества распространения технических знаний был издан юбилейный сборник статей в семи томах, посвященный столетию Отечественной войны 1812 г., в который вошли работы многих известных ученых, посвященные как непосредственно истории войны, так и проблемам внешней политики первой чет-

верти XIX в., историографии темы, послевоенным событиям в России. В седьмом томе сборника были опубликованы две статьи В.Я. Богучарского, посвященные движению декабристов [14, с. 249–274].

В статье «Пропаганда в армии. Тайные общества» историк рассматривает деятельность декабристов по пропаганде в российской армии революционных идей. Они не предполагали привлечения к восстанию широких народных масс, тем не менее, пропагандистская деятельность ими осуществлялась. Наиболее удобной средой для распространения информации среди нижних чинов были ланкастерские школы. В них получили распространение прописи, которые содержали имена современных им европейских борцов за свободу Риэго, Кироги и др. Среди офицерского состава пропаганда осуществлялась с помощью литературных произведений. Большой популярностью пользовались стихотворения К.Ф. Рылеева и А.С. Пушкина. Среди них следует отметить влияние таких стихотворений Рылеева, как «Временщику», «Гражданин», «Исповедь Наливайки», «Волынский». С особенной яркостью, по мнению Богучарского, пушкинские настроения были выражены в стихотворении «Кинжал». Наряду с ними в целях пропаганды были созданы специальные произведения. Речь идет о «Любопытном разговоре» Н.М. Муравьева и «Катехизисе», составленном С.И. Муравьевым-Апостолом и М.П. Бестужевым-Рюминым. В них использовалась привычная для всех верующих вопросно-ответная форма православного катехизиса. Только вместо вопросов религиозного содержания рассматривались идеи борьбы за свободу, демократизации властных отношений, методы и способы достижения политических целей [14, с. 249–260].

Другая работа В.Я. Богучарского «День 14 декабря 1825 года в Петербурге» посвящена непосредственно восстанию на Сенатской площади. Историк предпринял попытку анализа событий, происшедших на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., отметив нерешительность действий декабристов, убийство П.Г. Каховским генерал-губернатора Санкт-Петербурга М.А. Милорадовича, реакцию представителей власти, расстрел восставших картечью, попытки скрыть следы гибели десятков людей и др. В.Я. Богучарский акту-

ализировал вопросы, над которыми продолжают работать и современные исследователи [14, с. 260–274].

Таким образом, публикации и исследования В.Я. Богучарского, посвященные декабристам, не утратили своего научного значения и в наши дни. Они содержат ценный фактический материал и дают представление о достижениях отечественной историографии движения декабристов начала XX в.

Список использованных источников и литературы

1. *Шацилло К.Ф.* Первый день «свободы» в Петербурге (18 октября 1905 г. по воспоминаниям В.Я. Богучарского) // Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976. С. 271–276.
2. *Вандалковская М.Г.* Из архива В.Я. Богучарского // История и историки. Историографический ежегодник. М., 1979. С. 379–385.
3. *Шумейко М.Ф.* К научной биографии В.Я. Богучарского // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981. С. 226–236.
4. *Искра Л.М.* Яковлев-Богучарский Василий Яковлевич // Историки России. Биографии / Сост., отв. редактор А.А. Чернобаев. М., 2001. С. 386–394.
5. *Искра Л.М., Карпачев М.Д.* В.Я. Яковлев-Богучарский (к истории жизни и деятельности) // Вопросы отечественной и всеобщей истории в трудах русских историков XIX–начала XX века. Воронеж, 1983. С. 44–54.
6. Государственные преступления в России в XIX веке. Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений. В 3-х томах / Сост. Б. Базилевский. СПб., 1906.
7. Государственные преступления в России в XIX веке. Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений. В 3-х томах / Сост. Б. Базилевский. Т. 1. СПб., 1906. 348 с.
8. *Богучарский В.Я.* Из прошлого русского общества. СПб., 1904. 406 с.
9. *Гершензон М.* Литературное обозрение // Научное слово. 1904. Кн. VIII. С. 143.
10. Общественные движения в России в первую половину XIX века. Т. 1: Декабристы статьи и материалы / Сост. В.Я. Богучарский, В.И. Семевский, П.Е. Щеголев. СПб., 1905. 495 с.
11. *Богучарский В.Я.* Кровавый синодик. Смертная казнь по политическим делам в России. СПб., 1906. 31 с.
12. Галерея Шлиссельбургских узников. Ч. 1 / Под ред. Н.Ф. Анненского, В.Я. Богучарского, В.И. Семевского, П.Ф. Якубовича. СПб., 1907. 298 с.

13. М.Г. Галерея Шлиссельбургских узников. Под редакцией: Н.Ф. Анненского, В.Я. Богучарского, В.И. Семевского и П.Ф. Якубовича. Ч. 1. С 29 портретами. С.-Петербург, 1907 // Вестник Европы. 1907. Кн. 5. С. 23.

14. Отечественная война и русское общество. 1812–1912. Юбилейное издание / Под ред. А. К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичеты. Т. VII. М., 1912. 376 с.

А.С. Майорова

СТАТЬИ Д.Л. МОРДОВЦЕВА О РАЗБОЙНИКАХ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Разбои в Саратовском Поволжье были реальным явлением до середины XIX в. В трудах по местной истории, созданных в XIX в., содержатся сведения о разбойниках. Наибольшее внимание этой теме уделили Д.Л. Мордовцев и А.Н. Минх. Серия очерков Мордовцева о поволжских разбойниках остается мало известной историкам. В этих работах он не только изложил множество фактов. В них отражены взгляды Мордовцева на причину разбоев и на социальный состав участников разбойничьих шаяк.

Ключевые слова: А.Ф. Леопольдов, Н.И. Костомаров, Царицын, восстание Пугачева, понизовая вольница, бурлаки, историческая память, песенный фольклор.

A.S. Mayorova

ARTICLES BY D.L. MORDOVTSSEV ON THE BRIGANDS OF THE SARATOV VOLGA REGION

Brigandage in the Saratov Volga region was a harsh reality until the mid-19th century. The works on local history, created in the 19th century, contain information about brigands. The greatest attention to this topic was paid by D.L. Mordovtsev and A.N. Minh. Mordovtsev's series of essays on Volga brigands still remains little known to historians. These works not only provide plenty of facts but also reflect Mordovtsev's views on the cause of brigandage as well as on the social makeup of the participants of robbery gangs.

Key words: A.F. Leopoldov, N.I. Kostomarov, Tsaritsyn, Pugachev's uprising, ponizovaya volnitsa (brigands from the lower reaches of the Volga), burlaks (barge haulers), historical memory, song folklore.

Разбойничество было реальным явлением в жизни Среднего и Нижнего Поволжья до середины XIX в. Его возникновению и длительному существованию способствовал ряд факторов. Основные – это роль Волги как важнейшей транспортной магистрали и окраин-

ное положение Среднего и Нижнего Поволжья в составе России, что не давало возможности обеспечить административный и военный контроль на этой территории.

Во второй половине XVIII в. Нижневолжский регион утратил свое положение юго-восточной окраины государства, а после присоединения Крыма к России он перестал быть угрожаемой территорией. Однако разбои продолжались в Самарском и Саратовском Поволжье. Историки, начиная с авторов первых трудов по истории Саратовского края, А.Ф. Леопольдова и Н.И. Костомарова, уделили внимание разбойничеству. Наиболее масштабным исследованием на эту тему является изданная в 2021 г. монография А.Н. Минха «Разбои и клады Низового Поволжья» (завершена автором в 1892 г.). Кроме того, в ряду сочинений местных историков имеется целый ряд работ Д.Л. Мордовцева по данной тематике, которые пока не подвергались специальному рассмотрению.

Мордовцев – широко известный автор исторических трудов и литературных, а также публицистических сочинений. Многие его работы посвящены истории Саратовского Поволжья. В начале своей творческой деятельности он испытал влияние Костомарова, вместе с которым работал в Саратовском статистическом комитете. Кроме того, он общался с Н.Г. Чернышевским, взгляды которого на явления общественной жизни отразились на формировании воззрений Мордовцева. Особое значение для выбора тематики исторических сочинений Мордовцева имел тот факт, что Костомаров собрал в Царицыне и Петровске документы, которые отражали обстановку в регионе в период восстания Пугачева и в последующие несколько лет. Документы были переданы им Мордовцеву, и он написал на основании этих материалов целый ряд работ [1, с. 50–51].

В 1860-х гг. в журналах вышли первые статьи и очерки Мордовцева о разбойниках на Волге в XVIII в. и о самозванцах – предшественниках Пугачева: «Понизовая вольница» («Русское слово», 1860, декабрь, с. 1–51), «Атаман Брагин и разбойник Зубакин». («Русский вестник», 1862, январь – февраль, с. 705–730). «Из доброго старого времени. Разбойничий атаман Беркут» («Всемирный труд», 1867, № 9, с. 119–168). Отдельными изданиями в Петербурге были опубликованы сборники его монографий и очерков «Само-

званцы и понизовая вольница» (1867, в 2 томах) и «Политические движения русского народа» (1871, в 2 томах).

В 1886 г. было опубликовано второе издание работ Мордовцева, посвященных восстанию Пугачева и разбоям, которые предшествовали восстанию и происходили позднее – «Самозванцы и понизовая вольница. Исторические монографии Д.Л. Мордовцева». Второй том данного издания «Понизовая вольница» объединяет 8 очерков (автор называет их и очерками, и статьями), в которых повествуется о действиях разбойничьих шаек в Нижнем Поволжье в период с 1770 до 1782 г. [2]. Все они написаны на основании документов Царицынской комендантской канцелярии, как видно из авторских примечаний и ремарок в текстах.

Работы Мордовцева о понизовой вольнице впервые были использованы А.Н. Минхом при подготовке монографии «Разбои и клады Низового Поволжья». Он был первым саратовским историком, который по достоинству оценил результаты исследований Мордовцева по данной тематике и опирался на его сведения. Он назвал имена разбойников, о которых идет речь в серии очерков «Понизовая вольница» [3, с. 176]. Минх писал, что Мордовцев «составил свои очерки по архивным документам» [3, с. 185]. Названная работа Минха опубликована более чем через сто лет после ее завершения. Вероятно, поэтому до настоящего времени статьи и очерки Мордовцева о разбойниках остались вне пределов внимания как местных историков, так и других исследователей.

Авторы, которые изучают его творчество, дают оценки историческим трудам Мордовцева на основе его работ, посвященных пугачевщине. Р.Д. Костылева пришла к выводу, что Мордовцев в своем понимании народных движений «был близок к демократическому направлению в русской историографии» [4, с. 19]. Она отмечает, что в 60–70-е гг. XIX в. и позднее в периодических изданиях консервативного направления сочинения Мордовцева вызывали неодобрительные отзывы, а демократическая печать, наоборот, оценивала их высоко [4, с. 20]. В.С. Момот подчеркнул, что сочинения историка были известны не только в России, но и за ее пределами. А.И. Герцен подготовил сообщение о «Самозванцах и понизовой вольнице» для «Колокола». Очевидно, как следствие внимания ре-

дакции «Колокола» к произведениям русского историка, следует рассматривать тот факт, что среди книг К. Маркса и Ф. Энгельса были «Политические движения русского народа» и «Самозванцы и понизовая вольница» Мордовцева [5, с. 610, 604]. Момот обратил внимание на то, что Мордовцев «поставил перед собой задачу выявить главные причины» описанных им народных движений, «раскрыть исторические условия, способствовавшие их возникновению» [5, с. 611]. Однако исследователь не показал, каким образом Мордовцев решил эти задачи.

Т.Е. Аникеев обратился к рассмотрению его сочинений в связи с изучением воплощения темы «русского бунта» в историко-художественной литературе XIX в. Автор полагает, что в отличие от многих своих предшественников, Мордовцев «пытался понять и объяснить причину возникновения массовых бунтов, причину самозванства...». Аникеев утверждает, что Мордовцев «пошел дальше Н.И. Костомарова» при анализе этих явлений. «Вспышки неповиновения», которые первоначально выглядели как разрозненные и бесвязные эпизоды народных волнений, представлялись Мордовцеву «лишь вершиной айсберга», отдельными чертами «важного исторического явления – выражения русским народом своего свободолюбия» [6, с. 39]. Если обратиться к статьям Мордовцева о разбойниках, то можно уточнить этот вывод Аникеева.

Саратовские регионоведы наибольший интерес проявляют к общественно-политическим взглядам Мордовцева. Его личность и творчество рассматривается в контексте взаимоотношений Чернышевского, Костомарова и того круга лиц, с которыми они общались в Саратове. В.Г. Миронов писал, что вокруг Костомарова во время его пребывания в саратовской ссылке сформировался кружок демократически настроенной интеллигентной молодежи, лидером которого быстро стал Чернышевский, а после его отъезда – Мордовцев [7, с. 36–37]. Н.А. Варганова посвятила специальные статьи изучению взаимоотношений Мордовцева с Чернышевским [8] и с Костомаровым [9]. Одним из главных положений в ее работах является утверждение о близости литературных, политических и научных взглядов Мордовцева и Костомарова. Данный тезис повторен и в монографии Варгановой, посвященной Мордовцеву [10, с. 75].

В.М. Захаров, говоря о влиянии Костомарова на развитие исторической традиции в Саратове, отмечает его «большое идейное воздействие на Мордовцева» [11, с. 20]. Рассматривая сочинения Мордовцева, посвященные истории Нижнего Поволжья, Захаров называет имена некоторых разбойничьих атаманов, о которых он писал, однако не указывает названия статей Мордовцева и не пытается дать им оценку. Более внимательное отношение к этому комплексу работ Мордовцева проявил Ю.Г. Степанов в связи с изучением и подготовкой к публикации монографии А.Н. Минха «Разбои и клады Низового Поволжья» [12, с. 9].

Серии очерков Мордовцева, объединенных под заглавием «Понизовая вольница», заслуживает пристального внимания. В них имеется богатый фактический материал, почерпнутый из документов, а также наблюдения и обобщения, в которых отражены взгляды автора на описываемые события и их причины. Мордовцев указал на необходимость изучения истории разбоев, которые происходили в Поволжье во второй половине XVIII в. По его мнению, «в простых разбойниках... выразился характер эпохи, о которой у нас большею частью судят ошибочно». Он констатировал, что никто из историков «не счел нужным обратить внимание на эти странные корпорации разбойников, как будто их не было вовсе». Мордовцев пишет, что разбойники «заслужили право на внимание истории» еще и «тем влиянием, какое имели они на окружающую их среду (а эту среду составляли массы таких же серых людей, как и они сами), и наконец, тем, что заставляли задумываться и тревожиться полководцев и законодателей» [2, с. 225].

Мордовцев не случайно поднял вопрос о влиянии разбойников на «массы серых людей». В статье об атамане Заметаеве встречаем интересное замечание: «Народ, забывший Суворова, и теперь помнит Заметаева. В Поволжье рассказывают о нем довольно фантастические истории» [2, с. 83]. Мордовцев так же, как и Костомаров, с большим вниманием относился к народным преданиям, которые считал важным историческим источником. Он отмечает особенности фольклорных повествований о разбойниках: «Много полусказочного, полуправдивого» рассказывают в народе про разбойника Быкова и про разбойника Гусева, «несколько раз бегавшего из Си-

бири и несколько лет тому назад ограбившего собор в Саратове» [2, с. 219]. Песенный фольклор, связанный с именами разбойников, также привлекал внимание Мордовцева. «Народ не знает гармонических стихов Пушкина, – пишет он, – и не сочувствует им, а между тем охотно разучил и поет, передавая по всему Поволжью, нескладную и нелепую песню, сочиненную... разбойником Гусевым в саратовском остроге». Текст этой песни, созданной в традициях народного песенного творчества, Мордовцев поместил в конце одного из очерков [2, с. 220]. Кроме этой песни, он опубликовал в статьях о разбойниках и некоторые другие фольклорные произведения, посвященные «удалым молодцам» Поволжья.

У Мордовцева находим интересный вывод о сущности исторической памяти народа: «Народная память, равнодушная к громким историческим именам, к славе преобразователей и великих администраторов, верно сохраняет другие имена, не занесенные на страницы истории. Народ почти ничего не помнит из прошедшего нашей родины, но хорошо знает все, что имело отношение непосредственно к нему и к его спокойствию: у него своя история и свои громкие имена» [2, с. 219]. Вывод о том, что у народа своя история и свои громкие имена, имеет концептуальный характер. Подобно Костомарову Мордовцев считал главной своей целью изучение истории народа.

При этом он отмечает: «до сих пор для истории нашего народа мы можем представить только не совсем благовидные из его исторической жизни факты». Однако, по мнению Мордовцева, «невольные заблуждения» самого народа «вызваны обстоятельствами, отстранить которые было не в его воле». Он указывает объективные причины явлений, «которые препятствовали успешному ходу государственной жизни». Такими препятствиями, «которые встречала администрация» по всем окраинам государства, были «в самом населении крайних провинций, и особенно в народе бродячем, не привыкшем к месту, и в беглых всякого рода, а на Волге – в так называемых "сходцах" и "понизовой вольнице"» [2, с. 5–6].

В очерке «Атаман Иванов и эсаул Юдин» Мордовцев выступает последователем взгляда Костомарова на сущность событий, происходивших в Саратовском Поволжье в XVIII в. Для Костомарова ис-

тория Саратовского Поволжья от начала XVII и до конца XVIII в. представляется как сплошная череда восстаний казачества. В промежутках между восстаниями действуют разбойники, которые, в сущности, тоже были казаками. Костомаров называет причины активности казаков: «... их поступки истекали из неустройства общества, от неустановившейся еще гражданственности, от неугасшей еще в русском народе вольницы удельных времен, от неокрепlosti властей... от юности нашей нации» [13, с. 7–8]. Здесь нашел отражение важнейший момент в его концепции истории России – идея о борьбе двух начал в русской истории – начала федеративного или удельно-вечевого и единодержавного. В свою очередь Мордовцев пишет: «В продолжение всего прошлого столетия история Поволжья, да и всего юго-востока России представляла страшную картину борьбы старого порядка с новым, необузданной воли с администрацией ...» [2, с. 17].

Однако Мордовцев высказывает и другую точку зрения на сущность разбойничества. В статье «Атаман Брагин и разбойник Зубакин» он характеризует разбойничество таким образом: «Это был особенного года протест слабого против сильного, протест, при котором не разбиралось средств именно вследствие уверенности, что честными путями ни в каком случае выиграть ничего невозможно» [2, с. 226]. В этом высказывании Мордовцев поясняет сущность разбойничества иначе, чем Костомаров – не как борьбу старых традиций социально-политического устройства с новыми порядками, а как борьбу «лиц, подобных Заметаеву» с сильным противником – государством.

Мордовцев старался анализировать состав разбойничьих шаяк с точки зрения социального происхождения их участников. Очерк «Атаман Иванов и эсаул Юдин» был написан по материалам дела из Царицынского архива. Документы дали основание Мордовцеву показать состав шайки атамана Иванова, который был пойман с некоторыми своими сообщниками в станице Качалинской в 1771 г. : «шайка состояла из сброда самой разнохарактерной вольницы: тут были каторжники, военные дезертиры, дворовые и посадские люди, помещичьи и экономические крестьяне, купеческие приказчики, но самый большой процент в этом капитале составляли понизовые

бурлаки...». Мордовцев характеризует бурлаков следующим образом: «...люди, давно забывшие и свою родину, и свои семьи, и едва ли помнившие имена, данные им при крещении, потому что им так часто приходилось менять их, смотря по обстоятельствам и по паспорту, попадавшему им в руки» [2, с. 27]. Понизовые бурлаки, по словам Мордовцева, «известны были по всей России, их знало правительство как самых опасных разбойников, их боялись коменданты крепостей..., их трепетали волжские судопромышленники» [2, с. 19]. Очевидно, в XVIII в. термин бурлак имел более широкое значение, чем он приобрел позднее. В словаре В.И. Даля его содержание определяется как крестьянин, идущий на чужбину на заработки. В украинском литературном языке он равнозначен социальному термину бобыль, в разговорной речи бурлаками называли бродяг. Очевидно, и в русском языке XVIII в. это слово имело подобный смысл. И только в следующем столетии оно обрело то значение, которое нам известно сейчас.

Взгляд Мордовцева на широкое распространение разбойничества в Нижнем Поволжье несколько отличается от позиции Костомарова. Он подчеркивает связи разбойников с окружающей их средой – «массой таких же серых людей, как и они сами». В статье «Атаман Иванов и эсаул Юдин» на основании архивных документов он показывает, каким образом население региона было связано с разбойниками. В результате этой взаимосвязи представители местной администрации не могли с ними успешно бороться. Мордовцев отметил также участие крестьян в разбойничьих шайках: «Даже простой мужичок решался иногда, конечно, не из баловства и не для шутки, не от избытка счастья, а с горя выйти на Волгу и попытаться добыть денег, которые честным трудом так нелегко добывались... Только очень достаточные побуждения выгоняют робкого мужичка на большую дорогу; нелегка была жизнь и поволжского бурлака» [2, с. 139]. Таким образом, причины разбойничества Мордовцев видит не только в изменениях форм государственной и общественной жизни, как их определял Костомаров. Мордовцев указывает причины разбоев на основе своих наблюдений о социально-экономическом положении крестьянства и других категорий населения Поволжья. Серия статей

Мордовцева о разбойниках Нижнего Поволжья показывает, что он опередил своих современников в понимании причин и сущности этого явления.

Список использованных источников и литературы:

1. Пинчук Ю.А. Исторические взгляды Н.И. Костомарова (критический очерк). Киев, 1984. 188 с.
2. (Мордовцев Д.Л.) Самозванцы и понизовая вольница. Исторические монографии Д.Л. Мордовцева. Изд. 2-е. СПб., 1886. Т. 2: Понизовая вольница. 207 с.
3. Минх А.Н. Разбои и клады Низового Поволжья. Саратов, 2021. 336 с.
4. Костылева Р.Д. Общественно-политическая позиция и исторические взгляды Д.Л. Мордовцева в 1850–1870 гг. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1988. 23 с.
5. Момот В.С. Писатель-демократ // Мордовцев Д.Л. Великий раскол: Исторический роман; Накануне воли: Архивные силуэты. Ростов-на -Дону, 1987. с. 604–619.
6. Аникеев Т.Е. «Русский бунт» в историко-художественной литературе XIX века // Преподавание истории в школе. 2009. № 5. С. 37–40.
7. Миронов В.Г. К истории саратовского краеведения // Четыре века: Сб. статей, посвященных 400-летию Саратова. Саратов, 1991. С. 34–52.
8. Варганова Н.А. Н.Г. Чернышевский и Д.Л. Мордовцев. (Из истории взаимоотношений) // Литературное краеведение Поволжья: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 19–31.
9. Варганова Н.А. Д.Л. Мордовцев и Н.И. Костомаров // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы: Сб. научн. трудов. Саратов, 1999. С. 238–246.
10. Варганова Н.А. Д.Л. Мордовцев: Саратовские страницы биографии и творчества. Саратов, 2003. 115 с.
11. Захаров В.М. Саратовская учёная архивная комиссия и её преемники. Ч. 1: Саратовская учёная архивная комиссия в 80–90-е гг. XIX века. Балашов, 2002. 121 с.
12. Степанов Ю.Г. Предисловие // Минх А.Н. Разбои и клады Низового Поволжья. Саратов, 2021. С. 3–19.
13. Костомаров Н.И. Очерк истории Саратовского края от присоединения его к Российской державе до вступления на престол императора Николая I // Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 год. Составлена при саратовском губернском правлении. Саратов, 1858. Отд. 3. С. 1–55.

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В СССР

УДК [005.745:94](44:47+57)|1958|:002.1

М.В. Ковалев

«СЛЕДУЕТ ОСВЕДОМИТЬ ФРАНЦУЗСКУЮ НАУЧНУЮ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ О ТЕХ КРУПНЫХ ДОСТИЖЕНИЯХ, КОТОРЫЕ ИМЕЕТ СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА»: ДОКУМЕНТЫ О ПЕРВОЙ СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ИСТОРИКОВ (1958)¹

Статья посвящена участию советских ученых в первой советско-французской конференции историков осенью 1958 г. Анализируется процесс подготовки научного мероприятия, роль в этом Национальных комитетов историков и отдельных персон (А.А. Губер, В.П. Волгин, И. Ренуар, Р. Фавтье и др.), раскрываются особенности формирования советской делегации. При этом первая советско-французская конференция историков вписывается как в интеллектуальный контекст советской Оттепели, так и в контексте научной дипломатии эпохи Холодной войны.

Ключевые слова: историография, советско-французские научные связи, первая советско-французская конференция историков, Холодная война, Оттепель.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РЦНИ (РФФИ), проект № 21-59-22010 ФДНЧ_а.

«THE FRENCH SCIENTIFIC PUBLIC SHOULD BE INFORMED ABOUT THE MAJOR ACHIEVEMENTS THAT SOVIET HISTORICAL SCIENCE HAS»: THE DOCUMENTS ON THE FIRST SOVIET-FRENCH CONFERENCE OF HISTORIANS (1958)

This article is devoted to the participation of Soviet scientists in the First Soviet-French conference of historians in the fall of 1958. The process of preparing a scientific event is analyzed, the role of the National Committees of Historians and some persons (A.A. Guber, V.P. Volgin, I. Renouard, R. Fawtier and others), the features of the formation of the Soviet delegation are examined. At the same time, the First Soviet-French conference of historians fits into the intellectual context of both the Soviet Thaw and the context of science diplomacy of the Cold War era.

Key words: Historiography, Soviet-French Scientific Relations, First Soviet-French Conference of Historians, Cold War, Thaw.

Оттепель в СССР открыла большие возможности для развития международных контактов советских историков. Конечно, внешние связи по-прежнему были ограничены жесткими идеологическими рамками, по-прежнему находились под неусыпным контролем, но тяжелый Железный занавес все же приподнялся. Сложность и многослойность интеллектуальных обменов в эпоху Оттепели хорошо демонстрирует опыт институционализации советско-французских связей в области исторических наук.

Следует отметить, что переговоры о взаимном научном сотрудничестве активно начались почти сразу после смерти И.В. Сталина, но еще до судьбоносного XX съезда КПСС. Уже к 1954 г. была достигнута договоренность о приездах в СССР французских стажеров, о чем свидетельствует переписка между посольством Франции в Москве и Министерством иностранных дел СССР [1, с. 99] В 1954–1956 гг. Советский Союз посетили первые французские молодые

исследователи, среди которых были Клод Фриу² и Мишель Окутюрье³, ставшие впоследствии авторитетными славистами. Как установлено современными исследователями, начиная с 1956 г. «обмен между СССР и Францией преподавателями и студентами принял регулярный и интенсивный характер» [1, с. 99].

Большое значение для развития двусторонних связей в области гуманитарных наук имело участие советской делегации в Международном конгрессе исторических наук в Риме в сентябре 1955 г. Французские ученые тогда проявили живой интерес к работам советских коллег [2, р. 526–532]. Председателем Международного комитета исторических наук (МКИН) в ту пору был Робер Фавтье⁴, один из крупнейших французских медиевистов [3]. Это обстоятельство давало дополнительные стимулы для укрепления советско-французских научных связей. Не без поддержки со стороны французов на римском конгрессе было принято решение провести заседание Генеральной Ассамблеи МКИН в 1957 г. в Ленинграде.

В СССР 1950-х гг. активно происходила институционализация французских исследований. В конце 1956 г. на базе Института истории АН СССР возникла группа по изучению истории Франции во главе с академиком Вячеславом Петровичем Волгиным. В ее состав вошло свыше 120 исследователей, причем не только из Москвы, но также из Ленинграда, Киева, Еревана, Тбилиси, Казани и других городов [4, с. 204].

² Фриу Клод (Claude Frioux; 1932–2017) – французский литературовед и переводчик, профессор Университета Париж VIII, его ректор в 1971–1976 гг. и в 1981–1987 гг., автор исследований о творчестве А.П. Чехова, В.В. Маяковского и др.

³ Окутюрье Мишель (Michel Aucouturier; 1933–2017) – французский литературовед и переводчик, профессор Женевского университета и Университета Париж IV директор Института славяноведения в Париже в 1997–2002 гг., автор исследований о творчестве Л.Н. Толстого, Б.Л. Пастернака, русских формалистах.

⁴ Фавтье Робер (Robert Fawtier; 1885–1966) – французский историк, медиевист, член Академии надписей и изящной словесности (1946), в 1920–1930-е гг. – профессор Каирского университета и Университета Бордо, в годы Второй мировой войны – участник Сопротивления, профессор Парижского университета (1948–1958), председатель Международного комитета исторических наук (МКИН) с 1950 по 1955 гг.

Осенью 1956 г. Робер Фавтье вместе с другим видным французским историком – Марселем Франсуа⁵ – посетил СССР. Судя по сохранившимся архивным документам, именно во время этого визита было впервые высказано предложение созвать совместную советско-французскую конференцию историков [5, л. 69]. Хотя идея нашла поддержку обеих сторон, ее реализация затянулась в силу политических обстоятельств. Подавление Советским Союзом Венгерского восстания в октябре – ноябре 1956 г. серьезно нарушило планы международного научного сотрудничества [6]. Так, в начале 1957 г. итальянский профессор Федерико Шабо, пришедший на смену Р. Фавтье на посту председателя МКИН, обратился в АН СССР с письмом. В нем он выражал намерение провести заседание Генеральной Ассамблеи МКИН не в СССР, а в нейтральной стране, дабы избежать разногласий внутри международного сообщества историков [7, с. 1075]. Таковой была в итоге избрана Швейцария.

Но несмотря на негативный общественно-политический фон, интерес к советской науке не исчез, а международные научные связи постепенно двигались к нормализации. В начале 1957 г. на страницах знаменитых «Анналов» появилась рецензия на книгу Михаила Николаевича Тихомирова «Древнерусские города», в которой работа советского ученого по важности поднимаемых проблем сравнивалась с исследованиями Анри Пиренна, бельгийского историка и классика городской истории. При этом отмечалось, что научные изыскания Тихомирова создавали почву для сравнения русского материала с западноевропейским [8, р. 130]. Одним из авторов этой рецензии был профессор Фернан Бродель⁶, который выступал активным сторонником развития международных контактов, в том числе с Советским Союзом. В той же рецензии находим его слова: «Следить и следить внимательно за работой российских историков

⁵ Франсуа Мишель (Michel François; 1906–1981) – французский историк, медиевист, с 1953 г. – профессор Школы хартий (ее директор в 1970–1976 гг.), профессор Парижского университета (1954–1977).

⁶ Бродель Фернан (Fernand Braudel; 1902–1985) – французский историк, одна из ключевых фигур французской историографии, один из лидеров Школы «Анналов», директор VI секции Практической школы высших исследований (1956–1972), профессор Коллеж де Франс.

– это задача для нас. Иначе мы рискуем отвернуться от целого “континента” истории. Поэтому мы полны решимости умножить, насколько это возможно, критические обзоры и рецензии об этих обширных и важных областях, куда большинство западных историков проникает плохо, поскольку не преодолевает или болезненно преодолевает языковые трудности. Поэтому требуются усилия для анализа и часто, если возможно, для перевода» [8, р. 127].

На посту руководителя VI секции Практической школы высших исследований Бродель реализовывал смелую и амбициозную программу по налаживанию интеллектуальных контактов между Западом и Востоком на фоне Холодной войны. При этом лидеры VI секции стремились сделать программу сотрудничества с СССР политически нейтральной [9, р. 78]. Именно Бродель в начале того же 1957 г. высказал мысль о важности приглашения М.Н. Тихомирова с лекциями в Париж, и именно его усилиями приезд именитого советского ученого состоялся. В конце марта – первой половине апреля 1957 г. Михаил Николаевич под сводами Сорбонны прочел краткий курс лекций по русской истории XIV–XV вв. и провел несколько семинарских занятий [10, с. 130–157].

Еще одним французским историком, кто активно выступал за развитие связей с советскими коллегами, был Жорж Лефевр⁷. Его научное творчество испытало сильное влияние марксизма, а его исследовательская специализация – Французская революция конца XVIII в. – вписывалась в круг магистральных интересов советской историографии. Лефевра живо интересовало творчество русских и советских ученых, связанное с изучением революции. Благодаря его усилиям на страницах авторитетного журнала «Исторические анналы Французской революции» появились переводы статей ученых из СССР [11, с. 150–151]. Другим видным историком-марксистом, всемерно поддерживавшим укрепление двусторонних контактов, был Альбер Собуль⁸, один из виднейших специалистов

⁷ Лефевр Жорж (Georges Lefebvre; 1874–1959) – французский историк-марксист, специалист по истории Французской революции 1789–1799 гг., профессор Парижского университета.

⁸ Собуль Альбер (Albert Marius Soboul; 1914–1982) – французский историк, марксист, специалист по истории Французской революции 1789–1799 гг. и

по истории Французской революции XVIII в. Он состоял в переписке со многими советскими исследователями, как, например, с В.П. Волгиным, А.З. Манфредом, В.М. Далиным, Б.Ф. Поршневым, Я.М. Захером [11, с. 150–151].

Таким образом, во французской научной среде наметился устойчивый интерес к развитию контактов с советскими коллегами. В них были лично заинтересованы многие ключевые фигуры французской историографии того времени.

1958 год выдался знаковым для истории советско-французских научных связей в области исторической науки. Уместно вспомнить, что именно тогда началось издание «Французского ежегодника». Но особое значение имела активизация взаимных поездок ученых.

В начале 1958 г. Б.Ф. Поршнев был приглашен на церемонию присуждения ему звания почетного доктора Клермон-Ферранского университета. Эта поездка, как установил В.А. Погосян, помогла заметно расширению личных связей между ним и французскими историками [12, р. 155–156]. Поршнев лично убедился, что не только французские марксисты, но и многие немарксисты благожелательно относятся к идее расширения научных связей с СССР. Этому способствовала встреча с профессорами Пьером Ренувеном⁹ и Ивом Ренуаром¹⁰. Вероятно, именно в разговоре с Ренуаром обсуждалась возможность проведения встречи советских и французских историков [12, р. 155–156].

Летом 1958 г. Советский Союз посетил Фернан Бродель, приехавший вместе со своей супругой Полетт по приглашению АН СССР. В Научном архиве Института российской истории РАН сохранилась предварительная программа приема именитого ученого в Москве и Ленинграде, рассчитанная на 21 день [13, л. 37–38]. О выступлениях знаменитого историка с восторгом вспоминала меди-

Первой империи, участник Сопrotивления, профессор Университета Клермон-Феррана и Парижского университета.

⁹ Ренувен Пьер (Pierre Renouvin; 1893–1974) – французский историк, специалист в области истории международных отношений XIX–XX вв., профессор Парижского университета, президент Национального фонда научной политики (1945–1959), член Академии моральных и политических наук.

евист Евгения Владимировна Гутнова: «Доклады Броделя, очень интересные и совершенно необычные для нас, ставили столько новых интересных вопросов, блистали таким остроумием, что не поддаться его обаянию было трудно» [14, с. 314].

Летом 1958 г. в АН СССР поступило обращение из Франции разрешить двухмесячные стажировки историкам Сильвену Бенсидуну¹¹, который вел подготовку диссертации об аграрной истории Российской империи с середины XIX в. до 1917 г., и Роже Порталю¹², занявшегося изучением русской буржуазии в XIX в. Институт истории АН СССР очень быстро дал свое согласие и выразил готовность оказать всю необходимую поддержку французским коллегам [15, л. 41–44]. Порталь оказался едва ли не первым за долгое время французским историком, кому удалось не просто посетить СССР, познакомиться с коллегами и выступить с докладами, но и поработать в советских архивах. Визит профессора Порталья в СССР в 1958 г., несомненно, стал заметным событием и для советской, и для французской науки [16, с. 255–278]. На заседания IV Международного съезда славистов (1–12 сентября 1958 г.) в Москву прибыла представительная французская делегация, во главе которой был знаменитый филолог Андре Мазон¹³.

Следует отметить, что развитие связей советских историков с зарубежными коллегами в полной мере вписывалось в курс советской научной политики времен Оттепели. С одной стороны, тяжелый Железный занавес приподнимался, но, с другой стороны, на науку

¹⁰ Ренуар Ив (Yves Renouard; 1908–1965) – французский историк, медиевист, профессор Парижского университета в 1955–1965 гг.

¹¹ Бенсидун Сильвен (Sylvain Bensidoun; 1918–2010) – французский историк, автор исследований по российской истории конца XIX – начала XX вв., биограф Александра III.

¹² Порталь Роже (Roger Antonin Robert Portal; 1906–1994) – французский историк, специалист по социально-экономической истории России XVII–XX вв., директор Института славяноведения (1959–1973).

¹³ Мазон Андре (André Mazon; 1881–1967) – французский лингвист и литературовед, профессор Страсбургского университета и Коллеж де Франс, директор Института славяноведения в Париже в 1937–1959 гг., член Академии надписей и изящной словесности, автор исследований по славянским языкам, литературе и культуре, иностранный член АН СССР.

возлагались особые функции на международной арене. Она должна была демонстрировать безграничные успехи Советского Союза. Что же касается представителей гуманитарных и общественных наук, то на них зачастую возлагались и вполне конкретные идеологические задачи – противостояние «буржуазной науке» и доказательство превосходства марксистского мировоззрения. Исследователями также отмечено, что «изучение и конструирование общего прошлого, формирование и трансляция исторической памяти о нем ... стали важным направлением складывания “социалистического единства”» [17, с. 156]. Отсюда, например, создание комиссии историков СССР и ГДР 17 сентября 1956 г. [18, с. 78–86]. Правда, эта комиссия в советской практике 1950-х гг. осталась единичным примером. Аналогичные объединения с учеными других социалистических стран (Чехословакия, Польша, Болгария, Румыния) будут созданы уже в 1960-е гг. Что же касается историков западных стран, то во взаимоотношениях с ними был избран формат двусторонних регулярных конференций по актуальным научным вопросам. Видимо, подобный формат в условиях Холодной войны и идеологического противостояния оказывался для всех сторон наиболее оптимальным. Именно в 1950-е гг. было положено начало проведению двусторонних конференций историков: советско-английских, советско-французских, советско-итальянских и др. Как правило, партнерами в процессе их организации выступали национальные комитеты историков. На основе сохранившихся архивных материалов хорошо видно, что Французский национальный комитет выступал инициатором проведения двусторонней конференции совместно с советскими коллегами. В СССР в этом стремлении увидели возможность укрепить свои позиции в МКИН, где в то время именно французские ученые играли главные роли [5, л. 74].

В конце марта 1958 г. в Москву на имя Александра Андреевича Губера было направлено письмо от профессора И. Ренуара. От лица Французского национального комитета в нем предлагалось провести совместную конференцию историков в октябре того же года в Париже [5, л. 73]. О глубокой заинтересованности французской стороны свидетельствовал тот факт, что она готова была взять на себя оплату всех расходов 12 советских делегатов. Предложение встре-

тило горячую поддержку научного сообщества СССР, а равно получило одобрение «Инстанции», как именовался в документах ЦК КПСС [5, л. 69]. В апреле были согласованы примерные темы будущей конференции, которые охватывали широкий круг вопросов от эпохи Средневековья до начала XX в. [5, л. 71–72].

22 мая 1958 г. А.А. Губер направил главному ученому секретарю АН СССР А.В. Топчиеву письмо, в котором обрисовал ход подготовки конференции и представил список участников с советской стороны: В.П. Волгин, С.Д. Сказкин, В.И. Шунков, А.В. Арциховский, А.Д. Люблинская, А.Р. Иоаннисян, М.В. Нечкина, М.М. Штранге, Ф.В. Потемкин, В.И. Бовыкин, А.З. Манфред, Ю.В. Борисов [5, л. 70]. Большинство членов делегации были известными учеными и влиятельными фигурами в советском научном мире, исследовательские карьеры некоторых из них начались еще до революционных событий 1917 г. Лишь Ю.В. Борисов и В.И. Бовыкин принадлежали к поколению 1920-х гг. Почти все члены советской делегации представляли московские институты, лишь А.Д. Люблинская была из Ленинграда, а А.Р. Иоаннисян – из Еревана.

Однако уже 25 июня 1958 г. А.А. Губер обратился к начальнику Иностранного отдела Президиума АН СССР В.А. Виноградову с просьбой внести изменения в первоначальный состав делегации. Из списка участников вовсе исчезло имя Ю.В. Борисова, а имя М.М. Штранге в сохранившемся архивном документе было зачеркнуто красным карандашом [5, л. 67]. Если вычеркивание из списка на выезд Штранге, в недавнем прошлом – русского эмигранта во Франции, а затем репатрианта – можно как-то объяснить, то исчезновение из него Борисова, выпускника Высшей дипломатической школы МИД СССР, истолковать в свете известных источников не представляется возможным. В новом обращении содержалась просьба разрешить выезд во Францию вместе с В.П. Волгиным его супруге – Евгении Васильевне, и подчеркивалось, что ее поездка будет осуществлена за счет средств академика.

Хотя Оттепель ознаменовала собой значительные послабления на выезд советских граждан за границу, но даже таким влиятельным фигурам, каким был академик Волгин, приходилось испрашивать разрешения в многочисленных вышестоящих инстанциях. Со-

ветские власти по-прежнему пристрастно регламентировали выезды за пределы страны, рассматривая их на Комиссии по выездам за границу при ЦК КПСС [19, с. 100–119]. Однако бюрократические проволочки могли ожидать выезжавших в командировки еще на более низких уровнях согласования. Многочисленные архивные документы свидетельствуют, что Иностранный отдел АН СССР далеко не всегда надлежащим образом выполнял свои функции, и это приводило к серьезным запозданиям сроков заграничных командировок, а иногда и к их срыву [20, с. 469–470; 21, л. 3; 22, л. 1; 23, л. 5–6]. Потому 30 августа А.А. Губер снова обратился к В.А. Виноградову: «Опыт подготовки к англо-советской конференции историков показывает, что в результате ряда обстоятельств, независящих от Национального комитета историков Советского Союза и Академии наук СССР, отдельные ученые, включенные в состав делегации на эту конференцию, не сумеют принять в ней участие, и наша делегация окажется неукomплектованной сравнительно с числом лиц, приглашенных французской стороной» [5, л. 65]. В этом же письме список делегации был снова скорректирован. Вместо выбывшего Ю.В. Борисова был добавлен Е.Б. Черняк, а вместо М.М. Штранге – К.С. Кузнецова. Также в список был включен Б.Ф. Поршневу, видимо в силу того, что поездка Ф.В. Потемкина могла не состояться в силу проблем со здоровьем. И действительно, в сохранившемся в Архиве РАН документе фамилия Потемкина зачеркнута синими чернилами. Если все члены делегации – фигуры в науке известные, то имя Клавдии Степановны Кузнецовой нуждается в комментарии. Она хотя и была кандидатом исторических наук, но в то время занимала должность заведующей сектором общественных наук Отдела науки, вузов и школ ЦК КПСС. Было ли ее включение в состав делегации продиктовано сверху, или это была своего рода попытка задобрить вышестоящие инстанции, выяснить не удалось.

Итак, 16 сентября 1958 г. Президиум АН СССР официально обратился с письмом в ЦК КПСС, в котором изложил предложение французской стороны провести двустороннюю встречу историков в Париже. В обращении подчеркивалось, что в программу встречи будет внесено обсуждение важнейших вопросов истории Франции и России, которые «имеют не только научное, но и политическое зна-

чение и служат полем острой идейной борьбы между марксистской и буржуазной историографией» [7, с. 1073]. Там же констатировалось, что именно на изучении подобных проблем «возможно сплочение прогрессивных сил исторической науки и признания ими ряда важных выводов, защищаемых советскими учеными» [7, с. 1073]. Академия наук предлагала включить в состав делегации 12 ученых (В.П. Волгин, С.Д. Сказкин, В.И. Шунков, А.В. Арциховский, М.В. Нечкина, К.С. Кузнецова, Б.Ф. Поршневу, В.И. Бовыкин, А.З. Манфред, Е.Б. Черняк, А.Р. Иоаннисян, А.Д. Люблинская), а также секретаря-переводчика. Возглавить группу предлагалось академику В.П. Волгину как ведущему советскому специалисту по истории французской общественной мысли XVIII–XIX вв. Одновременно Академия наук ходатайствовала о разрешении на выезд вместе с пожилым ученым его супруги, а равно возможности для них остаться во Франции на три недели после завершения конференции. Фамилия секретаря-переводчика в первоначальном списке не фигурировала, но отмечалось, что его командировка будет оформлена через Комиссию по выездам за границу ЦК КПСС.

7 октября 1958 г. была подготовлена записка Отдела науки, вузов и школ ЦК КПСС, в которой одобрялось участие советских ученых в грядущей парижской конференции. На них возлагалась задача представить основные достижения советской марксистской историографии, а вместе с тем ознакомиться с работами французских коллег. В качестве аналогичного позитивного примера приводилась советско-британская конференция историков в Лондоне в сентябре 1958 г. [7, с. 1071]. Вместе с тем в записке говорилось, что в связи с большим объемом работы сектора общественных наук Отдела науки, вузов и школ ЦК КПСС не представляется возможным включить в состав делегации К.С. Кузнецову. Также было высказано мнение о необходимости исключить из состава делегации Е.Б. Черняка на том основании, что сфера его научных интересов связана главным образом с британской историей. Ходатайство В.П. Волгина о поездке во Францию его супруги и их последующее 3-недельное пребывание в Париже было поддержано [7, с. 1072].

9 октября 1958 г. под грифом «Строго секретно» вышло Постановление Комиссии ЦК КПСС по вопросам идеологии № К17/3бгс,

которое разрешало делегации советских историков выезд во Францию сроком на 7 дней и регламентировало ее окончательный состав [7, с. 1070]. В конечном счете, как и опасался А.А. Губер, советская делегация выехала на конференцию в неполном составе. Вместо 12 историков, изначально приглашенных французской стороной (причем за счет этой самой стороны), в Париж отправилось 10 человек (не считая переводчицы и жены академика Волгина). Показательно, что советская сторона оставила без внимания идею Фернана Броделя, который предлагал после завершения конференции остаться во Франции на 8 дней А.Д. Люблинской, А.З. Манфреду и еще двум другим историкам (на усмотрение советской стороны). Причем Бродель готов был организовать оплату их пребывания за счет Высшей школы практических исследований [5, л. 60].

Несмотря на все перипетии подготовки, первая конференция советских и французских историков состоялась в Париже с 20 по 24 октября 1958 г. По словам Софи Кёре, это был один из зримых символов десталинизации международных научных связей [24, р. 23]. Хотя отдельные советские гости не забывали о возложенных на них идеологических задачах, что хорошо видно по отчету В.И. Шункова [5, л. 48–56], приезд во Францию представительной делегации из СССР положил начало регулярным научным встречам ученых-историков.

Вторая конференция состоялась осенью 1961 г. в Москве, вскоре после триумфального завершения Французской выставки в Сокольниках (15 августа – 15 сентября 1961 г.). Газета «Le Monde» описывала ее как событие беспрецедентного характера, которое продемонстрировало, что «идеологическая и международная напряженность не препятствует ни экономическим отношениям, ни культурным контактам между двумя странами» [25]. Там же давался весьма оптимистический прогноз развития советско-французских научных контактов: «Одним из последствий этой конференции стало установление гораздо более тесных, чем в прошлом, связей между французскими историками и весьма примечательной командой советских франковедов. Отныне две исторические школы будут сотрудничать более тесно. И, возможно, строгость Советов в доступе

к своим архивам ослабнет. Разве не им же самым выгодно поощрять изучение своей страны иностранными историками? Французская делегация в любом случае убеждена, что советские исторические исследования необходимо все больше учитывать» [25].

Действительно, встречи советских и французских историков стали регулярными, состав их участников расширялся. Третья конференция прошла в Париже в 1966 г., четвертая – в Ереване в 1969 г., пятая – в Париже и Тулузе в 1971 г., шестая – в Москве в 1973 г., седьмая – в Париже и Дижоне в 1976 г., восьмая – в Москве в 1978 г., девятая – в Париже в 1983 г., десятая – в Москве в 1987 г., одиннадцатая – в 1989 г. в Париже [26–32]. Одним из важнейших последствий конференций стало установление личных контактов между советскими и французскими учеными. Роль и значение этих контактов уже плодотворно изучается в научной литературе [11; 12; 33; 34]. Трудно не согласиться с мнением Софи Кёре, что именно личные связи имели особое значение, поскольку в области гуманитарных наук на институциональном уровне не существовало системы деполитизованных контактов, какая была у представителей естественных и точных наук во время тех же Пагуошских конференций [24, р. 23]. Хотя контакты ученых оказались вписаны в официальные рамки, они так или иначе постепенно выходили за пределы этих рамок. Прав Виталий Юрьевич Афиани, который указал, что, хотя советское руководство стремилось сохранить тотальный контроль над международными связями советских ученых, контакты между советскими и французскими исследователями все равно начали выходить за допустимые границы и стали затрагивать запретные сюжеты [35, с. 89]. Так, профессор Владислав Павлович Смирнов вспоминал, как, будучи молодым советским стажером, направленным в Париж, он должен был передать Броделю письмо от «невыездного» Виктора Моисеевича Далина, который не хотел доверять свои мысли официальной почте [36, с. 97–98]. Впрочем, подобные примеры мы легко находим на уровне личных контактов советских ученых и с представителями других стран [37].

Публикуемые в приложении документы из фонда 579 (Главное управление внешних связей Академии наук СССР) Архива РАН призваны наглядно продемонстрировать процесс подготовки первой

советско-французской конференции историков, а также представить оценку этой встречи с советской стороны. Документы печатаются с сохранением стилистики, орфографии и пунктуации оригиналов. При публикации сохраняются и специально не оговариваются имеющиеся в оригиналах подчеркивания и выделения текста заглавными буквами. В квадратных скобках даны расшифровки сокращенных в оригинале слов.

Приложение:

№ 1

Письмо от 25 марта 1958 г.¹⁴
на имя Председателя Национального комитета
историков Советского Союза А.А. Губера¹⁵
от Председателя французского
Комитета исторических наук И. Ренуара.

Господин Председатель и дорогой коллега,
Имею удовольствие сообщить Вам, что мы сможем провести франко-советскую конференцию историков в Париже в октябре 1958 г., созыв которой был одинаково желателен для наших Комитетов.

К сожалению, субсидии, выделенные нам Министерством, сокращены в связи с финансовыми затруднениями, которые испытывает в настоящий момент Франция.

Как я Вам сообщал ранее, Французский комитет сможет принять только двенадцать советских историков. Комитет сможет выделить в распоряжение каждого из советских делегатов сумму в размере 25.000 франков, что в настоящих условиях позволит пребывание в Париже в течение 5–6 дней.

¹⁴ Оригинал письма на французском языке в деле отсутствует.

¹⁵ Губер Александр Андреевич (1902–1971) – советский историк, автор работ по истории Юго-Восточной Азии, академик АН СССР (1966), председатель Национального комитета историков СССР (1957–1971), вице-президент Международного комитета исторических наук (1965–1970).

Французский комитет сможет провести франко-советскую конференцию после 9–10 октября. Я был бы Вам очень признателен, если Вы мне сообразоволяете сообщить, какая неделя конца октября более всего подходила бы Национальному комитету историков Советского Союза.

Что касается тематики сообщений, то Французский комитет обсудит ее на своем следующем заседании, которое состоится в конце апреля. Я тотчас же поставлю Вас об этом в известность.

Итак, в конце апреля я сообщу Вам наше окончательное предложение относительно франко-советской конференции историков. Но уже в настоящее время мы уверены в том, что сможем провести встречу советских и французских историков, чему мы очень рады.

Прошу Вас, господин Председатель и дорогой коллега, принять выражение моих искренних чувств.

**Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1. 1958–1962 гг. Д. 48. Л. 73.
Машинопись, без подписи.**

№ 2

Письмо от 13 мая 1958 г.¹⁶
на имя Председателя Национального комитета
историков Советского Союза А.А. Губера
от председателя французского
Комитета исторических наук И. Ренуара.

Господин Председатель и дорогой коллега,

Постоянная комиссия Французского комитета на своем последнем заседании с интересом ознакомилась с предложениями Советского Комитета¹⁷ и в связи с этим наметила программу, которую мне поручено сообщить Вам.

Начало занятий в высшей школе дает нам возможность предложить для проведения коллоквиума период между 15 и 25 октября предпочтительно с 20-го по 25 октября. Я очень надеюсь, что Ваши

¹⁶ Оригинал письма на французском языке в деле отсутствует.

¹⁷ Текст предложений обнаружить не удалось.

планы позволят Вам принять это предложение.

Учитывая Ваши предложения, Французский комитет выдвигает следующие темы:

I. Крепостное право с XI по XVI вв.

II. Средневековые города.

III. Последние работы и планы изучения истории Французской Революции XVIII в.

IV. Социальные движения в России до 1861 г.

V. Проблемы истории промышленного переворота, банков и кризисов XIX века.

VI. Французско-русские отношения в конце XIX века.

Сообщения будут представлены в виде докладов о состоянии исследовательской работы и об основных проблемах, выдвигаемых изучением этой тематики.

Я думаю, что было бы очень полезным дать обзор исследований, произведенных в наших странах. По каждой теме следует заслушать одного французского и одного русского историка; они должны представить доклады, которые затем будут подвергнуты обсуждению.

Французский комитет предполагает проводить только пленарные заседания, затрачивая по полдня на обсуждение каждой темы. Выступление каждого участника с докладом не должно превышать 45 мин[ут]. Я считаю необходимым, чтобы тексты упомянутых докладов или, по крайней мере, их резюме – в подлиннике и в переводе – были получены нашими Комитетами не позднее 15 июля.

Я полагаю, что перевод будет обеспечен на заседаниях для докладчиков и выступающих, а также стенографическая запись прений. Комитет предусмотрел, чтобы на заседаниях председательствовали поочередно советские и французские историки. Выбор трех советских председателей принадлежит, конечно, вашему Комитету.

Что касается материальных условий пребывания советской делегации, то я могу лишь повторить уже изложенное в моем последнем письме, Французский комитет предоставит в распоряжение каждого из 12 советских историков сумму в 25.000 фр[анков]. Несомненно, часть советской делегации можно будет разместить в университет-

ском городке. Мы намечаем также устроить прощальный обед и, может быть, одну экскурсию.

Я хотел бы, чтобы вышеупомянутая программа коллоквиума, составленная французским комитетом, получила бы одобрение наших советских коллег. Наш Комитет заранее приветствует подобную встречу, которая обещает принести самые плодотворные результаты.

Пр[очее] и пр[очее]

**Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1. 1958–1962 гг. Д. 48. Л. 71–72.
Машинопись.**

№ 3¹⁸

Намечаемая франко-советская историческая конференция призвана сыграть большую роль в развитии зарубежных связей наших историков. В ее программу включены узловые проблемы истории Франции и России (французская буржуазная революция XVIII века, промышленный переворот, франко-русские отношения в конце XIX в., общественные движения в России до 1861 г. и др.), разработка которых имеет не только научное, но и серьезное политическое значение и служит полем острой идейной борьбы между марксистской и буржуазной историографией. Вместе с тем на основе исследования этих проблем возможно сплочение прогрессивных сил исторической науки и признания ими ряда важных выводов, защищаемых советскими учеными. По всем темам, которые предполагается обсуждать на конференции, советская сторона может выставить в качестве делегатов ученых, являющихся видными специалистами в своей области исследования.

¹⁸ Представленный документ не имеет заголовка и подписи, однако в архивном деле он следует сразу за публикуемым под № 1 документом. Содержание записки отражает процесс подготовки к советско-французской конференции, в частности, содержит обоснование ее значимости. По этой логике текст был составлен не ранее письма, публикуемого под № 2. Можно допустить, что записка была подготовлена А.А. Губером как председателем Национального комитета историков СССР для вышестоящих инстанций (Президиум АН СССР и ЦК КПСС).

Следует также учесть, что по указанным темам советская историография имеет крупные достижения, представляющие собой результат многолетней исследовательской работы большой группы наших историков (многочисленные монографии, статьи, публикации документов и т.д.) причем эти достижения очень мало известны французским ученым.

В этих условиях, ознакомление французской исторической общественности с исследовательской работой, проделанной нашими учеными, будет, бесспорно, способствовать повышению престижа советской науки во Франции. Расширение деловых контактов с Национальным комитетом историков Франции в результате проведения совместной конференции, несомненно, укрепит наши позиции в Международном комитете исторических наук, где ряд руководящих постов заняты французскими историками.

**Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1. 1958–1962 гг. Д. 48. Л. 74.
Машинопись.**

№ 4

22 мая 1958 г.
№ 20/48
срочно

ГЛАВНОМУ УЧЕНОМУ СЕКРЕТАРЮ
ПРЕЗИДИУМА АКАДЕМИИ НАУК СССР
Академику ТОПЧИЕВУ А.В.¹⁹

Многоуважаемый Александр Васильевич!

Во время посещения Советского Союза осенью 1956 г. академик Р. Фавтье и профессор М. Франсуа (Франция) выдвинули предложение о проведении в 1958 г. советско-французской конференции историков, которое, в соответствии с указанием Инстанции²⁰, в

¹⁹ Топчиев Александр Васильевич (1907–1962) – советский химик, академик АН СССР (1949), главный ученый секретарь Президиума АН СССР (1949–1959), вице-президент АН СССР (1958–1962).

²⁰ Вероятно, речь идет о ЦК КПСС.

принципе было принято Национальным комитетом историков Советского Союза. Впоследствии переговоры по этому вопросу между руководством Национальных комитетов историков Советского Союза и Франции были продолжены при встречах, происходивших в июне 1957 г. в Лозанне, во время сессии Генеральной Ассамблеи Международного комитета исторических наук, и путем переписки. В письме Председателя Национального комитета историков Франции И. Ренуара от 13 мая с[его] г[ода] содержится официальное приглашение направить в октябре 1958 г. в Париж делегацию советских историков для участия в упомянутой выше франко-советской, конференции, французская сторона берет на себя возмещение расходов в течение 5–6 дней по пребыванию во Франции 12 советских историков из расчета по 25.000 фр[анцузских] франков на каждого советского делегата.

Тематика конференции в принципе согласована с Французским Национальным комитетом.

Бюро Национального комитета историков Советского Союза намечает следующий состав докладчиков и содокладчиков на конференцию:

Член-корреспондент АН СССР С.Д. Сказкин²¹, доктор исторических наук В.И. Шунков²²: «Крепостное право в XI–XVI вв. во Франции и России».

Доктор исторических наук А.В. Арциховский²³, доктор историче-

²¹ Сказкин Сергей Данилович (1890–1973) – русский и советский историк, академик АН СССР (1958), профессор МГУ, автор исследований по аграрной истории западноевропейского Средневековья, культуре эпохи Возрождения, международных отношений XVIII–XIX вв.

²² Шунков Виктор Иванович (1900–1967) – советский историк, член-корреспондент АН СССР (1962), в 1949–1967 гг. – директор Фундаментальной библиотеки общественных наук, в 1959–1963 гг. – заместитель академика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР, 1966–1967 гг. – глава Археографической комиссии АН СССР, автор исследований по истории Сибири.

²³ Арциховский Артемий Владимирович (1902–1978) – советский археолог, член-корреспондент АН СССР (1960), основатель Новгородской археологической экспедиции, автор исследований по восточнославянской археологии.

ских наук А.Д. Люблинская²⁴: «Французский и русский город в Средние века».

Академик В.П. Волгин²⁵ (глава делегации), академик АН Армянской ССР А.Р. Иоаннисян²⁶: «Последние работы и планы изучения истории Французской революции XVIII в.» (По материалам советских и французских исследований).

Член-корреспондент АН СССР М.В. Нечкина²⁷, кандидат исторических наук М.М. Штранге²⁸: «Социальные движения в России до 1861 г. (XVIII век и первая половина XIX века).

Член-корреспондент АН СССР Ф.В. Потемкин²⁹, кандидат исторических наук В.И. Бовыкин³⁰: «Проблемы истории промышленного

²⁴ Люблинская Александра Дмитриевна (1902–1980) – советский историк, профессор ЛГУ, заведующая кафедрой истории средних веков (1955–1960), научный сотрудник ЛОИИ АН СССР, автор исследований по истории Средневековья, истории Франции XVI–XVII вв., палеографии и источниковедению.

²⁵ Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962) – советский историк, академик АН СССР (1930), ректор МГУ (1921–1925), вице-президент АН СССР (1942–1953), главный редактор «Французского ежегодника» (1958–1962), автор исследований по истории Франции XVIII – XIX вв., истории общественной мысли, прежде всего – утопического социализма.

²⁶ Иоаннисян Абгар Рубенович (1908–1991) – советский историк, академик АН Армянской ССР (1947), директор Института истории АН Армянской ССР (1947–1953), профессор Ереванского государственного университета, автор исследований по истории французской общественной мысли XVIII–XIX вв.

²⁷ Нечкина Милица Васильевна (1899–1985) – советский историк, академик АН СССР (1958), автор исследований по истории русской общественной мысли XIX в., историографии.

²⁸ Штранге Михаил Михайлович (1907–1968) – советский историк, после революции 1917 г. вместе с родителями эмигрировал во Францию, участник Сопротивления в годы Второй мировой войны, в 1947 г. вернулся в СССР, научный сотрудник Института истории АН СССР, автор исследований по истории русско-французских связей XVIII–XIX вв.

²⁹ Потемкин Федор Васильевич (1895–1973) – советский историк, член-корреспондент АН СССР (1953), заместитель академика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР (1953–1957), профессор МГУ и Академии общественных наук при ЦК КПСС, автор исследований по социально-экономической истории Франции XVIII–XIX вв.

³⁰ Бовыкин Валерий Иванович (1927–1998) – советский и российский историк, профессор МГУ, с 1969 по 1998 г. – научный сотрудник Института истории

переворота, банков и кризисов XIX века в России и Франции».

Доктор исторических наук А.З. Манфред³¹, кандидат исторических наук Ю.В. Борисов³²: «Франко-русские отношения в конце XIX века».

Для обслуживания делегации, по нашему мнению, необходимо прикомандировать к ней за счет Академии наук одного переводчика.

В случае Вашего согласия с вышеизложенным, прошу Вас дать указание Иностранному отделу подготовить соответствующее письмо в Инстанцию.

Приложение: Письма профессора И. Ренуара от 25 марта и 13 мая с[его]г[ода] в Национальный комитет историков Советского Союза³³.

С глубоким уважением,

Председатель

Национального комитета

историков Советского Союза

Член-корреспондент АН СССР А.А. Губер

<Подпись>

Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1. 1958–1962 гг. Д. 48. Л. 69–70.

**Машинопись на бланке Национального комитета
историков СССР**

СССР АН СССР / РАН (заместитель директора в 1969–1975 гг.), автор исследований по истории русско-французских отношений, социально-экономической истории России.

³¹ Манфред Альберт Захарович (1906–1976) – советский историк, с 1945 по 1976 г. – научный сотрудник Института истории АН СССР (затем – Института всеобщей истории АН СССР), автор исследований по истории Французской революции 1789–1799 гг., Первой империи, истории социалистической мысли XIX в.

³² Борисов Юрий Васильевич (1921–2013) – советский и российский историк, профессор МГИМО и Дипломатической академии МИД, в 1971–1978 гг. – советник посольства СССР во Франции, автор исследований по истории русско-французских отношений XIX–XX вв.

³³ Указанные письма публикуются в хронологическом порядке документов под № 1 и № 2.

25 июня 1958 г.

№ 20/51

срочно

НАЧАЛЬНИКУ ИНОСТРАННОГО ОТДЕЛА ПРЕЗИДИУМА АН СССР
тов[арищу] ВИНОГРАДОВУ В.А.³⁴

Во изменение письма Национального комитета историков Советского Союза на имя академика А.В. Топчиева от 22 мая 1958 г. № 20/48, Бюро Национального комитета направляет Вам уточненный состав нашей делегации на франко-советскую конференцию историков:

Академик С.Д. Сказкин, доктор исторических наук В.И. Шунков (заместитель главы делегации) – «Крепостное право в XI–XVI вв. во Франции и России».

Доктор исторических наук А.В. Арциховский, доктор исторических наук А.Д. Люблинская – «Французский и русский город в Средние века».

Академик В.П. Волгин (глава делегации), академик АН Армянской ССР А.Р. Иоаннисян – «Последние работы и планы изучения истории французской Революции XVIII в.».

Академик М.В. Нечкина, кандидат исторических наук <М.М. Штранге>³⁵ – «Социальные движения в России до 1861 г.» (XVIII век и первая половина XIX в.)

Член-корреспондент АН СССР Ф.В. Потемкин, кандидат исторических наук В.И. Бовыкин – «Проблемы истории промышленного переворота, банков и кризисов XIX века в России и Франции».

Доктор исторических наук А.З. Манфред – «Франко-русские отно-

³⁴ Виноградов Владимир Алексеевич (1921–2017) – советский и российский экономист, академик АН СССР (1984), в 1958–1960 гг. – начальник Иностранного отдела Президиума АН СССР, в 1960–1971 гг. – заместитель главного ученого секретаря Президиума АН СССР; 1971–1975 гг. – заместитель академика-секретаря Отделения экономики АН СССР, в 1972–1998 гг. – директор Института научной информации по общественным наукам АН СССР (РАН).

³⁵ Зачеркнуто в оригинале красным карандашом.

шения в конце XIX века».

Учитывая преклонный возраст и состояние здоровья академика В.П. Волгина, прошу Вас разрешить его супруге – Волгиной Е.В.³⁶ сопровождать В.П. Волгина в поездке во Францию, принимая во внимание, что расходы, связанные с ее поездкой во Францию, академик Волгин берет на себя.

Бюро Национального комитета историков Советского Союза полагало бы также целесообразным продлить срок пребывания академика Волгина во Франции дополнительно на две недели в связи с необходимостью работы в парижских архивах и библиотеках.

Учитывая просьбу Французского Национального комитета, изложенную в письме проф[ессора] Ренуара от 10.VI с[его] г[ода], Национальный комитет историков Советского Союза полагал бы целесообразным выделить в распоряжение нашей делегации одного переводчика.

Приложение: письмо профессора И. Ренуара от 10 июня с[его] г[ода].

Председатель Национального комитета
Историков Советского Союза

чл[ен]-корр[еспондент] АН СССР А.А. ГУБЕР <Подпись>

**Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1. 1958–1962 гг. Д. 48. Л. 67–68.
Машинопись.**

№ 6

В Национальный комитет
советских историков

В связи с предполагаемой моей поездкой в октябре с[его] г[ода] в Париж для участия в[о] франко-советском историческом коллоквиуме, прошу Комитет ходатайствовать для меня и моей жены разрешение по окончании коллоквиума пребывания в Париже в течение двух–трех недель в порядке научной командировки. Такая команди-

³⁶ Волгина (урожд. Романова) Евгения Васильевна (1890–1992) – жена академика В.П. Волгина, камерная певица (меццо-сопрано).

ровка необходима мне для завершения моей работы по собиранию материалов к подготовляемой мной книги: «Французский утопический коммунизм 30–40 гг. XIX в.»³⁷ Так как некоторых нужных мне материалов не имеется в Москве, я предполагаю возбудить ходатайство о такой командировке независимо от коллоквиума. Самой собою разумеется, что гораздо удобнее, если коллоквиум состоится, связать срок командировки со сроком коллоквиума как его продолжение.

7/VII [19]58 г.

Академик В. Волгин

**Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1. 1958–1962 гг. Д. 48. Л. 63–64.
Рукопись**

№ 7

30 августа 1958 г.

№ 20/54

СРОЧНО

НАЧАЛЬНИКУ ИНОСТРАННОГО ОТДЕЛА ПРЕЗИДИУМА АН СССР
тов[арищу] ВИНОГРАДОВУ В.А.

Опыт подготовки к англо-советской конференции историков показывает, что в результате ряда обстоятельств, независящих от Национального комитета историков Советского Союза и Академии наук СССР, отдельные ученые, включенные в состав делегации на эту конференцию, не сумеют принять в ней участие, и наша делегация окажется неукomплектованной сравнительно с числом лиц, приглашенных французской стороной.

Учитывая этот опыт, а также состояние здоровья ряда видных советских ученых, намеченных в качестве советских делегатов на франко-советскую конференцию историков, Национальный комитет историков Советского Союза полагал бы целесообразным на случай невозможности для отдельных ее участников выехать в Париж, по-

³⁷ Книга будет издана в 1960 г. [38].

полнить состав делегации.

В связи с вышеизложенным, во изменение нашего письма № 20/51 от 25 июня 1958 г., направляем Вам состав нашей делегации на франко-советскую конференцию историков:

Академик С.Д. СКАЗКИН, доктор исторических наук В.И. ШУНКОВ (заместитель главы делегации) – «Крепостное право в XI–XVI вв. во Франции и России».

Доктор исторических наук А.В. АРЦИХОВСКИЙ, доктор исторических наук А.Д. ЛЮБЛИНСКАЯ – «Французский и русский город в Средние века».

Академик В.П. ВОЛГИН (глава делегации), академик АН Армянской ССР А.Р. ИОАННИСЯН – «Последние работы и планы изучения истории французской Революции XVIII в.».

Академик М.В. НЕЧКИНА, кандидат исторических наук К.С. КУЗНЕЦОВА³⁸ – «Социальные движения в России до 1861 г.»

<Член-корреспондент АН СССР Ф.В. ПОТЕМКИН>³⁹, кандидат исторических наук В.И. БОВЫКИН, доктор исторических наук Б.Ф. ПОРШНЕВ⁴⁰ – «Проблемы истории промышленного переворота, банков и кризисов XIX века в России и Франции».

Доктор исторических наук А.З. МАНФРЕД, кандидат исторических наук Е.Б. ЧЕРНЯК: «Франко-русские отношения в конце XIX века».

Учитывая просьбу Французского Национального комитета, изложенную в письме проф[ессора] Ренуара от 10.VI с[его] г[ода], Национальный комитет историков Советского Союза полагал бы целесообразным выделить в распоряжение нашей делегации одного переводчика.

³⁸ Кузнецова Клавдия Степановна (1916–1998) – советский историк, профсоюзный деятель, кандидат исторических наук, в 1949–1954 гг. – секретарь ВЦСПС, в 1950–1954 гг. – депутат Верховного совета СССР, в 1952–1956 гг. – кандидат в члены ЦК КПСС, в 1954–1963 гг. – заведующая сектором Отдела науки, вузов и школ ЦК КПСС, в 1963–1988 гг. – заместитель начальника Главархива СССР.

³⁹ Зачеркнуто в оригинале.

⁴⁰ Поршнев Борис Федорович (1905–1972) – советский историк, сотрудник Института истории АН СССР (затем – Института всеобщей истории АН СССР), профессор МГУ, автор исследований по истории Франции XVII в., истории международных отношений XVII–XVIII вв., общественной мысли.

<Переводчик Розанцева Н.А.⁴¹>⁴²

Председатель Национального комитета
Историков Советского Союза
чл[ен]-корр[еспондент] АН СССР

А.А. ГУБЕР

**Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1. 1958–1962 гг. Д. 48. Л. 65–66.
Машинопись с рукописными вставками.**

№ 8

Письмо руководителя отдела
Высшей Школы практических исследований
Л. Велей⁴³ от 7 октября 1958 г.
на имя академика Е.М. Жукова

перевод с французского⁴⁴

Господин профессор,

Господин профессор Фернан Бродель, который только что на несколько дней уехал из Парижа, был весьма рад узнать о предстоящем прибытии 12 русских историков в Париж. Он уполномочил меня пригласить от его имени четырех ваших коллег остаться дополнительно на 8 дней в Париже в качестве гостей XI секции⁴⁵ Высшей Школы практических исследований. Профессор Бродель предлагает остаться в Париже г[оспо]же Люблинской и г[осподи]ну Манфреду и предоставляет на Ваше усмотрение выбор двух других историков,

⁴¹ Розанцева Нина Александровна – советский историк, кандидат исторических наук (диссертация «Франция и Организация Объединенных Наций (1945–1949 гг.)» (1978), научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР.

⁴² Вписано от руки в оригинале.

⁴³ Велей Луи (Louis Velay) – французский историк, соратник Ф. Броделя и одна из ключевых фигур VI секции Высшей школы практических исследований, работу которой он администрировал в 1958–1972 гг.

⁴⁴ Оригинал письма в деле не сохранился.

⁴⁵ Вероятно, в тексте перевода была допущена опечатка. XI секции Школы не существовало, а Ф. Бродель возглавлял VI-ю секцию.

которые могли бы также быть нашими гостями.

В течение этих 8 дней, указанные четыре историка находились бы на нашем содержании и прочли бы лекции по своей специальности в Высшей Школе практических исследований.

Я надеюсь, что это предложение будет приемлемым и прошу принять и пр.

Л. Велей

Начальник учебного отдела

<14.X.[19]58 г.>⁴⁶

перевел Е. Черняк⁴⁷

**Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1. 1958–1962 гг. Д. 48. Л. 60.
Машинопись.**

№ 9

«УТВЕРЖДАЮ»
Вице-президент
Академии наук СССР
академик
А.В. ТОПЧИЕВ
«__» октября 1958 года.

Директивное указание

Делегации советских историков в составе академиков В.П. Волгина (глава делегации), М.В. Нечкиной, С.Д. Сказкина, докторов исторических наук А.В. Арциховского, А.Р. Иоаннисяна, А.Д. Люблинской, А.З. Манфреда, Б.Ф. Поршнева, В.И. Шункова (зам[естителя] главы делегации), кандидата исторических наук В.И. Бовыкина, выезжающей во Францию для участия во франко-

⁴⁶ Вписано от руки. Вероятно, указанная дата обозначает время получения и перевода письма на русский язык.

⁴⁷ Черняк Ефим Борисович (1923–2013) – советский историк, многолетний сотрудник (с 1955 по 1995 гг.) Института истории АН СССР (затем – Института всеобщей истории АН СССР/РАН), специалист по Новой истории Западной Европы.

советской конференции историков в октябре 1958 г.

Национальный комитет историков Советского Союза поручает указанной делегации, выезжающей сроком на 7 дней:

1. Выступление с докладами на франко-советской конференции историков по следующим узловым вопросам истории Франции и России: Французская буржуазная революция XVIII века, промышленный переворот во Франции и России, русское общественное движение до 1861 г., основные проблемы истории русского и французского феодализма, русско-французские отношения в конце XIX века. Во всех докладах учитывать, что исследование указанных проблем имеет не только научное, но и серьезное политическое значение, что разработка этих вопросов служит полем острой идейной борьбы между марксистской и буржуазной историографией. Вместе с тем необходимо учитывать, что на основе исследования этих проблем возможно сплочение прогрессивных сил исторической науки и признание ими ряда важных выводов, защищаемых советскими учеными.

В докладах по истории феодализма и истории промышленного переворота наряду с изложением марксистских взглядов надлежит решительно выступить против новейших реакционных «теорий», развиваемых буржуазными исследователями по указанным темам. В докладах о русско-французских отношениях необходимо подчеркнуть их значение для народов Франции и России.

В докладах следует осведомить французскую научную общественность о тех крупных достижениях, которые имеет советская историческая наука по всем темам, включенным в повестку дня конференции.

2. Во время выступлений в прениях следует подвергнуть критике направленные против марксизма и противоречащие исторической истине положения французских докладчиков (юридическая трактовка феодализма, игнорирование опасности германского милитаризма для развития Франции, отрицание революционного характера промышленного переворота и т.д.). В то же время желательно дополнять французские доклады материалами, обнаруженными советскими исследователями и еще неизвестными во Франции.

3. Установление контактов с руководителем Французского нацио-

нального комитета историков И. Ренуаром, руководителем VI секции Высшей школы практических исследований Ф. Броделем и профессорами Сорбонны (Ренувеном и др.) для последующего развития научных связей между упомянутыми выше французскими научными учреждениями и советскими историками.

И.о. Академика-секретаря

Отделения исторических наук АН СССР

член-корреспондент АН СССР

(П.Н. ТРЕТЬЯКОВ⁴⁸)

<Подпись>

<Подписи членов советской делегации>

**Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1. 1958–1962 гг. Д. 48. Л. 58–59.
Машинопись с подписью П.Н. Третьякова
и подписями членов советской делегации**

№ 10

ОТЧЕТ

**О ПОЕЗДКЕ ДЕЛЕГАЦИИ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ НА ФРАНКО-
СОВЕТСКУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ ИСТОРИКОВ, СОСТОЯВШУЮСЯ
В ПАРИЖЕ С 21 по 27 октября 1958 г.**

Франко-советская конференция была организована советским и французским Национальными комитетами историков. В результате подготовительной работы были своевременно определены время, место, тематика, выделены докладчики и подготовлены доклады.

20 октября 1958 г. советская делегация вылетела в Париж.

В состав делегации входили: академики В.П. ВОЛГИН (глава делегации), М.В. НЕЧКИНА, С.Д. СКАЗКИН, академик Академии наук Армянской ССР А.Р. ИОАННИСЯН, доктора исторических наук А.В. АРЦИХОВСКИЙ, А.Д. ЛЮБЛИНСКАЯ, А.З. МАНФРЕД,

⁴⁸ Третьяков Петр Николаевич (1909–1976) – советский археолог, член-корреспондент АН СССР (1958), специалист в области древнеславянской археологии, директор Института славяноведения АН СССР (1951 – 1959), заместитель академика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР (1954–1959).

Б.Ф. ПОРШНЕВ, В.И. ШУНКОВ, кандидат исторических наук В.И. БОВЫКИН, Н.А. РОЗАНЦЕВА (секретарь делегации, переводчик), Е.В. ВОЛГИНА (сопровождавшая академика В.П. Волгина). Делегация прибыла в Париж в тот же день и была встречена на аэродроме представителями Французского комитета исторических наук и Советского посольства в Париже.

Конференция проходила в Сорбонне с 21 по 24 октября включительно. 21 октября в аудитории Тюрго выступили с речами председатель французского комитета исторических наук г[осподи]н И. Ренуар, подчеркнувший значение и давность связей Франции и России, и глава советской делегации академик В.П. Волгин, отметивший важность конференции в деле развития контактов между французской и советской исторической наукой.

В первый день на утреннем заседании были заслушаны и обсуждены доклада В.И. Шункова «Аграрные отношения в феодальной России» и французского историка Пето (профессор факультета права Парижского Университета) «Серваж от XI до XVI века». Доклад профессора Пето носил строго юридический характер, полностью игнорировал вопрос о социально-экономических основах юридических явлений и, таким образом, снимал вопрос о классовых противоречиях во французском обществе того времени. В прениях по докладам В.И. Шункова и Пето приняли участие с советской стороны академик С.Д. Сказкин и А.В. Арциховский. Академик С.Д. Сказкин указал в связи с докладом Пето на необходимость изучения не только юридической природы серважа, но и социально-экономической. С.Д. Сказкин подчеркнул, что ослабление юридической зависимости могло сочетаться с усилением экономической эксплуатации (рост феодальной ренты). А.В. Арциховский выступил против утверждения г[осподи]на Пето, что современный историк может считать сервами лишь тех, кто так назывался в источниках того времени. С французской стороны в прениях выступил Тапье⁴⁹,

⁴⁹ Тапье Виктор-Люсьен (Victor-Lucien Tapié; 1900–1974) – французский историк, специалист по французской истории XVI–XVII вв., профессор Университета Лилля, а затем Парижского университета.

Грюнвальд⁵⁰.

На вечернем заседании 21-го были заслушаны доклады о средневековом городе А.В. Арциховского, с французской стороны по этой теме выступил профессор университета в Нанси Шнейдер⁵¹. А.В. Арциховскому были заданы вопросы о феодальной истории, ремесленных корпорациях, об отношениях между боярами и купцами, торговых путях, новгородских укреплений, женской грамотности, сохранности новгородской архитектуры. На все вопросы были даны ответы. В прениях с советской стороны выступили А.Д. Люблинская. В выступлениях французских историков отмечалось значение советских археологических работ на территории Новгорода.

Утреннее заседание 22-го октября было посвящено обсуждению проблемы «Новые работы и перспективы изучения французской буржуазной революции». С докладами по данной проблеме выступили с советской стороны академик В.П. Волгин, с французской стороны профессор Парижского университета Рейнар⁵². Член советской делегации А.Р. Иоаннисян сделал сообщение на тему «Восточная политика Франции во время Французской буржуазной революции». В дискуссии, развернувшейся по этим докладам, о советской стороны выступил А.З. Манфред, отметивший ненаучность попытки поставить проблему «атлантической революции», которая имела в докладе Рейнара. А.З. Манфред говорил так же об антифеодальном характере Французской буржуазной революции, который отрицал ряд французских историков. С французской сторо-

⁵⁰ Можно предположить, что речь идет о Константине Константиновиче Грюнвальде (1881–1976), историке и дипломате, русском эмигранте, с 1921 г. жившем в Париже, члене-корреспонденте Академии моральных и политических наук (1971), авторе исследований по истории России.

⁵¹ Шнейдер Жан (Jean Schneider; 1903–2004) – французский историк, медиевист, профессор Университета Нанси, в 1957–1974 гг. – директор по науке в Практической школе высших исследований, член Академии надписей и изящной словесности, участник Соппротивления.

⁵² Рейнар Марсель (Marcel Reinhard; 1899–1973) – французский историк, профессор Парижского университета, где заведовал кафедрой истории Французской революции (1955–1967), основатель Общества исторической демографии (1963).

ны в дискуссии приняли участие профессора Лабрусс⁵³, Тапье, Лефевр и др. Споры по этому вопросу вызвали большие разногласия во мнениях самих французских историков: Тапье и Лабрусс проявили готовность идти на сближение с точкой зрения советских историков. Лефевр, настаивал на необходимости различать понятия феодализм и сеньориальный порядок.

На вечернем заседании 22 октября обсуждался вопрос об общественных движениях в России до 1861 г. Было заслушано два доклада: академик М.В. Нечкина в своем докладе рассмотрела общественные движения в России с конца XVIII в. по 1861 г. В докладе профессора Парижского университета Порталья, зачитанном профессором Тапье, так как Порталь в это время находился в СССР⁵⁴, рассматривались общественные движения в России в XVII и XVIII вв. М.В. Нечкина ответила на ряд вопросов, заданных французскими историками (о решении крестьянского вопроса в «Русской правде Пестеля», о масонстве декабристов, о связи русского революционного движения с немецким и итальянским и др.). В прениях приняли участие Б.Ф. Поршнев, отметивший по докладу Порталья некоторые новые советские исследования по данному вопросу, Бродель, Тапье, Мазон, Пето, Ренувен, Шнейдер. Вопросы и обмен мнений показали живой интерес французских историков к истории общественных движений в России.

Утреннее заседание 24 октября было посвящено обсуждению проблемы промышленного переворота, банков и кризисов в XIX в. Докладчиком с советской стороны был В.И. Бовыкин, с французской профессор Высшей школы практических исследований Жиль⁵⁵. В.И. Бовыкин ответил на заданные ему вопросы (роль хлебной тор-

⁵³ Лабрусс Камиль-Эрнест (Camille-Ernest Labrousse; 1895–1988) – французский историк, автор исследований по экономической истории XVIII–XIX вв., представитель школы «Анналов», профессор Парижского университета в 1945–1965 гг.

⁵⁴ Профессор Р. Порталь находился в научной командировке в СССР с 4 сентября по 4 декабря 1958 г.

⁵⁵ Жиль Бертран (Bertrand Gille; 1920–1980) – французский историк, специалист в области архивоведения, истории наук и техники, профессор Университета Клермон-Феррана, директор по науке в IV секции Практической школы высших исследований.

говли в истории промышленного переворота, понимание советскими историками термина «промышленная революция», источники капиталов, вкладываемые в русскую промышленность). В прениях выступил Б.Ф. Поршневу, дополнивший историографический доклад Жилия краткой справкой о работах советских историков (Ф.В. Потемкина и Э.А. Желубовской⁵⁶), изучающих эту проблему в тесной связи с историей рабочего движения. Председательствующий Лабрусс в заключительном слове присоединился к трактовке термина «промышленный переворот», даваемой советскими историками и высказался за укрепление контактов между советскими и французскими историками.

На последнем заседании (вечернее заседание 24 октября) обсуждался вопрос о франко-русских отношениях в конце XIX в. С докладом с советской стороны по этому вопросу выступил А.З. Манфред, с французской стороны профессор Парижского университета Ренувен. В отличие от А.З. Манфреда, подчеркнувшего в своем докладе, что основой франко-русского сближения в конце XIX в. были общность интересов в связи с созданием Германией агрессивного Тройственного союза, Ренувен пытался выдвинуть на первый план «Восточный вопрос», в котором Франция якобы жертвовала своими интересами в пользу России. С советской стороны по докладу профессора Ренувена выступили А.З. Манфред, еще раз отметивший в своих вопросах значение франко-германских противоречий и В.И. Бовыкин, солидаризировавшийся в этом вопросе с А.З. Манфредом, и указавший наличие советских публикаций архивных документов по франко-русским отношениям и на работы советских историков по вопросу об иностранных капиталовложениях в русскую промышленность и об изучении социального аспекта русско-французских отношений. Председательствующий на заключительном заседании академик В.П. Волгин в своем выступлении перед закрытием последнего рабочего заседания выступил с краткой речью о значении контактов для развития науки и положительно

⁵⁶ Желубовская Эсфирь Адольфовна (1898–1970) – советский историк, ученица Н.М. Лукина и В.П. Волгина, научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР, специалист по истории Парижской Коммуны, истории Второй империи.

оценил проведенную работу.

В тот же день Национальным комитетом историков Франции был дан заключительный банкет, на котором выступили с речами председатель Французского комитета исторических наук профессор Ренуар, глава советской делегации академик В.П. Волгин, оценившие положительно проведенную работу и выразившие надежду на дальнейшее расширение контактов. На банкете выступила также академик М.В. Нечкина.

Все советские доклады были сделаны на французском языке, большинство членов советской делегации и в прениях выступали на французском языке. Это обстоятельство не раз положительно оценивалось французскими участниками совместной работы. Все докладчики вполне справились со своей задачей, доклады были выслушаны с интересом, вызвали вопросы и обмен мнений. Представители Национального комитета Франции запросили текста докладов с заявлением о желании их опубликовать. Ряд участников советской делегации получили предложения об опубликовании ими статей по их специальности во французской печати. Французские историки – участники франко-советской исторической конференции – держались весьма предупредительно и старательно поддерживали атмосферу доброжелательности. За все время не было выступления, которое задевало бы нашу страну или нашу советскую науку и требовало бы отпора. Имевшиеся у нас разногласия, иногда очень серьезные, оставались в плоскости чисто научных расхождений. Французские историки организовали ряд приемов официальных (l'Institut d'Études Slaves⁵⁷, faculté des Lettres et Sciences humaines de l'Université de Paris⁵⁸, Comité français des Sciences historiques⁵⁹) и частных на дому (Бродель для всей советской делегации и ряда французских историков, Жиль для части членов советской делегации, Озанам⁶⁰ для части членов советской делегации).

⁵⁷ Институт славяноведения.

⁵⁸ Факультет гуманитарных и социальных наук Парижского университета.

⁵⁹ Французский комитет исторических наук.

⁶⁰ Озанам Дидье (Didier Ozanam; род. 1922) – французский историк, профессор Высшей школы социальных наук в Париже, специалист по истории

Программа нашего пребывания в Париже предусматривала посещение музеев Мальмезона и Версаля, которое состоялось 23 октября в сопровождении французских историков. Кроме того, мы были приглашены осмотреть и ознакомиться с работой Славянского института, руководимого профессором Мазоном, и Высшей школы практических исследований.

Следует отметить, что франко-советская конференция историков не привлекла большой аудитории. На заседаниях присутствовало 50–70 человек, хотя ограничений для входа не было. Одной из причин этого нужно считать слабую предварительную информацию о конференции. С нашей стороны было трудно наладить эту информацию, так как советская делегация прибыла в Париж поздно вечерам 20-го октября, а на следующий день заседания начались с 9 часов утра. Очевидно, французский комитет не счел нужным привлечь более обширную аудиторию. Предварительных сообщений о конференции и сообщений о ней в дни ее работы, насколько нам известно, в парижской печати не появлялось.

Уже после окончания работы конференции глава делегации академик В.П. Волгин и члены делегации А.З. Манфред и Б.Ф. Поршневы имели встречу на дому у проф[ессора] Собуля, члена К[оммунистической] П[артии] Ф[ранции], с несколькими французскими историками коммунистами (Ангран⁶¹, Брюк⁶², Виллар⁶³, Допре⁶⁴,

Испании XVIII в., член-корреспондент Королевской исторической академии в Мадриде (1983).

⁶¹ Ангран Пьер (Pierre Angrand; 1906–1990) – французский историк, коммунист, участник Сопротивления, специалист по истории Франции XIX в.

⁶² Ошибка В.И. Шункова. Речь идет о французском историке Жане Брюа (Jean Bruhat; 1905–1983), специалисте по истории рабочего движения, истории социалистической и коммунистической мысли, активном деятеле Коммунистической партии Франции и ревностным последователем промосковской линии.

⁶³ Виллар Пьер (Pierre Vilar; 1906–2003) – французский историк, профессор Парижского университета, специалист по истории Испании.

⁶⁴ Вероятно, В.И. Шунков допускает ошибку в фамилии, и речь идет о Жане Дотри (Jean Dautry; 1910–1968), французском историке, коммунисте, участнике Сопротивления, специалисте по истории рабочего движения.

Ришер⁶⁵), В беседе были обсуждены вопросы о более широком сотрудничестве между французскими прогрессивными и советскими историками, используя имеющиеся органы печати. Французские историки информировали об условиях работы левых историков во Франции и стоящих перед ними трудностях. Ряд членов делегации имели частные деловые разговоры с французскими историками (Б.Ф. Поршневу, А.Д. Люблинской).

Следует отметить, что работа советской делегации проходила в крайне трудных условиях. Поздний приезд делегации (поздним вечером накануне начала франко-советской конференции историков, открывшейся на следующий день в 9 часов утра), размещение делегации в разных местах (Отель Трианон возле Сорбонны и университетский городок на окраине Парижа), чрезвычайная уплотненность рабочего дня лишали делегацию возможности собраться полностью для обмена мнениями о ходе работы. В этих условиях особенно ценным было наличие в составе делегации секретаря-переводчика Н.А. Розанцевой. С ее превосходным знанием языка и большой трудоспособностью она значительно облегчила работу членов делегации, взяв на себя все технические обязанности (переводы, финансовые дела, заказы билетов и т.д.)

Следует так же отметить, что посольство СССР во Франции проявило заботу о делегации при ее приезде и отъезде из Парижа.

В заключении следует констатировать, что участие советских историков во франко-советской исторической конференции было полезным. Непосредственный обмен мнениями будет способствовать дальнейшему продвижению в изучении обсуждавшихся проблем. Члены советской делегации информировали французских ученых о достижениях советской исторической науки и в свою очередь ознакомились с направлениями, имеющимися среди французских историков. Выявлен большой интерес французских ученых к советской исторической науке и наличие среди них групп, охотно идущих на

⁶⁵ Скорее всего, имеется в виду Рише Дени (Denis Richet; 1927–1989) – французский историк, специалист по истории Французской революции 1789–1799 гг., преподавал в Парижском университете, сотрудник VI секции Практической школы высших исследований с 1968 г. (после ее преобразования в 1975 г. – Высшей школы социальных наук).

сближение точек зрения по ряду проблем. В то же время советские историки противопоставили ряду ненаучных представлений французских буржуазных историков свои марксистские положения. Пребывание наших ученых в Париже было использовано для установления многочисленных личных контактов и для продвижения во французскую печать работ советских историков путем организации следующей франко-советской конференции в Москве в 1959 г. По мнению членов делегации, французские ученые приняли бы такое предложение с большим удовлетворением. Следует так же возможно шире попользовать предложения, сделанные с французской стороны советским историкам, выступить с научными статьями в[о] французских журналах.

Зам[еститель] руководителя делегации
Национального комитета историков Советского Союза
на франко-советской конференции историков
доктор исторических наук
(В.И. ШУНКОВ)

<Подпись>

**Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1. 1958–1962 гг. Д. 48. Л. 48–56.
Машинопись.**

№ 11

В Иностранный отдел
Академии наук СССР

Согласно распоряжению Президиума Академии наук от 22 октября с[его] г[ода] мне была разрешена командировка в Париж с научной целью сроком на две недели.

В течение этого срока я успел установить контакт с Bibliothèque Nationale⁶⁶, выяснить наличие в ней ряда интересующих меня в связи с моей научной работой книг и журналов («L'Intelligence», «La Propagande», «La Fraternité» и др.) и возможность их высылки в Москву в порядке библиотечного книгообмена; обеспечить дальнейшие изыскания в интересующей меня области и последующую пересылку со-

⁶⁶ Имеется в виду Национальная библиотека Франции.

ответственной информации в Москву. При содействии французских историков по отношению к ряду необходимых мне документов мне удалось получить нужные мне выписки и конспекты. Мною привезено с собой:

1. Конспекты журнала «La Fraternité» 1841–1843 гг.
2. Выписки из отдельных произведений Лаотьера⁶⁷ и Дезами⁶⁸.
3. Весьма ценные мемуарные записи, относящиеся к утопическому коммунизму [18]40-х гг. и т.п.

Мне обещаны дополнительные разыскания и присылка мне дополнительных материалов в ближайшем будущем.

Принимая во внимание краткость срока командировки, я считаю ее результаты удовлетворительными и для моей дальнейшей работы весьма ценными.

12/XI – 1958 г.

Акад[емик] В. Волгин

**Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1. 1958–1962 гг. Д. 48. Л. 57–57 об.
Рукопись.**

Список использованных источников и литературы

1. *Муллек Г.-Ж.* «Все получилось благодаря моей настойчивости»: Воспоминания французского профессора-агреха Р. Кокэн о стажировке в Москве в 1958–1959 гг. // Отечественные архивы. 2023. № 2. С. 99–115.
2. *Mandrou R.* Les Historiens soviétiques au Congrès de Rome // *Annales. Economies, sociétés, civilisations.* 1958. Vol. 13. № 3. P. 526–532.
3. *Фавтье Р.* Предисловие Р. Фавтье, председателя Международного комитета исторических наук к докладам Советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме. М., 1955. 10 с.

⁶⁷ Лаотьер Ришар (Richard Lahautière; 1813 – 1882) – французский социалист, поэт, юрист, представитель необабувистского течения во французском социализме, которое стало своего рода связующим звеном между утопическим социализмом Г. Бабёфа и марксизмом, основатель журнала «La Fraternité», с начала 1850-х гг. отошел от активной публичной деятельности.

⁶⁸ Дезами Теодор (Théodore Dézamy; 1808 – 1850) – французский социалист необабувистского направления, один из сподвижников Луи Огюста Бланки, в 1848 г. основан «Центральное республиканское общество» – одно из самых радикальных для того времени объединений республиканско-социалистического толка.

4. Группа по изучению истории Франции // Вопросы истории. 1957. № 5. С. 204–205.
5. Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1. 1958–1962 гг. Д. 48.
6. *Груздинская В.С., Стыкалин А.С.* Будапештская осень профессора А.Л. Сидорова: советский историк в водовороте венгерской революции 1956 года. Документальная монография. Саратов, 2023. 134 с.
7. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1991. Т. 2: 1952–1958 / Отв. сост. *В.Ю. Афиани, В.Д. Есаков.* М., 2010. 1279 с.
8. *Alexandre D., Poliakov L., Braudel F.* Villes et marchands de la «Russie féodale» d'après quelques articles et livres russes // *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations.* 1957. № 1. P. 127–131.
9. *Рора I.* Diplomatie culturelles occidentales en conjoncture de détente. Le lancement d'un programme d'échanges académiques Est-Ouest à la 6e Section de l'EPHE // *Relations internationales.* 2017. № 1. P. 69–86.
10. *Ковалев М.В.* «Аудитория в Сорбонне была забита до отказа»: парижские лекции академика М.Н. Тихомирова 1957 года // *Россия XXI.* 2022. № 4. С. 130–157.
11. *Погосян В.А.* Корреспонденция Альбера Собоуля с Владимиром Сергеевичем Люблинским // *Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории.* 2015. Вып. 17. Ч. 2: История и историк в ситуации интердисциплинарности. С. 149–163.
12. *Poghosyan V.* La correspondance de Boris Porchnev et d'Albert Soboul. Un témoignage de l'amitié entre historiens soviétiques et français // *Annales historiques de la Révolution française.* 2014. № 376. P. 163–177.
13. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1388.
14. *Гутнова Е.В.* Пережитое. М., 2001. 462 с.
15. Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1. 1953–1959 гг. Д. 156.
16. *Ковалев М.В.* «Нигде за рубежом он не чувствует себя так хорошо, как в СССР»: визит французского историка Р. Порталья в СССР в 1958 г. // *Архивный поиск: сборник научных статей и публикаций / Гл. ред. С. А. Лиманова.* Вып. 6. М.: Архив РАН, 2023. С. 255–278.
17. *Груздинская В.С., Сак К.В.* Комиссия историков СССР и ЧССР: специфика создания и деятельности в 1960-е годы // *Новая и Новейшая история.* 2023. № 3. С. 154–168.
18. *Расчесова М.В.* Зарождение сотрудничества немецких и советских историков. Создание комиссии историков СССР и ГДР (1949–1961 гг.) // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2014. № 5. С. 78–86.
19. *Чистиков А.Н.* «Разрешен выезд...»: Деятельность Комиссии по выездам за границу в 1949–1962 гг. // *Петербургский исторический журнал.* 2017. № 4 (16). С. 100–119.
20. *Ковалев М.В.* В.М. Жирмунский в Венгрии, 1962 г.: из истории научных

связей // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 452–276.

21. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 917. Оп. 2. Д. 68.

22. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 917. Оп. 2. Д. 106.

23. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 996. Оп. 4. Д. 71.

24. *Cœuré S.* Économie-monde et civilisation russe selon Fernand Braudel. Un dialogue entre historiens français et soviétiques // *Revue de Synthèse*. 2019. Vol. 139. № 1–2. P. 9–36.

25. Une conférence d'historiens français et soviétiques à Moscou // *Le Monde*. 1961. 3 Novembre.

26. Франко-советская конференция историков (Париж. Октябрь 1958 г.) // *Новая и новейшая история*. 1959. № 1. С. 217–218.

27. *Laran M.* Le 2e Colloque franco-soviétique d'histoire (Moscou, 1961) // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1961. Vol. 2. № 4. P. 476–482.

28. *Le Goff J.* Le colloque d'historiens soviétiques et français à Moscou (octobre 1961) // *Annales. Economies, sociétés, civilisations*. 1963. Vol. 18. № 2. P. 329–331.

29. *Бартикян Р.М., Арутюнова В.А.* Четвертая советско-французская конференция историков // *Византийский временник*. 1971. Т. 32. С. 272–275.

30. *Нарочницкий А.Л.* Четвертая советско-французская конференция историков // *Новая и новейшая история*. 1970. № 3. С. 164–166.

31. *Манфред А.З.* Третья франко-советская конференция историков // *Французский ежегодник*. 1966. М., 1967. С. 285–286.

32. *Намазова А.С.* VIII конференция советских и французских историков // *Новая и новейшая история*. 1979. № 1. С. 145–148.

33. *Погосян В.А.* Письма советских историков А.З. Манфреду // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2016. Т. 7. Вып. 1 (45). URL: <https://history.jes.su/s207987840001359-3/>

34. *Погосян В.А.* Письма советских историков к А.З. Манфреду // *Французский ежегодник*. 2015: К 225-летию Французской революции. М., 2015. С. 392–430.

35. *Афиани В.Ю.* Франция в культурной и интеллектуальной жизни СССР в 1950-е–1960-е гг. // *Французы в научной и интеллектуальной жизни СССР в XX веке* / Под ред. А.О. Чубарьяна, Ф.-Д. Лиштенан, С. Кёре, О.В. Окуневой. М., 2013. С. 83–100.

36. *Смирнов В.П.* Фернан Бродель: жизнь и труды // *Французский ежегодник* 2002. М., 2002. С. 79–100.

37. *Ковалев М.В.* Советско-чехословацкие научные коммуникации 1948–1991 гг. сквозь призму неформальных связей ученых // *Проблемы деятельности ученого и научных коллективов*. 2022. Вып. 8 (38). С. 57–69.

38. *Волгин В.П.* Французский утопический коммунизм. М., 1960. 376 с.

В.С. Груздинская

**«С ПОЛЬЗОЙ ДЛЯ СЕБЯ И ДЛЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА»:
ОТЧЕТ О ЗАГРАНИЧНОЙ КОМАНДИРОВКЕ В.И. ПИЧЕТЫ
(1927 ГОД)¹**

Публикуется отчет о заграничной командировке в Чехословакию профессора-слависта, ректора Белорусского государственного университета Владимира Ивановича Пичеты. По возвращении из поездки ученый подготовил для НКВД БССР отчет. Копия документа сохранилась в фонде Белорусского государственного университета (Ф. 205) в Национальном архиве Республики Беларусь.

Ключевые слова: В.И. Пичета, академическая мобильность, заграничные командировки, Белорусский государственный университет, история славистики.

V.S. Gruzdinskaya

**“WITH BENEFITS FOR YOURSELF AND FOR THE SOVIET UNION”:
REPORT ON V.I.’S FOREIGN TRIP PICHETES (1927)**

A report on a foreign business trip to Czechoslovakia by professor of Slavic studies, rector of the Belarusian State University Vladimir Ivanovich Picheta is published. Upon returning from the trip, the scientist prepared a report for the NKID BSSR. The document has been preserved in a copy in the collections of the Belarusian State University (F. 205) of the National Archives of the Republic of Belarus.

Key words: V.I. Pichet, academic mobility, foreign business trips, Belarusian State University, history of Slavic studies.

С именем Владимира Ивановича Пичеты (1878–1947) принято связывать возрождение славяноведения в СССР в годы Великой Отечественной войны. О знаменитых семинарах-«пичетниках», проходивших по пятницам с 1943 по 1947 г. в его московской квартире,

¹ Исследование проводилось при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-27.2022.2 «Международная академическая мобильность советских ученых: 1920-е–1930-е гг.».

с теплотой вспоминали видные советские историки-слависты второй половины XX в. – М.А. Бирман, В.Д. Королюк, Г.Э. Санчук и др., признавая вклад этих неформальных встреч в профессиональном становлении и развитии [1; 2, с. 75–112]. В.И. Пичета посвятил жизнь изучению славянского мира в целом и отдельных страниц его истории. При этом он не мог выезжать в зарубежные командировки для работы в архивах и библиотеках, консультаций и личного общения с коллегами с конца 1920-х гг. Полагаем, по причинам политического характера. В 1929 г. В.И. Пичета лишился ректорского кресла Белорусского государственного университета, которое занимал с 1921 г. В 1930 г. историк стал фигурантом печально известного «Академического дело», которое завершилось для него пятилетней ссылкой сначала в Вятку, затем в Воронеж [3, с. 116–175]. Мытарства завершились в 1938 г., когда Пичета получил должность профессора в МГУ. Незадолго до кончины Владимира Ивановича в советских инстанциях обсуждалась его поездка в Чехословакию, однако, как с нескрываемым негодованием пишет в феврале 1947 г. в своем отчете вернувшийся из заграничной командировки А.Л. Сидоров, «акад[емик] Пичета собирается 8 месяцев [поехать] и никак не соберется», так как нет на то специального решения ЦК ВКП(б) [4, л. 21].

В 1921 г. В.И. Пичета, будучи профессором Московского университета, получил трехмесячную командировку в Польшу. Поездка имела целью завершение «научно-исследовательских работ» и изучение «исторической польской литературы, посвященной России, Белоруссии, Украине, а также и литературных источников, касающихся политических и культурных взаимоотношений России и Польши в течение XVII и XIX веков» [5, л. 70]. Ученый получил «командировочный набор» – паспорт, командировочное удостоверение-мандат и записку за подписью заместителя наркома следующего содержания: «Народный комиссариат по просвещению просит всех представителей Советской власти, военных и гражданских, оказывать В.И. Пичете содействие для исполнения возложенных на него заданий» [5, л. 71].

Следующие поездки уже в статусе ректора состоялись в 1923 и 1927 гг. В Национальном архиве Республики Беларусь сохранился

отчет ученого о командировке 1927 г. [6, л. 31–35]. В течение двухмесячного заграничного научного турне В.И. Пичета посетил Варшаву, Берлин и Прагу. Наибольший научный интерес для него в эту поездку представляла Чехословакия, где он провел почти полтора месяца. В отчете историк перечислил коллег, с которыми довелось увидеться и пообщаться. Среди них не только иностранцы (М. Мурко, Я. Бидло), но и эмигрировавшие из Советской России ученые (И.И. Лаппо, В.А. Францев). Отметил историк и встречи с советскими дипломатами, чехословацкими политическими лидерами. Интересно, что долгоиграющий результат поездки даст о себе знать два десятилетия спустя – в 1947 г. выйдет первая советская история Чехии под редакцией В.И. Пичеты [7].

Ниже публикуется отчет 1927 г. в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Некорректное написание имен собственных исправлено в примечаниях. В квадратных скобках расшифрованы сокращенные слова. Источник сопровождается научным комментарием.

Отчет о заграничной командировке В.И. Пичеты²

Копия³

Народному комиссару по иностранным делам

Настоящим считаю долгом довести до Вашего сведения о своей заграничной командировке, разрешенной мне Народным комиссариатом просвещения Белоруссии.

Будучи за границей в течение двух месяцев, я посетил Варшаву, Берлин и Прагу, в которой пробыл около полутора месяца. Польский консул дал мне транзитную визу с разрешением остаться в Польше 4 дня.

Приехав в Польшу, я в тот же вечер посетил нашего посла, т[оварища] Войкова⁴, у которого я пробыл целый вечер. В следую-

² Заглавие документа дано публикатором.

³ Приписка сверху.

⁴ Войков Петр Лазаревич (1888–1927) – русский революционер, советский государственный деятель. В октябре 1924 г. стал полпредом СССР в Польше.

щие дни были католическими праздниками, и я, к сожалению, не мог воспользоваться этим временем для выполнения данных мне поручений. Во вторник, 7-го июня, случилось убийство Войкова, и так как выяснилось, что деньги, переведенные из Белоруссии для покупки книг, не были получены, то, в силу окончания транзитной визы, я был вынужден уехать из Варшавы. При возвращении я просил польского консула в Берлине дать мне право пробыть в Польше 4 дня, так как адресованные на мое имя деньги были получены, но такого разрешения я не получил. Поэтому я должен был поехать прямо домой, не останавливаясь в Польше. Получив приглашение на съезд славянских историков в Польше⁵, я, конечно, не поехал вследствие данных мне инструкций. Когда же все-таки была прислана телеграмма от Академии наук СССР с указанием, что я вхожу

7 июня 1927 г. на Главном вокзале в Варшаве П.Л. Войков был смертельно ранен Борисом Ковердой, 19-летним эмигрантом белорусского происхождения, одержимым ненавистью к советской власти и жадной борьбы с ней. См.: [8].

⁵ 27–29 июня 1927 г. в Варшаве состоялся первый съезд историков государств Восточной Европы и славянских стран. В те же дни была организована Федерация исторических обществ Восточной Европы. Историки из Советского Союза участия в этой встрече не приняли, не считая забежавшего «на огонек» профессора Б.Л. Богаевского. Он прибыл из Ленинграда в Варшаву накануне открытия форума, успел засвидетельствовать свое почтение собравшимся в неформальной обстановке, а затем, в день открытия съезда, спешно вернулся домой. Профессора отозвали из командировки, поскольку советская сторона, как следовало из официально печати, считала конференцию ненаучной, в том числе и по причине приглашения на нее историков-эмигрантов. Однако несмотря на такую резкую оценку, поддержанную Академией наук, ленинградские профессора Б.Л. Богаевский и А.Е. Пресняков получили от компетентных органов разрешение на выезд в Варшаву. Спихватились советские бюрократы поздно, когда Б.Г. Богаевский уже находился за границей. А.Е. Преснякову вдохнуть европейский «воздух свободы» не пришлось – грозная телеграмма об аннулировании командировки застала его на пороге. См.: [9; 10, с. 315–316]. В.И. Пичете в каком-то смысле повезло больше, он находился в продолжительной заграничной командировке, где, как свидетельствует публикуемый отчет, находился в тесном контакте с советскими дипломатами, таким образом, держа «руку на пульсе». Вместе с тем резкий отказ от участия в съезде в Варшаве мог быть вызван убийством П.Л. Войкова и охлаждением советско-польских отношений на этом фоне.

в состав делегации, я, к сожалению, не мог этим воспользоваться, так как точный мой адрес был неизвестен, и телеграмма не была доставлена.

Приехав в Прагу, я посетил Советское посольство и Торгпредство, где был встречен весьма любезно и где я получил целый ряд практических указаний. Пребывая в Праге, я все время поддерживал связи с советником посольства, т[оварищем] Калюжным⁶, с которым я неоднократно имел беседу по разным вопросам. Все визиты, которые я сделал профессорам Чешского Университета, были сделаны с согласия т[оварища] Калюжного. Я избегал посещать чешских профессоров, которые, хотя и пользуются большим авторитетом науки, как Францев⁷ и Лаппо⁸, но как эмигранты, относятся враждебно к Советскому Союзу, они, конечно, были оставлены мною без внимания. Я должен отметить, что со стороны чешской науки я встретил самое приветливое отношение, в особенности со стороны профессора Мурко⁹, с которым я был лично знаком, и кото-

⁶ Вероятно, имеется в виду Калюжный Иван Иванович (1882–1934) – политический деятель, художник, иллюстратор, журналист, революционер (эсер). После Февральской революции продолжил заниматься политической деятельностью в Нижнем Новгороде, выступал против политики большевиков. В местной газете «Народ» публиковал карикатуры на В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого. В 1921 г., будучи приговоренным к смертной казни, в Самаре присоединился к чехословацкому легиону, вместе с которым в ноябре того же года эмигрировал из России. С 1922 г. жил в Чехословакии, где был членом научного совета Российского зарубежного исторического архива, членом совета Российского народного университета. Писал статьи для берлинского эмигрантского издания «Дни». Детали его сотрудничества с советскими властями установить не удалось. См.: [11, с. 207–208].

⁷ В оригинале: Францов. Францев Владимир Андреевич (1867–1942) – филолог, славист. В 1921 г. уехал из Советской России сначала в Варшаву, а затем – в Прагу. В 1921–1937 гг. – профессор Карлова университета. С 1924 г. возглавлял Русский институт в Праге.

⁸ Лаппо Иван Иванович (1869–1944) – историк. В 1919 г. эмигрировал из Советской России. В 1921–1933 гг. жил в Чехословакии. Был активным участником эмигрантских научных и образовательных институций в Праге – Российского народного университета, Российского исторического общества и др. См.: [12].

⁹ Мурко Матиа (Матиаш) (Matija Murko; 1861–1952) – словенский филолог, славист. После защиты в 1886 г. в Венском университете диссертации получил

рый мне предоставил полную возможность работать в Славянском институте по вопросам моей научной командировки. Я с большим вниманием познакомился с чешским национально-культурным возрождением, с новыми работами по истории сербской культуры и по истории Чехии. Результаты моей работы, я думаю, появятся в виде особой книги.

Когда я приступил к изучению вопроса о белорусско-чешских торговых отношениях XVI века, то выяснилось, что это вопрос абсолютно новый и требует самого внимательного и тщательного изучения по архивам Праги и Братиславы. Это – работа нескольких месяцев, если не целого года, поэтому, [с]ориентировавшись в архивной обстановке, я не нашел возможным приступить, так как все равно я бы ничего не сделал.

Время моей поездки в Прагу было не совсем удачное. Я предполагал сначала выехать в начале мая, но по разным обстоятельствам должен был отложить свой отъезд до начала июня. Поэтому, когда я приехал, я не мог ознакомиться основательно [с] Пражскими университетами (чешский и Немецкий)¹⁰, так как кончились занятия и происходили экзамены. Если общая постановка дела в Университете все-таки мною была изучена, то я, к сожалению, был лишен возможности прочитать несколько лекций в Университете и сделал соответствующие доклады в Чешском Историческом Обществе¹¹. Значительная часть чешских ученых разъехалась, но все-таки с главными чешскими учеными я познакомился. Группа чешских ученых, во главе с профессором Мурко, 30 июня устроила для меня

стажировку в Москве. В 1920–1931 гг. преподавал в Карловом университете. В 1924 г. был избран иностранным членом Российской академии наук.

¹⁰ На волне борьбы в Австро-Венгрии за преподавание на национальных языках в 1881 г. Пражский (с 1918 г. – Карлов) университет был разделен на чешский и немецкий. Разделительной чертой стал не только язык обучения, но и условия и оснащение учебного процесса, преподаватели, а также карьерные возможности выпускников. Два университета сосуществовали до 1939 г., когда указам оккупационных немецких властей все чешские учебные заведения подлежали ликвидации.

¹¹ Имеется в виду Klub historický (Исторический клуб) – неформальное объединение чехословацких историков, возглавляемое в 1920-е гг. Я. Бидло.

обед. Я посетил Пражскую Академию наук¹² и познакомился с Непременным Секретарем, проф[ессором] Кадлецом¹³. Согласно моему заявлению, для Государственной Библиотеки были предоставлены все издания Чешской Академии наук, в обмен на наши белорусские издания, которые находятся в обменном фонде Университета. С другой стороны, Чешское Историческое Общество, в лице профессоров Шусты¹⁴ и Бидло¹⁵, также согласилось предоставить нам все издания для Государственной Библиотеки. Кроме того, мною было куплено на 200 рублей книг, которые Советское посольство любезно согласилось переслать в Минск.

О моем приезде в Прагу было напечатано во всех чешских газетах, газета «Прагер Прессе»¹⁶. имела также со мной интервью, содержание которого известно Народному комиссариату иностранных дел. Я должен также отметить внимательное ко мне отношение со стороны Чешского Министерства иностранных дел. Я сделал визит д[окто]ру Папоушику¹⁷, заведующему отделом печати при Мини-

¹² Имеется в виду Чешская академия наук и искусств, существовавшая с 1888 по 1952 г.

¹³ Кадлец Карл (Karel Kadlec; 1865–1928) – правовед. С 1905 г. работал в Карловом университете, с 1909 г. – профессор, в 1911–1927 гг. – декан юридического факультета. Среди интересующих его тем было изучение истории славянского права, общины.

¹⁴ Шуста Йозеф (Josef Šusta; 1874–1945) – историк, славист. Был деканом философского факультета Карлова университета. В годы Второй мировой войны – президент Чешской академии наук и искусств, после войны был обвинен в коллаборационизме и покончил жизнь самоубийством. Поле его научных интересов широко: история искусства и экономическая история, средневековая Чехия, Реформация и европейская политическая история в целом.

¹⁵ В оригинале: Бидло. Имеется в виду Бидло Ярослав (Jaroslav Bidlo; 1868–1937) – историк, славист. С 1910 г. работал профессором философского факультета Карлова университета. Я. Бидло занимался изучением истории славянского мира.

¹⁶ Речь идет о издаваемой в Чехословакии в 1921–1939 гг. немецкоязычной газеты «Prager Presse». Издание было создано по инициативе Т. Масарика и преследовало цель интеграцию в чехословацкое общество немецкоязычного население страны, которое на тот момент составляло четверть общего числа жителей.

¹⁷ В оригинале: Папаушику. Имеется в виду Ярослав Папоушек (Jaroslav Papoušek; 1890–1945) – чехословацкий дипломат, историк, архивист и

стерстве иностранных дел, бывшему в 1917–[19]18 году личным секретарем Масарика¹⁸, ныне Президента Чешской Республики. В мое распоряжение были предоставлены д[окто]ром Папоушекком ряд изданий Министерства иностранных дел. По его инициативе, мне была дана аудиенция с товарищем министра иностранных дел, проф[ессором] Крофтой¹⁹, с которым я имел часовую беседу, которая не касалась политики. Кроме того, Чешское Министерство иностранных дел прислало мне билеты на Рабочую Олимпиаду, причем место мне было определено в дипломатической ложе. Я был приглашен на раут по случаю Рабочей Олимпиады к министру Бенешу²⁰, но, к сожалению, я находился в это время в городе Брно, где знакомился с Университетом, и поэтому я не мог присутствовать на рауте. Предполагалась также аудиенция у Масарика, но в силу некоторых соображений она не могла состояться, и была отложена до другого раза.

По предложению и просьбе Советского посольства, я выступил с докладами в двух Обществах, в которых я читал доклады о культурных достижениях современной Белоруссии. Один доклад был прочтен в Студенческом Белорусском Обществе, в котором было немало студентов–белорусов не советской ориентации, а другой доклад, отнявший около двух часов времени, был мною прочтен

публицист, специалист по новейшей истории Чехословакии, чешско-русским отношениям. В годы Первой мировой войны Папоушек был призван в австро-венгерскую армию, в 1914 г. попал в русский плен и впоследствии примкнул к чешским легионерам. В России познакомился со своей будущей женой – Надеждой Мельниковой (1891–1978). В 1919 г. оба приехали в Чехословакию, где Я. Папоушек поступил на службу в МИД, в 1937–1938 гг. возглавлял Архив МИД. В годы Второй мировой войны – участник Сопrotивления. В 1941 г. арестован немцами, умер в концлагере.

¹⁸ В оригинале: Массарика. Масарик Томаш Гарриг (Tomáš Garrigue Masaryk; 1850–1937) – философ, политический деятель, первый президент Чехословакии (1918–1935).

¹⁹ Крофта Камил (Kamil Krofta; 1876–1945) – историк, дипломат, министр иностранных дел (1936–1938). В 1921–1925 гг. – посол в Вене, в 1925–1927 гг. – посол в Берлине. В 1927 г. он стал председателем Президиума иностранных дел при министре иностранных дел Э. Бенеше. В годы войны был активным участником движения Сопrotивления.

²⁰ Бенеш Эдвард (Edvard Beneš; 1884–1948) – политический деятель, президент Чехословакии (1935–1948). В 1918–1935 гг. – министр иностранных дел.

6-го июля в Обществе Сближения Чехии с Новой Россией²¹. В силу летнего времени на этом докладе было свыше 100 человек. Я не буду давать характеристики своих докладов, но только отмечу, что они были прочтены с большим подъемом и получили полное одобрение со стороны товарища Калюжного. После доклада т[оварищ] Калюжный и Правление Чешского Общества Сближения с Новой Россией устроили в честь меня небольшой товарищеский ужин. Я также должен отметить, что после возвращения т[оварища] Антонова²² из Берлина я был приглашен в Советское посольство на чашку чая, в присутствии исключительно членов Советского посольства. Кроме того, предполагался раут в посольстве по случаю моего приезда, но, по политическим соображениям, этот раут был отменен.

В беседе со мной т[оварищ] Антонов выразил пожелание, чтобы я поехал в Югославию, где до сих пор не было ни одного советского ученого, если не считать проф[ессора] Карского²³. Проф[ессор] Антонов²⁴ желал этой поездки и полагал ее необходимой. Югославское посольство без всяких разговоров соглашалось дать мне визу,

²¹ В 1925 г. было создано чехословацкое Общество экономического и культурного сближения с Новой Россией, деятельность которого предполагала создание и трансляцию позитивного образа СССР в Чехословакии и Чехословакии в СССР, организацию взаимного обмена книгами, периодическими изданиями. Общество сотрудничало с советскими организациями – с Торговым представительством СССР в Праге и Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей (ВОКС). Важным направлением такого взаимодействия стал двусторонний обмен делегациями ученых. В частности, в 1925–1927 гг. с лекциями в Обществе выступили физик А.Ф. Иоффе, востоковед С.Ф. Ольденбург, физиолог В.М. Бехтерев и славист В.И. Пичета. См.: [13].

²² Антонов-Овсеенко Владимир Александрович (1883–1938) – революционер, советский политический деятель. В 1924–1928 гг. находился на дипломатической службе в Чехословакии, был полпредом СССР.

²³ Карский Евфимий Федорович (1860–1931) – славист, филолог, этнограф. В 1921–1929 гг. возглавлял Музей антропологии и этнографии. Был членом Российской академии наук, Чешской академии наук и искусств. В 1924–1926 гг. выезжал в заграничные командировки в славянские страны. См.: [14, с. 254–283, 321–348].

²⁴ Вероятно, опечатка. Имелось в виду товарищ Антонов.

отчасти имея в виду, что я являюсь герцеговинцем по своему отцу²⁵. Я сначала хотел поехать в Югославию, чтобы вступить в научный обмен со славянскими академиями. Но проф[ессор] Мурко мне указал, что в настоящее время в Югославии стоит тропическая жара, и что все югославские ученые разъехались. Проф[ессор] Мурко приветствовал мою поездку в Югославию, но полагал необходимым эту поездку совершить зимою, когда представители югославской науки все в сборе. Я также должен отметить, что современный министр-президент Вукичевич²⁶ является моим хорошим знакомым, неоднократно посещавшим меня в Москве, и поэтому мое появление в Югославии было бы окружено знаками внимания со стороны югославского правительства. Я должен отметить, что в настоящее время российские эмигранты проявляют большую научную деятельность в Югославии, читая там лекции по разным предметам. В этом отношении лекция Ал[ександра] Ал[ександрович] Кизеветтера²⁷ имеет особенный успех.

О Белоруссии в Чехии и в Западной Европе фактически никто ничего не знает. Во французском славянском журнале печатаются статьи, в которых белорусская проблема рассматривается с польской точки зрения. Проф[ессор] Францев, занимающий кафедру русского языка, называет Белоруссию Западной Россией и, по словам студентов-белорусов, приходит в состояние крайнего раздражения, если студент упоминает слово Белоруссия. Считая такое положение ненормальным и познакомившись в Праге с профессором

²⁵ Герцеговинцы – этническая группа, населяющая территорию Герцеговины (современная Босния и Герцеговина). Отец В.И. Пичеты – Йован Христофорович Пичета (1844–1920) – родился в городе Мостаре.

²⁶ Вукичевич Велимир (Velimir Vukićević; 1871–1930) – сербский, югославский политик. В 1927–1928 гг. – премьер-министр Югославии.

²⁷ В оригинале: Кизаветера. Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) – историк русского происхождения, ученик В.О. Ключевского. С 1922 г. и до конца своих дней жил в эмиграции несколько месяцев в Берлине, а впоследствии в Праге. Читал лекции по российской истории в эмигрантских научных и учебных заведениях в Чехословакии, Германии, Югославии, Болгарии и др. См.: [15].

Доминуа²⁸, членом редакции журнала [Le Monde Slave], я уговорился с ним, что напишу две статьи для журнала – одну о Франциске Скорине²⁹, а другую – белорусском национально-культурном возрождении. Т[оварищ] Калюжный со своей стороны также отметил, что Западная Европа вообще, и, в частности, Чехия не знакомы совсем с Белоруссией и поэтому полагал необходимым выпуск книги по истории и культуре Белоруссии вообще и Советской в частности в ближайшее время на французском языке. Т[оварищ] Калюжный со своей стороны сделает об этом соответствующее представление, но он также поручил мне довести об этом до сведения Народного комиссариата иностранных дел. Т[оварищ] Калюжный выразил пожелание, чтобы эта книга была выпущена в самый кратчайший срок, была бы написана мною и напечатана в Праге. Кроме того, т[оварищем] Калюжным была отмечена необходимость более систематических научных связей с Чехией, что должно выразиться в чтении докладов в Научных Обществах города Праги. Т[оварищ] Калюжный имел в виду и мою поездку в Прагу в ноябре-декабре с[его] г[ода], так как считал, что такие культурные связи и отношения будут безусловно иметь большое политическое значение. Помимо этого, т[оварищем] Калюжным было высказано пожелание, чтобы и у нас появлялись работы о Чехии. Отсутствие таких работ немного задевает чехов. Имея в виду пожелание т[оварища] Калюжного, я и предполагаю выпустить такую работу, сначала об Аграрной реформе в Чехии, с которой я познакомился, а потом о чешской истории и культуре вообще. Со своей стороны и Чешское Министерство иностранных дел, правда, неофициально, выразило пожелание о появлении такой книги, а также полное удовлетворение, узнав о моем плане написать вышеназванную работу.

Что касается чехов, то интерес к Советскому Союзу и к общерусской культуре у них огромный. Все русские классики переведены на чешский язык. Современная русская литература представлена на чешском языке весьма полно. Известные «Двенадцать» Блока блестяще переведены на чешский язык. В чешском национальном те-

²⁸ Доминуа Фюсьен (Fuscien Dominois; 1888–1938) – французский славист, профессор чешского и словацкого языка и литературы.

²⁹ В оригинале: Скарине.

атре с великим успехом была поставлена «Виринея» Сейфуллиной³⁰. Инженер д[окто]р Рикши написал прекрасную работу на чешском языке по истории землевладения в России. Кроме того, в Чехии имеются небольшие работы на чешском языке по истории русского права. Этот интерес чехов к прошлому и настоящему нашего Союза очень характерен. У нас такого интереса не имеется.

Я также должен отметить, что среди сотрудников Советского посольства в Праге находится Якобсон³¹, окончивший курс Московского Университета, который занимается чешским языком и чешской литературой и имеет работы на чешском языке и пользуется достаточным уважением со стороны представителей чешской науки, и в настоящее время его работа о чешском стихе принята для печатания Чешской Академией наук.

Доводя до Вашего сведения о моей заграничной командировке, я полагаю, что я выполнил с пользой для себя и для Советского Союза.

[подпись В.И. Пичеты]

**НАРБ. Ф. 205. Оп.3. Д. 6335. Л. 31–35.
Машинопись. Автограф – подпись В.И. Пичеты**

³⁰ В оригинале: Сейфулина. Имеется в виду Сейфуллина Лидия Николаевна (1889–1954) – советская писательница, член правления Союза писателей СССР (с 1934 г.). Самое известное произведение автора – повесть, впоследствии пьеса «Виринея» – рассказывало о жизни русской деревне в 1917 г. В 1927 г. в Национальном театре Чехословакии поставили пьесу. Незадолго до премьеры автор вместе с В. Маяковским посетила Прагу, где консультировала чехословацкую труппу.

³¹ Якобсон Роман Осипович (1896–1982) – выдающийся лингвист российского происхождения. В 1920–1939 гг. проживал в Чехословакии. В 1923–1928 гг. работал в советском полпредстве в Праге, заведовал отделом печати. В 1926 г. наряду с В. Матезиусом, Н.С. Трубецким и др. участвовал в организации Пражского лингвистического кружка. Имел большой научный авторитет в чехословацкой интеллектуальной среде, что, как считают некоторые современные авторы, умело использовал полпред В.А. Антонов-Овсеенко. В Москве фигура Якобсона вызывала подозрения, поэтому 16 сентября 1927 г. Секретариат ЦК ВКП(б) постановил «заменить беспартийного «спеца» Якобсона на коммуниста С.В. Гиринса». Бумага об отставке лингвиста вышла в ноябре 1927 г., но благодаря поддержке Антонова-Овсеенко он продержался до декабря 1928 г. Цит. по: [16, с. 121].

Список использованных источников и литературы

1. *Досталь М.Ю.* «Пичетники» на кафедре истории южных и западных славян МГУ (1943–1947) // История и историки: историографический вестник. М., 2006. С. 304–318.
2. *Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы). М., 2009. 464 с.
3. *Горяинов А.Н.* В России и эмиграции: Очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века. М., 2006. 320 с.
4. НИОР РГБ. Ф. 632. Карт. 80. Ед. хр. 3.
5. ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 553.
6. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 6335. Л. 31–35.
7. История Чехии / Под ред. В.И. Пичеты. Б. м., 1947. 259 с.
8. *Бабенко О.В.* Новые архивные материалы об убийстве П.Л. Войкова // Россия и современный мир. 2005. № 3. С. 216–221.
9. *Аксенова Е.А.* Федерация исторических обществ Восточной Европы и русские ученые-эмигранты // Славянский альманах. 2013. Вып. 1–2. С. 232–250;
10. *Груздинская В.С.* Комиссия содействия работам Академии наук СССР: опыты «приручения» Академии наук во второй половине 1920-х годов // Преподаватель XXI век. 2019. № 2–2. С. 310–324.
11. Представители эмиграции с территории бывшей Российской империи в Чехословакии (1918–1945). Биографический словарь / Ред. Д. Гашковой. Прага, 2021. 608 с.
12. *Ковалев М.В.* «Моя жизнь слилась с моею научною работою...»: профессор Иван Иванович Лаппо (1869–1944) // Новая и Новейшая история. 2019. № 6. С. 162–187.
13. *Воробьева Е.Д.* Образование и деятельность чехословацкого Общества экономического и культурного сближения с Новой Россией (1925–1927) // Советское славяноведение. 1965. № 2. С. 33–43.
14. *Карский А.А.* Академик Е.Ф. Карский. Биография. В 2 т. Т. 2. Минск, 2019. 734 с.
15. *Волошина В.Ю., Корзун В.П.* Эмигрантский период жизни А.А. Кизеветтера в оптике «профессорской культуры» // Диалог со временем. 2017. Вып. 58. С. 39–69.
16. *Генис В.Л.* «Якобсон, конечно, возмутится...» // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 120–125.

ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

УДК 821.161.1.09+929 Тынянов

Т.И. Дронова

ПАРАДОКСЫ ДОКУМЕНТАЛИЗМА В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ Ю.Н. ТЫНЯНОВА

В статье выявляется характер интереса В.В. Пугачева к художественному и научному наследию Ю.Н. Тынянова; раскрывается система взглядов писателя на проблему документализма в исторической романистике; анализируются официальные и частные документы, включенные в роман «Кюхля», а также литературные источники (романы Д. С. Мережковского «Александр Первый» и «14 декабря»), к которым восходит описание ряда исторических лиц и событий в первом романе писателя.

Ключевые слова: В.В. Пугачев, Ю.Г. Оксман, Ю.Н. Тынянов, Д.С. Мережковский, «Кюхля», «Александр Первый», «14 декабря», документ, исторический роман.

T.I. Dronova

PARADOXES OF DOCUMENTARYISM IN THE THEORETICAL REFLECTION AND ARTISTIC PRACTICE OF YURI TYNANOV

The article reveals the nature of V.V. Pugachev's interest in the artistic and scientific heritage of Y.N. Tynyanov. Pugachev's interest in the artistic and scientific heritage of Y.N. Tynyanov is revealed; the system of the writer's views on the problem of documentaryism in historical novelism is revealed; official and private documents included in the novel "Kyukhlya" are analysed, as well as literary sources (D.S. Merezhkovsky's novels "Alexander the First" and "December 14"), to which the description of a number of historical persons and events in the writer's first novel goes back.

Key words: V.V. Pugachev, Y.G. Oxman, Y.N. Tynyanov, D.S. Merezhkovsky, "Kyukhlya", "Alexander the First", "14 December", document, historical novel.

Обращение к творчеству Ю.Н. Тынянова в данной публикации обусловлено не только научными интересами автора статьи, но и особым отношением В.В. Пугачева к его романам и историко-литературным и теоретическим исследованиям. Внимание ученого к наследию Тынянова в огромной степени вызвано общим интересом к духовной ситуации первой четверти XIX века и, особенно, к декабризму. В.В. Пугачеву был близок метод работы Ю.Н. Тынянова – тщательное изучение документов и смелые гипотезы.

В.В. Пугачев принимал участие в Первых Тыняновских чтениях. В сборнике материалов конференции опубликована его статья «К вопросу о Пушкине и декабристах», которая начинается с характеристики роли Тынянова в изучении «декабризма» поэта: «Юрий Николаевич <...> и специальными исследованиями и своими романами» оказал «на развитие наших представлений о «декабризме» или «недекабризме» поэта воздействие, которое трудно переоценить» [1, с. 18]. По мнению автора статьи, «тыняновская интерпретация «Евгения Онегина» была наиболее достоверно развита Ю.Г. Оксманом в процесс спора с Г.А. Гуковским» [1, с. 18–19]. Точку зрения Ю. Г. Оксмана на X главу «Евгения Онегина» В.В. Пугачев излагал и творчески осмыслял в ряде статей 1970–1980-х годов и в итоговой статье «Декабристы, «Евгений Онегин» и Чаадаев» [2].

В книге «Историки, избравшие путь Галилея» [3], посвященной крупным ученым XX в., неоднократно в перечне исследователей, достойных именоваться первопроходцами в науке, называется имя Ю.Н. Тынянова.

Но для нас важнее суждения Владимира Владимировича о тыняновских исторических романах: «Исторические романы Тынянова были в то же время исследованиями. Более научными, интересными, перспективными, чем многие специальные работы <...>. Основываясь на документах, но не фетишизируя их, тщательно проверяя подлинность информации, сообщенной источниками, подчеркивая, что все сохранившиеся свидетельства о прошлом в какой-то мере (большей или меньшей) искажают историю, Тынянов в то же время

исходил из того, что подчас (и довольно часто) самые важные события не документируются. По разным причинам – и по соображениям осторожности, и по недостатку времени. <...> Отсюда сочетание фактического материала и смелых гипотез – и в художественных, и в научных трудах Ю.Н. Тынянова <...>» [1, с. 18].

Эти размышления В.В. Пугачева побуждают к исследованию парадоксального характера суждений Ю.Н. Тынянова о работе исторического романиста с документами и к выявлению нехарактерных для классической исторической прозы форм документализма, реализуемых наряду с традиционными, уже в первом романе писателя «Кюхля» (1925).

Рефлексия авторов исторических произведений об отношении к документу не только приоткрывает их творческую лабораторию, но и фиксирует сдвиги, происходящие в художественно-историческом сознании.

В анкете «Как мы пишем» (1930) Тынянов весьма радикально высказывается по поводу относительности исторического знания. Автор романов «Кюхля» (1925) и «Смерть Вазир-Мухтара» (1927) относится к документу как к историческому свидетельству, к осмыслению достоверности которого он подходит с последовательностью ученого. Его рефлексия содержит «глубочайшее недоверие» к источнику. Причины этого «недоверия», коренящиеся в самой природе документальных свидетельств, аналитически обнажаются автором.

Выявляя зоны недостоверности в источниках, Ю.Н. Тынянов предлагает художнику стать исследователем, идти путем анализа и сомнения, приближающим к постижению реальности, стоящей за документом: «Есть документы парадные, и они врут, как люди. Не верьте, дойдите до границы документа, продырявьте его. И не полагайтесь на историков <...>» [4, с. 196]. Исследователь предостерегает от доверчивого отношения к интерпретациям документов историками, которые, по его мнению, лишь «обрабатывают материал», «пересказывают его». Столь же опрометчивым, с его точки зрения, является доверие к мемуарным источникам: «Представление о том, что вся жизнь документирована, ни на чем не основано: бывают годы без документов, кроме того, есть такие документы ... человек не говорит главного, а за тем, что он сам считает

главным, есть еще более главное» [4, с. 197]. Именно исходя из глубокого понимания природы документального свидетельства (его значимости и одновременно его ограниченности) Тынянов-художник избирает сферу познания прошлого, в которой благодаря интуиции, научной и художественной, может «договорить» то, что не договаривает прототип его персонажа. Знаменитый тыняновский афоризм: «Там, где кончается документ, там я начинаю» [4, с. 197], – предполагает искушенность исследователя, а отнюдь не пренебрежение документом.

Думается, что суждения Ю.Н. Тынянова о разных типах документов и принципах их осмысления являются автометаописанием, воссоздающим характер работы с источниками в процессе создания двух первых исторических романов. Но не исключен и полемический подтекст тыняновских высказываний, направленный против лефовских представлений о литературе документа-факта, манифестированных в издании «Литература факта» [5], о чем пишут М.О. Чудакова и В.Н. Сажин в статье, опубликованной в материалах Вторых Тыняновских чтений [6, с. 153].

Действительно, продемонстрированные авторами сборника «Литература факта» представления о роли документа в литературе и непосредственно в творчестве Тынянова могли побудить его к полемике. Так, в статье редактора сборника Н. Чужака о романе «Кюхля» сказано: «Тынянов работает на факте <...> Выдумка играет <...> роль скорее службы связи» [5, с. 59].

Судя по теоретической рефлексии и мемуарным свидетельствам, писатель был категорически не согласен с подобным пониманием задач исторического романиста и оценками собственного творчества. В дневниковой записи К.И. Чуковского от 27 января 1930 г. приводятся слова Ю.Н. Тынянова: «У меня странная литературная судьба: своего «Кюхлю» я написал без материалов, на ура, по догадке, а все думали, что тут каждая строка документальная. А когда появился роман, я получил документы» [6, с. 141]. Судя по контексту, речь идет о рукописном архиве Кюхельбекера, который Тынянов начал приобретать по частям у антиквара В. Камельницкого в 1928–1929 гг. [7, с. 145], то есть уже после публикации и «Кюхли», и «Смерти Вазир-Мухтара».

Однако вопрос о роли документов в процессе создания первого романа не столь прост, как может показаться после знакомства с авторским признанием. Есть свидетельства, что во время работы над «Кюхлей» Ю.Г. Оксман – сокурсник Тынянова по Венгеровскому семинару Петербургского университета – снабжал Тынянова документами. Эту информацию содержит письмо К.И. Чуковского к директору Гослитиздата В.А. Косолапову (март 1965 года): «Оксман был другом Тынянова и помогал ему писать роман “Кюхля”» [8].

С какими документами мог знакомить Ю.Н. Тынянова Ю.Г. Оксман? Несомненно, связанными с декабрьскими событиями 1825 года. В 1926 г. ученым был опубликован богатейший том архивных материалов «Декабристы. Отрывки из источников», воссоздающих на основании официальных документов, показаний, писем, записок декабристов историю создания тайных обществ, следствия и суда; а также включающий записки и письма Николая I, связанные с 14 декабря и последующими событиями [9]. Вопрос, в какой мере эти документы были использованы Ю.Н. Тыняновым во время работы над романом, до сих пор остается открытым.

Как это ни удивительно, в посвященных «Кюхле» исследованиях проблема исторических источников, за редким исключением, не ставится. С одной стороны, возможно, это связано с доверием к фактической точности в изображении Кюхельбекера в произведении ученого. С другой стороны, трудностью выявления источников изображения декабрьского восстания, поскольку события 14 декабря осмыслены писателем в образной, метафорической, форме как борьба площадей: «Восстание 14 декабря было войной площадей. <...> по уличным артериям народ и восставшие полки текли в сосуды площадей, а потом артерии были закупорены и полки одним толчком были выброшены из сосудов. Но это было разрывом сердца для города, и при этом лилась настоящая кровь. <...> Весь день был томительным колебанием площадей, которые стояли, как чаши на весах, пока грубый толчок николаевской артиллерии не вывел их из равновесия. Решили площади, а не улицы <...>» [10, с. 176–177].

На протяжении главы, посвященной восстанию, неоднократно повторяется мотив «безмолвного стояния» площадей: «И начинается безмолвное стояние – стояние, несмотря на беготню, безмолвное,

хотя в воздухе крики и редкая команда. Потому что теперь решают морозные, обледенелые площади, а не воля отдельных людей» [10, с. 191]. И завершается глава фразой: «Петровская площадь как поле, изборощенное, вспаханное и брошенное. На ней бродят чужие люди, как темные птицы» [10, с. 205].

Судя по всему, в главе о декабрьском выступлении документы, с которыми знакомил автора романа Ю.Г. Оксман, вводятся на уровне подтекста, в то время как другие официальные и частные источники непосредственно включаются в текст произведения. С одной стороны, они создают ощущение достоверности, распространяемое и на вымышленные ситуации, с другой – рождают контрастный стиль по отношению к основному – лиризованному – повествованию о 14 декабря.

На стилевое значение введенных в роман о Кюхельбекере исторических документов: переписки военного министра с рижским генерал-губернатором о бежавшем после восстания Кюхельбекере [10, с. 210–212], послания литовского губернатора военному министру [10, с. 221–223] первым обратил внимание Б. Эйхенбаум: «<...> на фоне взволнованного авторского стиля эти документы звучат как контрастный стиль, как осуществление нового «конструктивного принципа», сталкивающего противоположные элементы, сопрягающего «далековатые» лексические ряды» [11, с. 398]. Кроме приведенных Б. Эйхенбаумом примеров отметим и другие – переписка цесаревича Константина с генерал-лейтенантом Гогелем [10, с. 211–212], донесение виленского полицмейстера Шлыкова [10, с. 222–223], объявление о разыскивании Кюхельбекера полицией (за подписью С.-Петребургского Обер-Полицмейстера Шульгина 1-го) [10, с. 225] и др.

Еще одной формой документализма являются частные документы. Это фрагменты дневниковых записей Кюхельбекера во время его поездки в Европу [10, с. 66–67; 68–70; 74–75 и др.], включенные в текст романа практически без изменений. Эти материалы, скорее всего, были известны Тынянову задолго до обращения к художественному осмыслению судьбы Кюхли, поскольку были опубликованы в 1824–1825 гг. в различных журналах. О других частных документах, введенных в роман, пока трудно сказать, восходят ли они к

источникам или написаны в форме «под документ» – то отрывки из «Журнала Софочки Греч» [10, с. 143–145], письмо Кюхельбекеру от сестры Устиньки [10, с. 119], письмо Грибоедова Устиньке [10, с. 130–131], письма Кюхельбекера из крепости Пушкину и Грибоедову [10, с. 243], Грибоедову [10, с. 248], письма Дуни Кюхельбекеру [10, с. 249–250] и др.

Анализ документального пласта романа «Кюхля» убеждает в его неоднородности, многофункциональности и даже парадоксальности. Текст вбирает разные формы введения документального материала, имеющего нетождественные функции в структуре целого.

Особый интерес для нас представляет вопрос об источниках многочисленных описаний общественно-политических событий 1810–1820-х гг., включенных в авторское повествование о Кюхельбекере. Судьба главного героя романа вписана в конкретно-исторический план повествования: от либеральных начинаний 1810-х гг., одним из проявлений которого было создание Царскосельского лицея, сформировавшего поколение свободомыслящих людей – поэтов Кюхельбекера, Пушкина, Пущина и др., до выхода «первенцев свободы» – участников войны 1812 года и их последователей, на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 года. Среди политических деятелей эпохи, появляющихся на страницах романа, император Александр I, великие князья Константин, Михаил и Николай, впоследствии император Николай I и др.

В какой мере автор романа мог опираться при характеристике эпохи на исторические документы?

По свидетельству современников, работа над романом велась в сжатые сроки. И.Н. Сухих, ссылаясь на К.И. Чуковского, называет фантастически короткий период: «“Кюхлю” он писал меньше чем за три недели. Он писал запоем, по двадцать часов в сутки, почти без сна и даже почти без еды» [12]. Согласимся с комментарием исследователя: «Эту версию или легенду трудно проверить» [12]. Но в любом случае, как свидетельствуют современники, например, В. Каверин, близкий друг Ю. Тынянова, первый роман был написан поразительно быстро [7, с. 144].

Изучать документы, посвященные политическим поступкам Александра I, ситуации, сложившейся в его окружении, его мистическим

настроениям, борьбе между Аракчеевым и Голицыным, истории смерти Александра I и перипетиям, связанным с сокрытием завещания о передаче власти Николаю, минуя Константина, и др., у пишущего роман о Кюхельбекере, его жизненном пути, участии в декабрьских событиях, заключении в крепость и т.д. просто не было возможности.

На наш взгляд, в основе изображения динамики политического процесса и представителей императорской семьи у Тынянова были не исторические, а литературные источники. А именно – романы Д.С. Мережковского «Александр Первый» и «14 декабря». Парадоксальным является не только факт обращения к литературе как к своеобразному документальному источнику, но и отсылки именно к романам Мережковского.

Известно, что опыт Мережковского-романиста полемически осмыслялся Ю. Тыняновым [16]. Оценивая рассказ Б. Пильняка о Петре, он констатирует: «К сожалению, в истории у Пильняка плохие источники – например, ни в коем случае нельзя считать авторитетом исторической науки Мережковского, а в «Kneeb Piter Komondor» Пильняк его пересказывает» [13, с. 163].

Тынянов считал романы Мережковского, с его религиозно-философской концепцией, определяющей структуру повествования, глубоко устаревшими. В то же время в его восприятии современная литература неразрывно связана с предшествующей, но не прямой, а «ломаной» линией. Товарищи по ОПОЯЗу упрекали Тынянова в литературности, в том, что для него литература вырастает из литературы [14, с. 202, 204].

Современный литературовед А.Б. Блюмбаум убедительно показал присутствие интертекстуальных связей с произведениями Мережковского в «Восковой персоне» Тынянова [15]. О.И. Плешкова рассматривает повесть Ю.Н. Тынянова «Восковая персона» по отношению к роману Д.С. Мережковского «Петр и Алексей» как переадресованную пародию, «явление которой описано Ю. Тыняновым в работе “О пародии”» [16, с. 13].

Особый интерес для нас представляет опыт сопоставления О. Лекмановым «Смерти Вазир-Мухтара» Ю.Н. Тынянова и «Александра Первого» Д.С. Мережковского. Обнаруживая ряд мотивных

перекличек между произведениями, исследователь делает вывод о «сознательном использовании младшим романистом тех же фактов, которые интерпретировал в своих книгах старший», о «скрытой полемике как о сознательной тактике» Тынянова по отношению к Мережковскому [17, с. 238–239]. Не ясно, почему автор статьи «Тынянов и Мережковский» опустил рассмотрение «Кюхли» Тынянова и «14 декабря» Мережковского, при сопоставлении которых обнаруживаются, на наш взгляд, очевидные переклички и в изображении ряда исторических событий, и в характеристике первых лиц государства.

Информацию о происходящем в правящих кругах страны автор «Кюхли» вводит через мотив «вольности», проявляющейся в обсуждении лицеистами политических проблем. Но сам характер содержания этих разговоров передается в авторском повествовании, которое в сжатом виде передает тот ряд событий, который подробно воссоздан в романе Мережковского: «По вечерам шли разговоры о том, кто теперь правит Россией – царь, Аракчеев или любовница Аракчеева, крепостная его наложница, Настасья Минкина» [10, с. 27]. Автор-повествователь вводит мотив изменившегося после войны 1812-го года времени: «Теперь время было другое. Царь то молился и гадал у Криднерши, имя которой шепотом передавали друг другу дамы, то муштровал солдат с Аракчеевым, о котором со страхом говорили мужчины. Имя темного монаха Фотия катилось по гостиным. Ходили неясные толки о том, кто кого свалит – Фотий ли министра Голицына, Голицын ли Фотия, или Аракчеев съест их обоих. Что было бы лучше, что хуже, не знал никто. <...> И это шло волнами, кругами по всей стране – и эти волны доходили и до Лицея» [10, с. 27–28].

При этом следует отметить разницу в подходе писателей к изображению эпохи. У Мережковского общественно-исторические события, связанные с Александром I и декабристами, были объектом осмысления. Будучи первопроходцем, он изучает их по документам, художественно воссоздает и осмысляет в русле своей религиозно-философской концепции. У Тынянова эти события (кроме 14 декабря) не являются элементом сюжетного действия, это фон, на котором показана судьба Кюхельбекера, но это и факторы, оказывав-

шие влияние на поколение будущих декабристов. Вводя в текст описания лиц и событий, восходящие к романам старшего современника, Тынянов схематизирует и, более того, утрирует их.

Одной из постоянно появляющихся в тексте произведения фигур является Александр I. Изображение его личности дается фрагментарно, оно включается в повествование в ситуациях, когда герои произведения могут его наблюдать. Автор не передает психологию персонажа – свидетеля появления императора, а воплощает свой «избыток видения», вбирающий многочисленные мемуарные свидетельства и черты художественного образа императора, воссозданные ранее в романе Д.С. Мережковского «Александр Первый».

В романе Д.С. Мережковского образ императора предстает как трагический, он создается с глубоким проникновением во внутренний мир персонажа. При этом его личность осмысливается не только в рамках земной истории, но и с точки зрения духовного смысла для будущего России [18].

В русле собственного понимания литературной эволюции Ю.Н. Тынянов и продолжает опыт Мережковского, например, использует характерные для Мережковского приемы «снижения» образов персонажей, и пародирует изображение, предложенное старшим современником. Иронически изображая недостатки первых лиц империи, он делает образы Александра и Николая более «карикатурными», чем в романах Д.С. Мережковского.

В образе тыняновского Александра I доминируют актерство, желание всем нравиться, слабость по отношению к женскому полу, трусоватость, присутствовавшие и у Мережковского. Но в осмыслении автора романа «Александр Первый» они не исчерпывают личности императора, служат созданию психологически глубокого образа, комическое включается в контекст повествования о его личной трагедии.

В романе Ю. Тынянова все эпизоды, связанные с появлением Александра I, окрашены в иронические тона. Обратимся к сцене появления императора в день открытия Лицея: «Открылась дверь, и вошел царь. *Голубые глаза* его улыбались *на все стороны*, щегольской сюртук сидел в *обтяжку на пухлых боках* <...> (здесь и далее выделено нами. – Т.Д.)» [10, с. 11]. В портрете Александра, как

и в романе Мережковского, подчеркивается двойственность выражения: «<...> лоб нахмурен, а губы улыбаются» [10, с. 12]. Тынянов акцентирует внимание на чертах исторического персонажа, уже запечатленных в романе Д.С. Мережковского «Александр Первый»: в образе императора (в его живописных и скульптурных портретах) писателем-символистом демонстрируется двусмысленное выражение, а в личности персонажа (на психологическом и духовном уровнях) акцентируется двойственность [18, с. 271–272].

В романе Мережковского с большой психологической убедительностью раскрывается «игровой» характер поведения императора, который боится быть откровенным даже с самим собой. Эту черту Тынянов раскрывает в лицейском эпизоде. После завершения свободолобивой речи молодого профессора Куницына министр «смотрит косвенным взглядом на царя. Вдруг рыжеватая голова склоняется с одобрением: царь *вспомнил, что он первый либерал страны*» [10, с. 13]. Александр I в сцене открытия Лицея играет взятую на себя роль носителя передовых взглядов.

Портретные характеристики царя играют содержательную роль в романе – наряду с его неискренней улыбкой водится мотив ясных голубых глаз, не внушающих доверия.

В главах, посвященных европейскому путешествию Вильгельма 1820 г. есть эпизод разговора с Тиком, который советует Кюхельбекеру: «Когда на вас смотрит человек со слишком *ясными голубыми глазами*, <...> не доверяйте ему. Это почти всегда лжец.

Вильгельм внезапно вспомнил *голубые глаза царя*, и ему стало не по себе» [10, с. 68].

А несколько позже в роман вводится сцена чтения Александром I донесения Бенкендорфа о тайном обществе. При этом демонстрируется неприязненное отношение к этому молодому, всегда сияющему генералу, ловко идущему вверх. Вновь повторяется мотив голубых глаз, проецирующийся на обоих персонажей: «*Голубые глаза Бенкендорфа* глядели необыкновенно искательно. <...> Говорили, что Бенкендорф похож лицом на царя. Царь отлично понимал качество доброты, сиявшей в *голубых глазах* Бенкендорфа и пленявшей женщин (Бенкендорф был бабник)» [10, с. 72].

Отмечая точки сближения и отталкивания романов Тынянова и Мережковского, уточним, что речь идет не о наследовании традиции писателя-символиста, а «о литературной эволюции», в понимании, Ю. Тынянова, о новом качестве исторической прозы, в структуру текста которой встраивается диалог с предшественником и из отдельных «кирпичиков» его текстов, осмысляемых под своим углом, строится свой текст. При этом текст-донор редуцируется как в плане изображения лиц и событий (схематические, сжатые характеристики), так и их концептуальной роли в тексте – они не объект осмысления, а материал для «загрунтовки» исторического полотна, в центре которого «портрет» Кюхельбекера.

Думается, что негативные тыняновские оценки романов Д.С. Мережковского в немалой степени обусловлены тем «смешением» жанров исторического исследования и романного повествования, которые допускает писатель как на уровне авторской рефлексии, так и в структуре художественного повествования. Один из современников Мережковского – историк А. Корнилов считал, что «стремление к полной исторической точности» приближает роман «Александр I» «к типу художественно написанных монографий» [19, с. 184]. В творческом наследии Ю.Н. Тынянова форма романа предстает как альтернатива историко-литературному исследованию. В отличие от Д.С. Мережковского, уподоблявшего историческое исследование романному повествованию, Ю.Н. Тынянов противопоставляет их: «Эта книга, – пишет он о романе «Пушкин», – не биография. Читатель напрасно стал бы искать в ней точной передачи фактов, точной хронологии, пересказа научной литературы. Это – не дело романиста, а обязанность пушкиноведов <...> Научная биография этим романом не подменяется и не отменяется. Я хотел бы в этой книге приблизиться к художественной правде о прошлом <...>» [13, с. 15]. Таким образом, разные формы познания в творчестве писателя не отменяют друг друга, но обретают собственную идентичность в структуре культуры как целого в диалоге друг с другом.

Но при всех трансформациях представления о природе художественно-исторического познания, опора на документ продолжает

оставаться одной из основных составляющих труда исторического романиста, в том числе и Ю.Н. Тынянова.

В.В. Пугачева сближает с Ю.Н. Тыняновым не только общность научно-исторических интересов, но и дружба с Ю.Г. Оксманом – это связь через одно рукопожатие.

Список использованных источников и литературы

1. Пугачев В.В. К вопросу о Пушкине и декабристах // Тыняновский сборник: Первые Тыняновские чтения: сб. ст. / Отв. ред. М.О. Чудакова. Рига, 1984. С. 18–24.
2. Пугачев В.В. Декабристы, «Евгений Онегин» и Чаадаев // Оксман Ю.Г., Пугачев В.В. Пушкин, декабристы и Чаадаев / Сост., вступ ст. и прим. Л.Е. Герасимовой, В.С. Парсамова и В.М. Селезнева. Саратов, 1999. С. 182–196.
3. Пугачев В.В., Динес В.А. Историки, избравшие путь Галилея: Статьи, очерки / Под ред. Л.Е. Герасимовой. Саратов, 1995. 231 с.
4. Тынянов Ю.Н. Как мы пишем // Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания. Размышления. Встречи / Сост. В.А. Каверин. М., 1966. С. 193–201.
5. Литература факта: сб. ст. / Под ред. Н.Ф. Чужака. М., 1929. 268 с.
6. Чудакова М.О., Сажин В.Н. Архивный документ в работе Тынянова и проблема сохранения и изучения архивов // Тыняновский сб.: Вторые Тыняновские чтения: сб. ст. / Отв. ред. М.О. Чудакова. Рига, 1986. С. 141–156.
7. Каверин В., Новиков Вл. Новое зрение. Книга о Юрии Тынянове. М., 1988. 320 с.
8. Гришунин А. Л. Предисловие // Ю.Г. Оксман – К.И. Чуковский. Переписка. 1949–1969 / Предисл. и коммент. А.Л. Гришунина. М., 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/pisma/yu-g-oksman-k-i-chukovskij-perepiska-1949-1969>. Загл. с экрана. Дата обращения: 10.04.2023.
9. Декабристы. Отрывки из источников / Сост. Ю.Г. Оксман. М.–Л., 1926. 488 с.
10. Тынянов Ю.Н. Кюхля. Роман и рассказ. Саратов, 1989. С. 3–260.
11. Эйхенбаум Б. Творчество Ю. Тынянова // Эйхенбаум Б. О прозе: сб. ст. / Сост. и подг. текстов И. Ямпольского. Л., 1969. С. 380–420.
12. Сухих И. Н. Тынянов и Кюхля: избирательное сродство // Зарубежные записки. 2008. №16. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/zz/2008/16/tynyanov-i-kyuhlya-izbiratelnoe-srodstvo.html>. Загл. с экрана. Дата обращения: 30.04.2023.
13. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. 574 с.

14. Из переписки Ю. Тынянова и Б. Эйхенбаума с В. Шкловским // Вопросы литературы. 1984. № 12. С. 185–218.

15. *Блумбаум А.Б.* Конструкция мнимости: к поэтике «Восковой персоны» Юрия Тынянова. СПб., 2002. 201 с.

16. *Плешкова О.И.* Повесть Ю.Н. Тынянова «Восковая персона» в аспекте теории литературной эволюции: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Барнаул, 2001. 24 с.

17. *Лекманов О.* Тынянов и Мережковский // Тыняновский сборник XII–XIII–XIV: Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М., 2009. Вып. 13. С. 237–241.

18. *Дронова Т.И.* Исторический роман Д.С. Мережковского в перспективе XX века. Саратов, 2021. 412 с.

19. *Корнилов А.* Исторический роман Д.С. Мережковского «Александр I» // Современник. 1913. Кн. 2. С. 184–200.

В.В. Биткинова

СУВОРОВСКИЙ МИФ И АНТИМИФ В РОМАНЕ Б. Ш. ОКУДЖАВЫ «СВИДАНИЕ С БОНАПАРТОМ»

В статье рассматриваются функции «суворовского сюжета» в романе Б.Ш. Окуджавы «Свидание с Бонапартом». Доказывается, что события Итальянского и Швейцарского походов в изложении генерала Опочинина и Варвары Волковой являются, соответственно, мифом (в исключительно героической) и антимифом (в подчеркнута сниженной аранжировке); раскрываются приёмы мифологизации и демифологизации исторических событий и личностей в романе. Проводится сравнение основных компонентов суворовского мифа Окуджавы с аналогичными суждениями в исторических трудах XIX в.

Ключевые слова: А.В. Суворов, Наполеон, суворовский миф, исторический миф, антимиф, демифологизация, Б.Ш. Окуджавы.

V. V. Bitkinova

SUVOROV MYTH AND ANTIMYTH IN B. SH. OKUDZHAVA'S NOVEL «A DATE WITH BONAPARTE»

The article considers the functions of the "Suvorov plot" in B.Sh. Okudzhava's novel «A Date with Bonaparte». It is proved that the events of the Italian and Swiss campaigns as told by General Opochinin and Varvara Volkova are, respectively, a myth (in an exclusively heroic) and an antimyth (in an emphatically reduced arrangement); the methods of mythologising and demythologising historical events and personalities in the novel are revealed. The main components of Okudzhava's Suvorov myth are compared with similar judgements in historical works of the 19th century.

Key words: A.V. Suvorov, Napoleon, Suvorov myth, historical myth, antimyth, demythologisation, B.Sh. Okudzhava.

Действие романа «Свидание с Бонапартом» относится к 1812–1826 гг., но мемуаристы-повествователи (а с ними и автор) в поисках истоков проблем неоднократно обращаются к событиям XVIII века – Французской революции, пугачёвщине, екатерининскому

Просвещению, царствованию Павла I с его бесславным и трагическим финалом и т. д. При этом ушедшее столетие чаще всего предстаёт в подчёркнуто мифологизированной и окрашенной авторской иронией интерпретации.

Одним из самых знаковых и, безусловно, самых мифологизированных героев русского «осьмнадцатого столетия» является Александр Васильевич Суворов. В романе Окуджавы напрямую говорится только об Итальянском и Швейцарском походах: о первом генерал Опочинин напоминает своему соседу – отставному майору Лобанову, о втором рассказывает Варваре Волковой, а затем постоянно вспоминает их, готовясь к «свиданию с Бонапартом». Именно эти два похода описываются в работе, которую с уверенностью можно считать одним из исторических источников романа Окуджавы, – статье Н.П. Михневича «Первое столкновение России с революцией. Поход Суворова в 1799 году» в семитомном коллективном труде, изданном к столетию Отечественной войны 1812 года [1].

Кампания 1799 г. считается венцом военной карьеры Суворова: в ней полководец, по восторженному отзыву императора Павла, «преодолеет и самую природу» [1, с. 151]; с ней связано присвоение ему титула князя Итальянского, наивысшего воинского звания генералиссимуса, установка памятника. «Переход через Альпы» – одна из наиболее известных составляющих «суворовского мифа», закреплённая, в том числе, произведениями искусства (достаточно вспомнить хрестоматийную картину В.И. Сурикова).

«Наполеоновский сюжет» также, по замечанию А.С. Янушкевича, «один из самых мифогенных и литературоцентричных. Его антропологический, историософский и онтологический аспекты были востребованы всей мировой культурой», «но только литература сумела выявить нравственный смысл и масштаб его деяний <...> Именно писатели устроили “свидание Бонапарта” как исторического героя с частной жизнью людей, всмотревшись в профиль героя сквозь проблему национального самосознания и становления нового типа личности <...> Свидание с Бонапартом – это свидание с историей, уроками французской революции, с нравственными проблемами личности. Русская литература, может быть, сквозь зарево москов-

ского пожара острее почувствовала судьбоносность этого свидания» [2, с. 150, 151].

Итальянский и Швейцарский походы были для Суворова его «свиданием с Бонапартом». Хотя в 1799 г. русская армия встрети-лась не с самим Наполеоном, а с другими военачальниками революционной Франции¹, сравнение в профессиональном смысле, рас-суждения об эффективности тактик двух великих полководцев, приоритете в выработке новых приёмов ведения войны присутству-ют во многих исторических трудах. Так, уже в 1817 г. Ф. Глинка, предлагая проспект планируемого им «Военного Журнала», в част-ности, первый его раздел, в котором должна быть представлена значимость «Воинского Искусства», писал: «Теперь уже ясно и отк-рыто, что многия правила Военного Искусства занял Наполеон у ве-ликого нашего Суворова. Этого не оспаривают и сами Французы; в этом сознается и сам Наполеон: в письмах из Египта <...> он ясно говорит Директории, что *Суворова* [здесь и далее выделено в исто-чнике. – В.Б.] до тех пор не остановят на пути побед, пока не пости-гнут *особеннаго искусства его воевать* и не противопоставят ему собственных его *правил*» [4, с. 10]². Н. Полевой в «Истории князя Итальянского, графа Суворова-Рымникского» (1843 г.) вопрошал: «То, что Европейцы называют *Наполеоновским*, не должны ли мы справедливее назвать *Суворовским*?» [5, с. 323]. Панегирист Суво-рова «Генерального штаба полковник» А. Астафьев в речи, произ-несённой в церкви села Кончанского после панихиды в память ге-нералиссимуса, позже (1856 г.) опубликованной с именами подписавшихся под ней лиц, утверждал: «В то время, когда в Евро-пе и в самой Франции, до появления Бонапарта, придерживались еще старой методы военного искусства <...> когда армии Европы были похожи на великанов, связанных в своих действиях, Суворов

¹ А. Петрушевский, пересказывая впечатление «короля-претендента» Людовика XVIII от встречи с русским полководцем в Митаве, в частности, отметил: «Суворов отвечал, что уповает на помощь Божию, считает Божеским наказанием, что не встретился с Бонапартом, находящимся в Египте» [3, с. 13].

² Опираясь на приведённую цитату Ф. Глинки, ту же идею о приоритете Суворова и «учёбе» у него Наполеона, развивает оппонент Окуджавы критик

отличался быстрыми до удивления движениями, решительными действиями»; «Этот образ действия достался на долю Наполеону»; «непобедимые Французы, сотрудники Бонапарта <...> бежали перед Суворовым и от Австрийцев, которых прежде презирали. Причина тому заключалась в Суворове, создавшем <...> свой образ действия, который раскрылся так блистательно в войнах Наполеона» [6, с. 20, 22, 24]. А. Петрушевский в трёхтомном труде «Генералисимус Суворов» (1884 г.) писал: «Одолеть Французов могли только новые люди <...> обладавшие военными принципами, однородными с французскими»; «Суворовская военная система не порождена обстоятельствами, а родилась из особенностей его военного дарования <...> в своей основе совсем готовая, лет за 30 до революционных войн» [3, с. 31] (хотя, резюмируя «военную характеристику» своего героя, историк приводит мнение Наполеона: «Суворов обладал душою великаго полководца, но не имел его головы», – и признаёт, что «в этих словах большая доля правды» [3, с. 302]). Н.П. Михневич, в начале XX века, более критичен и акценты составляет по-другому: «Суворов <...> уже оценил новые боевые формы, которыми республиканская войска побеждали европейские армии, и уже в своем гениальном поучении солдатам говорил: “Есть безбожные, ветреные, сумасбродные французишки, они воюют на немцев и иных колоннами! Если бы нам случилось против них, то надобно нам их бить колоннами же!”». Однако, по мнению историка, Суворову в Италии пришлось вести русские и австрийские войска, обученные «по принципам уже отжившей тактики Фридриха Великого», и эти «деревянные формы» он мог уравновесить только «удивительной энергией». Михневич, по-видимому, согласен с цитируемым им австрийским военным писателем Биндером фон-Криглштейном: «Успехи Суворова способствовали более, чем то обыкновенно думают, сохранению старой линейной тактики даже в то время, когда Суворов почил уже вечным сном» [1, с. 134].

Вне зависимости от оценки «объективных» результатов суворовских походов, все историки подчёркивали их нравственную сторону, силу морального воздействия не только на современников, но и на

Ю. Минералов, ссылаясь при этом на современную советскую науку – книгу Л.Г. Бескровного «Отечественная война 1812 года» (1962 г.).

потомков, а также на русское национальное самосознание в целом: «Главная ея [суворовской военной системы. – В.Б.] основа – человек и духовная его сила; главные атрибуты – энергия, смелость, быстрота, простота» [3, с. 31]; «Суворов сумел возбудить в своих войсках удивительную энергию и с невероятной смелостью направлять их для атаки противника», «Суворов – высокий выразитель русского воинского духа и военного таланта» [1, с. 134, 132]; «Суворов остался в памяти народной. Его имя знают в хижине селянина, он клич победы среди русских дружин. Рука времени облакает его в какое-то таинственное, символическое значение русского чудо-богатыря» [6, с. 2–3³]. Эта проблема была важна ещё и потому, что те же историки отмечали новый, «превосходный», дух французской революционной армии и её военачальников⁴.

Дальнейшая история военного противостояния России и теперь уже в точном смысле наполеоновской Франции только усилила значимость проблемы «духа войска». А художественная литература (в первую очередь «Война и мир» Л.Н. Толстого) прочно закрепила в национальном культурном сознании идею «духовного» превосходства русского войска в Отечественной войне. Таким образом, в романе «Свидание с Бонапартом» она неизбежно должна была возникнуть, хотя бы на уровне читательских ожиданий, на фоне самого известного прецедентного текста. Но Окуджава ещё и намеренно её подчёркивает. «Профессиональное» полководческое состязание Суворова и Наполеона его не интересует, зато интересуют нравственные сопоставления, а также вытекающие из ситуации «свидания» двух военных гениев нравственные последствия для индивидуального и коллективного самоощущения победителей в «духовной» войне.

³ А. Астафьев цитирует «Историю князя Италийского...» Н. Полевого.

⁴ Новому духу французской армии в семитомной монографии специально посвящена статья А.М. Васютинского «Наполеоновский солдат» [7]. Из неё взят важнейший факт биографии генерала Опочинина – спасение из Зачанского пруда по приказу Наполеона. Но она же легла в основу споров Опочинина с интендантом Пасторэ – именно о духе русской и революционной французской армий.

Примечательно, что итоги Итальянского и Швейцарского походов можно трактовать по-разному: с одной стороны – как победу русско-го воинского духа и гения Суворова, с другой – как кампанию, не достигшую поставленных целей изгнания французов из Швейцарии и полного уничтожения революционной армии. Даже статья Михневича, с одной стороны, заканчивается высокими оценками действий русской армии: «Швейцарский поход Суворова, хотя и не приведший к желанному концу, представляет высочайший классический образец действий в горной стране. В нем русская армия, под предводительством великаго полководца, проявила высочайшую доблесть и способность вести войну при самых тяжелых условиях»; «Даже Массена, талантливый его противник, сказал: “Я отдал бы все свои двадцать походов за один Швейцарский поход Суворова!”» [1, с. 151]. С другой стороны, выше помещено редакторское примечание, комментирующее ситуацию перед последними боями и переходом через Паникс: «Блестящее комбинированное нападение Массены, собственно говоря, решило судьбу швейцарской кампании. Она была проиграна союзниками бесповоротно <...> Титанический подвиг Суворова поэтому не имел уже никакого стратегического значения» [1, с. 150].

Но, по словам В.Е. Хализева, в мифе (в том числе новейшем, «вторичном») «преобладает схематизация объекта, придание ему упрощающей однозначности», миф «оказывается подобием синекдохи <...> нередко помножаемой на гиперболу» [8, с. 125]. Так и государственнический суворовский миф, внедряемый в массовое сознание, вместо двойственности итогов, неоднозначности оценки кампании 1799 г., отбирал, выдавая за целое, и гиперболизировал лишь подвиги «чудо-богатырей».

Изложение такого мифа в «Свидании...» передано генералу Опочнину: «Вы бы посмотрели, как Суворова носили на руках <...> как швейцарцы молились на него, да и вообще солдаты были в таком экстазе от всего, что происходило...», «Наши войска, Варвара Степановна, преодолели такой переход!...», «А честь отечества?.. <...> А слава нашего оружия? А исполнение договоров? А гордость за свою силу?» [9, с. 36–37]. Объяснение смысла и значения похода здесь явно выливается в риторику (в том числе из-за недостатка у

говорящего аргументов). Оно подчёркнуто клишировано и одновременно окрашено иронией – как повествователя, вспоминающего себя двенадцать лет спустя, так и автора романа.

Иронично описана обстановка, в которой произносятся «патриотические речи» и «все бокалы пьются <...> за Государя и за Суворова» [9, с. 35]. Ведущими мотивами здесь являются постоянно подчёркиваемая провинциальность и экзальтированность аудитории, исключительно женской: «мирная калужская глушь», «дамы», «барышни уездные», проявляющие «восторженный интерес» и в массе своей стремящиеся «согреть боевого генерала теплом своих глаз и интонаций» [9, с. 35–36].

Иронией пронизана передача повествователем своего тогдашнего самочувствия. И направлена эта ирония именно на ощущение «духовного» превосходства, о чём говорят обилие слов и образов, вызывающих (особенно, думается, в атеистическом сознании советского читателя) «религиозные» ассоциации и одновременно неразрывно сплетённых с воинственными: «неподатливый дух», который «соответствовал росту и ширине плеч; запястье какое было – шпагу вращал до пятисот раз»; «героический нимб»; «молившиеся» на Суворова швейцарцы; восклицание «Побойтесь бога!» как реакция на отказ признавать «славу нашего оружия» [9, с. 35–37]. Характерно, что «лейб-гвардейский нимб» Опочинин чувствует также вокруг «чела» отставного майора Лобанова – другого участника Итальянского похода; это служит доказательством того, что ощущение собственной «возвышенности» не является индивидуальным свойством генерала.

Одним из способов иронического остранения (самоостранения, самоиронии) в речевой партитуре Опочинина выступают квазистихотворные вставки. С одной стороны, в них всегда формулируется квинтэссенция душевного состояния персонажа, всеми силами скрывающего свои чувства и вообще «чувствительность», т. е. они являются подлинной лирикой. Но с другой стороны, в глазах самого Опочинина, стихотворчество для боевого генерала, да ещё и инвалида, смешно. Квинтэссенцией иронического переосмысления самочувствия героя Швейцарского похода является текст: «Любимец барышень уездных, / огнём сражений опалён, / им сгоряча казался

он / явившимся из сфер межзвездных...» [9, с. 36, разбивка на «стихи» моя. – В.Б.]. Рифма требует архаично-славянизированной формы слова «межзвЕздных», отсылающей к «высокому штилю» Ломоносова или Державина; с художественным миром этих авторов (и с их пафосом) может ассоциироваться и сам образ небесных «сфер». Но та же рифма прочно связывает возвышенный образ с традиционно иронично окрашенным в русской литературе типом «барышень уездных». А образ «опалённого» «огнём сражений» воина синонимически связывается с «горячкой» («сгоряча») то ли дамской влюблённости, то ли самолюбования лирического героя.

Опочининское изложение суворовского мифа раскрывает принципы и механизмы мифологизации героя и событий, а значит, становится демифологизирующим. Следующая ступень разрушения – изложение суворовского мифа Варварой. Оно поражает не столько даже перевёрнутостью оценок, сколько, в первую очередь, резкой сменой стилистического регистра: «А что происходило? <...> Бегал от французов, терял войско, лазил по горам, наконец убежал, и его провозгласили гением...»; «Старичок водил вас по чужим огородам, и вы почитаете это за патриотизм?» [9, с. 36, 37]. Подчёркнутая прозаизация, снижение стиля становятся способом уже не демифологизации, а формирования антимифа.

Сегодня уже общепризнано, что «Свидание...» является романом не только историческим, но и «культурологическим» (по терминологии Э.М. Зобниной [10]), т. е. ориентированным не только на осмысление истории, но и на рефлексию по поводу принципов её отражения в слове (мемуаристике, исторической научной, художественной литературе). Реакция дамского большинства на героя Швейцарского похода звучит как развёрнутая реминисценция хрестоматийного грибоедовского «Кричали женщины: ура! / И в воздух чепчики бросали!» [11, с. 46]. А сквозное обращение Тимоши к деду «Скажи-ка, дядя...» постоянно актуализирует лермонтовский контекст – также хрестоматийное и тематически близкое к окуджавовскому роману «Бородино». В ситуации беседы Опочинина с Варварой усматривается реминисценция стихотворения «Валерик»: генерал поначалу говорит с «юной дамой» «усмехаясь», «снисходительно», стремясь представить «кровь и пепел», а также нравственные последствия

военных действий в шуточной форме. Однако эта реминисценция оказывается перевернутой: не офицер, знакомый с военными буднями и жестокостью войны, а «юная дама» представляет «прозаический» взгляд – «просто допрашивает [генерала. – В. Б.], как приказчика, воротившегося из города» [9, с. 36]. Но при этом сохраняется принципиальное для стихотворения Лермонтова противопоставление романтизированного (или «облегченного», «для дам») и реального показа войны.

Не удивительно, что суворовский антимиф Варвары вызвал резкое неприятие критика, находящегося на государственных позициях: «Не всякая выдумка уместна: в литературе продолжают действовать нормы гражданской этики. Бывают исторические фигуры – и *исторические фигуры* [выделено автором. – В.Б.] <...> были в прошлом люди, которые <...> уважения безусловно заслуживают. У читателя возникает неизбежное чувство протеста, если о них писателем сочиняется несурезица» [12, с. 85]⁵.

Даже не беря во внимание «этическую» (не говоря уж о художественной) оценку Ю. Минераловым оруджавовского «эпатажа», весьма спорно само по себе утверждение, что «вымышленное лицо» Варвара Волкова говорит «несурезности, невысказанные, естественно, в устах какой-нибудь младшей современницы этого самого “старичка”, юной русской дворянки начала XIX столетия» [12, с. 85]. Современникам, а тем более «младшим современницам», «естественно» как раз ошибаться в оценках крупных военных деятелей,

⁵ Анализ мнения Минералова в широком контексте современной Оруджаве критики дан в статье М.А. Александровой «Советская критика об исторической прозе Б.Ш. Оруджавы: перевернутая страница?». Приведу из неё только резюмирующие суждения об идеологической позиции оппонента Оруджавы: «Автору статьи присущ комплекс “государственного мышления”, ибо вещает он как бы не от себя лично <...> Судя по утверждению Ю.И. Минералова, что художественный вымысел в историческом романе терпим “в разумных пределах” и “за пределами допустимости” находятся любые “попытки <...> видоизменять объективно сложившуюся естественную шкалу социально-исторических, национально-культурных ценностей”, время для критика остановилось. Остро поставленные в романе Оруджавы вопросы явились стимулом этого невольного саморазоблачения – не столько конкретной персоны, сколько порожденного известной эпохой и до сих пор не изжитого мировоззрения» [13, с. 266].

особенно если они, подобно Суворову, являются неординарными личностями. У Окуджавы как раз психологически убедительно – в мемуарах самой Варвары – объясняются её выпады против Суворова: «В тот год ещё продолжали восторгаться Суворовым. Я ничего не имела против прославленного генералиссимуса, но постоянные восторги окружающих побуждали меня к бунту» [9, с. 173]; «Я вспомнила, как год назад обидела бедного генерала Опочинина, молодого великана с круглым лицом и детским взором, вернувшегося из швейцарского похода и пышущего батальным вдохновением. Я ему сказала что-то о полководце, о кумире, что-то такое, что, мол, он бегал от французов через Альпы, что-то такое кокетливое, видимо, потому что молодой генерал был мне симпатичен» [9, с. 174].

Но следует отметить, что как исторический романист Окуджава действительно не стремится к воспроизведению психологии людей прошлых эпох. Сегодня уже нет необходимости доказывать его тщательную работу с историческими источниками, в том числе мемуарными и эпистолярными, т. е. фиксирующими субъективные взгляды участников и современников событий⁶, но, думается, стоит с большим доверием относиться к неоднократно повторяемым по этому утверждениям, что в персонажах других эпох его интересуют, в первую очередь, вневременные человеческие чувства. (Например: «Человек на протяжении столетий биологически не меняется. Это ведь меняется одежда, экипажи, терминология какая-то, а в общем-то мы остаёмся теми же самыми: так же любим, так же ненавидим, так же завидуем, так же иногда, к сожалению, строим своё благополучие за счёт благополучия другого» [14, с. 98]). Не менее важны уверения в том, что историческая проза, как и стихи, является для него способом «рассказать о себе» (ответ на вопрос «Кто из героев Вашей прозы выражает Ваши мысли и Ваши взгляды?»): «Я думаю, что в основном все: и положительные, и отрицательные, и мужчины, и женщины <...> Чем выискивать со стороны, так брать у себя легче гораздо. А у меня столько чего сконцентрировано, что хватает пока что на всех персонажей» [14, с. 110]). Варвара Волкова – во многом

⁶ Выявлению конкретных текстов и анализу специфики работы Окуджавы с историческими источниками посвящены прекрасные работы С.С. Бойко, М.А. Александровой и др.

носитель авторских взглядов, особенно взглядов на войну⁷. Но в случае с Суворовым Окуджава на варваринном антимифе не останавливается.

Гораздо важнее, что под влиянием насмешек понравившейся ему женщины свой военный опыт, своё самоощущение суворовского героя, а главное – своё «мундирное» мировидение в целом начинает переосмысливать генерал Опочинин. Сначала он «почувствовал», как его «героический нимб» «потускнел и растаял» [9, с. 36]. Потом пришла более трезвая («остывшая») оценка результатов Швейцарского похода: «А ведь мы действительно от Массены бегали, и Багратион с арьергардом отбивался от преследователей. Успешно отбивался, не скрою, но ведь отбивался и убегал <...> И я вспомнил, как мы ни за что не могли остановиться – из-за этих чёртовых союзников по всей Швейцарии с горки на горку, из пропасти в пропасть. У меня даже мысль мелькнула там однажды в приступе отчаяния: а почему, собственно, в Швейцарии?..» [9, с. 37]. Не лишённые эмоционально-оценочных всплесков, эти размышления выдержаны в более нейтральной стилистике – по сравнению как с собственной опочининской риторикой, так и вызывающими варваринскими выпадами. Но главное, что здесь, в отличие от мифа и антимифа, появляется «многоплановость видения и понимания предмета» [8, с. 125], а также «человеческое измерение» (страх умереть на чужбине и даже «приступы отчаяния») – в отличие от государственной риторики.

Генерал Опочинин так и не сделает главного вывода из «свидания с Бонапартом» – не освободится от «наполеонизма», т. е. желания единолично изменить, «разом облагородить искажённый лик истории» [9, с. 16]; в отличие от другого участника Итальянской кампании, Франца Мендера, он не придёт к идее личной ответственности. Но в том же разговоре с Варварой о последствиях суворовских походов возникнет мысль о необходимости «смыть кровь»: «– Как же вам удалось смыть всё это? <...> – Я вернулся

⁷ С.С. Бойко рассматривает четырёх повествователей «Свидания с Бонапартом» как «четыре ипостаси автора», в том числе детально сопоставляет биографические детали и, в особенности, мировоззренческие установки Варвары Волковой и её создателя [15, с. 329, 335–337].

домой <...> велел истопить баню, наполнить большую кадку мыльной водой. Залез туда, а вылез через три месяца... И вот смысл, – и показал ей руки» [9, с. 36]. Однако, как окажется, мысль о «крови»: общей или нет с врагом; общей или нет с народом, «рабами»; пролитой на войне или в революциях, – продолжит мучить не только генерала Опочинина, но и Варвару, и будущих декабристов (Тимошу), и их оппонентов (Пряхина)⁸.

Суворов и Наполеон сопоставляются в романе Окуджавы не только как военачальники, но и как защитники противоположных идеологий: «тирании» и «свободы». Уже в споре Варвары с Опочининым высказывается мысль о том, что колоссальное нравственное воздействие Суворова («экстаз» солдат), в сущности, необходимо было потому, что они лишены свободы: «Мужик всё терпит, а в чём же гениальность вашего любимца?» [9, с. 37]. В третьей части романа, в разговоре с апологетом не суворовской, а наполеоновской системы, Варвара вернётся к размышлениям о двух кумирах эпохи: «Действительно, подумала я в тот вечер, когда Бочкарёву было угодно погасить фонтан славословия ленивых московских умников <...> что значит полководческий дар обожаемого генералиссимуса рядом с переворотом, совершённым Бонапартом, по сравнению с новым обществом, с его принципами, нам непонятными? Что значат военные способности, даже гений, умение двигать полки, произносить запоминающиеся сентенции, слыть в обществе чудаком⁹, что это всё в сравнении с новым духом, поселившимся среди людей?» [9, с. 174]. Но объединяющим началом в деле военной защиты любых, даже самых высоких, принципов оказывается пролитая кровь и поругание чужой земли.

Именно в контексте суворовского мифа (точнее антимифа) появляется сквозное в романе «определение» войны – «топтанье чужих огородов (виноградников / земель / пространств)». Оно объединяет действия австрийской и русской армий в Италии, Наполеона в России – и вообще обозначает любые захватнические войны. Хроноло-

⁸ Подробнее об этом см. в статье А.В. Карстен «Семантическое наполнение мотива *крови* в романе Б. Окуджавы “Свидание с Бонапартом”» [16].

⁹ Здесь почти с исчерпывающей полнотой изложен собственно «суворовский миф», каким он сложился в массовом культурном сознании.

гически этот образ впервые возникает во время спора Варвары и Опочинина в «первый год нынешнего века» (т. е. в 1801 г.), а в прихотливо выстроенном сюжете – на первых же страницах романа, в размышлениях Опочинина о собственной военной карьере (в 1812 г.), в том числе во время разговора с соседом об Итальянской кампании: «А помните в Ломбардии райскую долину и майскую голубизну на свежих виноградных листочках? <...> Какой вы были молодой и статный, и как украшал вашу голову лейб-гвардейский нимб! <...> И как мы с вами, одуревшие от италийского солнца, краснокожие и непреклонные, гнали французов по виноградникам италийцев, чтобы воротить австрийцам их владения! Вот была охота! <...> Теперь же, милостивый государь, почему бы не поверить, что возмездие настигло нас среди наших нив и пашен?» [9, с. 24].

Возможно, «виноградники» появились в «Свидании...» не без влияния статьи Михневича. Но у историка они выступают как точная деталь, характеризующая условия ведения военных действий: «В армии Жубера было около 35.000 чел. Она занимала очень сильную позицию на высотах, покрытых садами и виноградниками, длиною около 6 верст: в центре ее был город Нови» [1, с. 142]. В романе Окуджавы эта деталь вырастает до символа. Во-первых – как элемент возвышенного мифа о войне, поэтому в антимифе они превращаются в нарочито сниженные «огороды». Во-вторых – как символ красоты и изобилия Италии, которому соответствуют, как символ богатства России, также уничтожаемые врагом «нивы и пашни». Наконец – как элемент «рая». Вряд ли Окуджава вкладывал в образ виноградников / винограда ортодоксальные христианские смыслы, но они словно просвечивают через описание «райской долины»; поэтому действия псевдонебожителей («нимбы») – захватчиков, мнящих, что исполняют высокий долг, приобретают оттенок святотатства.

Ещё одна переосмысленная Окуджавой составляющая суворовского мифа, связанная с Итальянским и Швейцарским походами, это сравнение с карфагенским полководцем Ганнибалом. Антикизация, сопоставление с «образцовыми», прописанными уже не в истории, а в вечности фигурами – характерный оценочный приём как для ис-

куства, так и для науки XVIII–XIX столетий. Поэтому параллели «Суворов – Ганнибал», «Суворов – Цезарь» и т. п. являются общим местом в текстах XIX века. В похвальной речи Астафьева на 32 страницах подобные сравнительные ряды встречаются 6 раз, и примечательно, что в большинстве случаев в них включается также Наполеон. Например: «Немного таких событий, как поход в Швейцарию, записала история в свои мировые скрижали...» И Аннибал переходил Альпийские Горы, и Наполеон перебежал их снежные вершины; но подвиги их, в сравнении с подвигами русского вождя, ничтожны. Аннибал провел только войска; его не связывало ничто; неприятели его были далеко. Наполеон сделал тоже. Но Суворов должен был, побеждая природу, выкупать каждый шаг кровью своих сподвижников, прокладывая дорогу мечем, бороться в то же время с кознями союзников, преодолевать все трудности, которые невыносимы даже в войне обыкновенной» [6, с. 14¹⁰]. В статье Михневича читаем: «На этом месте, прославленном за 2.000 лет перед тем победою Аннибала над завоевателями древняго мира, на этом самом месте суждено было Суворову победить войска народа, домогавшагося владычества над всею Европою» [1, с. 140].

В «Свидании...» воспроизводится этот методологический и риторический приём, выступая, в том числе, как элемент стилизации мышления людей XVIII–XIX столетий. «Цезарь, Аннибал и прочие» [9, с. 229] являются предметом учёных штудий Александра Свечина; Опочинин собирается в начале обеда с французами восславить «ожившее и ещё более совершенное искусство Аннибала, Александра, Цезаря» [9, с. 64]. Следует подчеркнуть, что оба героя сопоставляют с полководцами древности не Суворова, а только Наполеона. Это обобщённый и вечный образ завоевателя. Прямых ассоциаций Суворова с «Аннибалом – убийцей в кожаной юбке» или «Александром, залившим кровью полсвета» (размышления генерала Опочинина) [9, с. 87] в романе Окуджавы нет; о нём никак нельзя сказать, что «то место, на которое он усаживался, было отравлено» (выводы историка Свечина) [9, с. 232]. И всё-таки, когда Свечин напоминает о том, что Ганнибал «кстати <...> тоже [как Наполеон. –

¹⁰ А. Астафьев цитирует «Историю князя Итальяскаго...» Н. Полевого.

В.Б.] совершил поход через Альпы, чем заслужил всеобщее восхищение, и потерял при этом две трети войска, о чём не принято упоминать...» [9, с. 231], нельзя не вспомнить о русском генералиссимусе.

Важно отметить, что у таких разных (к тому же противопоставленных в сюжете романа) героев, как Опочинин и Свечин, сопоставление деяний древних и новых военных гениев вписано в размышления об особенностях не только индивидуальной человеческой, но и исторической памяти. К сожалению, «в большой перспективе» оценки чаще выносятся по результатам, а не по цене, которая за них заплачена. Противоядием могут стать личные страдания, ведущие к перестройке, в первую очередь, собственного мировоззрения: «Пройдут времена, небось потомки по глупости и лени торжественно вознесут его [*Наполеона. – В.Б.*] на пьедестал, как давно уже вознесли Аннибала <...> как Александра <...> “А сам-то ты как?” – спрашиваю себя с содроганием. “А что? – отвечаю. – Я был учеником, куда меня самого сие не коснулось”» [9, с. 87].

Таким образом, роль «суворовского сюжета» в «Свидании с Бонапартом» заключается не в дополнении «колорита» эпохи и не в создании достоверного исторического «фона» для вымышленных событий и персонажей. Фигура полководца – признаваемого великим как союзниками, так и противниками, как современниками, так и потомками – является важным компонентом «антимилитаристской» концепции романа, а также провоцирует обращение к нравственным вопросам, проблемам официальной государственной, общенародной и индивидуальной исторической памяти.

Список использованных источников и литературы

1. *Михневич Н.П.* Первое столкновение России с революцией. Поход Суворова в 1799 году // Отечественная война и русское общество. 1812–1912: в 7 т. М., 1911. Т. 1. С. 131–151.
2. *Янушкевич А.С.* Сюжет «свидания с Бонапартом» в русской литературе XIX века и его репрезентация в одноимённом романе Булата Окуджавы // Русская литература в XX веке: Имена, проблемы, культурный диалог. Томск, 2005. Вып. 7. С. 150–167.
3. *Петрушевский А.* Генералиссимус князь Суворов: в 3 т. Т. 3. СПб., 1884. 458 с.

4. *Глинка Ф.* Краткое начертание Военного Журнала. СПб., 1817. 39 с.
5. *Полевой Н.А.* История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса Российских войск. СПб., 1843. 336 с.
6. *Астафьев А.* Воспоминания о Суворове. СПб., 1856. 32 с.
7. *Васютинский А.М.* «Наполеоновский солдат» // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. Т. 3. М., 1912. С. 50–55.
8. *Хализев В.Е.* Теория литературы. М., 1999. 398 с.
9. *Окуджава Б.* Свидание с Бонапартом: роман. М., 1985. 228 с.
10. *Зобнина Э.М.* Традиции русской литературы XIX в. в прозе Б.Ш. Окуджавы (восприятие, интерпретация, оценка): автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 2008. 27 с.
11. *Грибоедов А.С.* Горе от ума. М., 1969. 411 с. (Лит. памятники).
12. *Минералов Ю.* Да это же литература! («Историческая точность» и художественная условность) // Вопросы литературы. 1987. № 5. С. 62–104.
13. *Александрова М.А.* Советская критика об исторической прозе Б.Ш. Окуджавы: перевернутая страница? // Забытые и второстепенные критики и филологи XIX–XX веков. Псков, 2005. С. 259–267.
14. *Окуджава Б.* «Я никому ничего не навязывал...» / Сост. А. Петраков. М., 1997. 288 с.
15. *Бойко С.С.* Творчество Булата Окуджавы и русская литература второй половины XX века. М., 2013. 604 с.
16. *Карстен А.В.* Семантическое наполнение мотива *крови* в романе Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом» // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 73–76.

Вадим Михайлович Захаров (1949–2023)

25 июля 2023 г. ушел из жизни известный саратовский историк, кандидат исторических наук, доцент В.М. Захаров.

Вадим Михайлович родился 5 марта 1949 г. в рабочем поселке Турки Саратовской области. В 1971 г. окончил исторический факультет Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. На протяжении многих лет преподавал в средней школе № 1 города Аркадака. В 1990 г. в диссертационном совете исторического факультета СГУ защитил кандидатскую диссертацию «Развитие основных направлений саратовского исторического краеведения в досоветский период: 1826–1916 гг.», подготовленную под руководством профессора Л.А. Дербова. Вадим Михайлович

преподавал в Балашовском государственном педагогическом институте, Урюпинском филиале Волгоградского государственного университета, Сердобском филиале Пензенского государственного университета, Балашовском представительстве Поволжского кооперативного института, руководил Балашовским филиалом Современного гуманитарного института, Балашовским филиалом Национального института им. Екатерины Великой.

В.М. Захаров – автор многих научных и учебно-методических работ, в том числе ряда монографических изданий: «Листая страницы истории» (Саратов, 1984; в соавторстве с В.Н. Семеновым), «У истоков саратовского исторического краеведения» (Балашов, 1991; в соавторстве с В.Г. Мироновым), «Проникновение в былое: Очерки по ист.-лит. краеведению Прихоперья» (Балашов, 1992; в соавторстве с В.С. Вахрушевым), «Саратовская ученая архивная комиссия и ее преемники. Ч. 1: Саратовская ученая архивная комиссия в 80-е – 90-е гг. XIX века» (Балашов, 2002), «Саратовская ученая архивная комиссия (1886–1920)» (Волгоград, 2005; в соавторстве с Т.А. Захаровой), «Основатели саратовского краеведения (А.Ф. Леопольдов и Г.С. Саблуков)» (Саратов, 2011), «Саратовское историческое краеведение 50–60-х годов XIX века (Н.И. Костомаров, Д.Л. Мордовцев)» (Саратов, 2011). Основным направлением его исследований были история Нижнего Поволжья, история Прихоперья, история саратовского краеведения. Вадим Михайлович был постоянным участником научных конференций, посвященных истории Саратовского края. По его инициативе, начиная с 1990 г., на базе Балашовского краеведческого музея ежегодно проводятся историко-краеведческие конференции «Прихоперье и Саратовский край в панораме веков».

Вадим Михайлович навсегда останется в памяти своих учеников и коллег глубоко порядочным человеком, ярким педагогом, интеллектуалом, вдумчивым и скрупулезным исследователем.

В.В. Назаров

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН СССР – Академия наук СССР
Архив МНП – Архив Министерства народного просвещения (Санкт-Петербург)
Архив РАН – Архив Российской Академии наук (Москва)
ВАК – Высшая аттестационная комиссия
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГПНТБ СО РАН – Государственная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук
ИМЛИ – Институт мировой литературы им. А.М. Горького Академии наук СССР
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МГУ – Московский государственный университет
МКИН – Международный комитет исторических наук
МНГЧ. ОФ – Музей-усадьба Н.Г. Чернышевского. Основной фонд
НАРБ – Национальный архив Республики Беларусь (Минск)
НА РК – Национальный архив Республики Карелия
НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел СССР
НКВД БССР – Народный комиссариат иностранных дел Белорусской Советской Социалистической Республики
ОПОЯЗ – Общество по изучению поэтического языка (1916–1925)
РАН – Российская Академия наук
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
СГСЭУ – Саратовский государственный социально-экономический университет
СГТУ – Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.
СГУ – Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Биткинова Виктория Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и археологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов

Герасимова Людмила Ефимовна, кандидат филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов

Груздинская Виктория Сергеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, старший научный сотрудник Архива РАН

Демидова Елена Игоревна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов

Дронова Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов

Ефимова Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина, г. Саратов

Ковалев Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник Архива РАН. г. Москва

Майорова Алла Степановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов

Мауль Виктор Яковлевич, доктор исторических наук, профессор Тюменского индустриального университета, г. Тюмень

Мезин Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России и археологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов

Милевский Олег Анатольевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории исторических исследований Сургутского государственного педагогического университета, г. Сургут

Назаров Владилен Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Балашовского института (филиала) Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Балашов

Парсамов Вадим Суренович, доктор исторических наук, профессор НИУ Высшая школа экономики, г. Москва

Ризаева Елена Николаевна, кандидат исторических наук, главный хранитель отдела фондов Музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского, г. Саратов

Степанов Юрий Геннадиевич, кандидат исторических наук, главный архивист отдела публикаций и использования документов Государственного архива Саратовской области, г. Саратов

Степанова Анжела Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, преподаватель Московского финансово-юридического университета (МФЮА), г. Москва

Чернова Любовь Михайловна, аспирантка Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, ученый секретарь Государственного историко-художественного литературного музея-заповедника «Абрамцево», г. Москва

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. ПУГАЧЕВ, ЕГО НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО, УЧИТЕЛЯ И КОЛЛЕГИ

<i>Мезин С.А.</i> (Саратов) Слово о Владимире Владимировиче Пугачеве	5
<i>Парсамов В.С.</i> (Москва) Владимир Владимирович Пугачев: штрихи к портрету ученого	12
<i>Герасимова Л.Е.</i> (Саратов) Воспоминания В.В. Пугачева: состав, особенности.....	23
<i>Демидова Е.И., Ефимова Е.А.</i> (Саратов) Библиотека В.В. Пугачева как отражение интеллектуальной деятельности ученого	34
<i>Степанов Ю.Г., Степанова А.В.</i> (Саратов) Школа мужества (Ю.Г. Оксман и саратовские историки)	44
<i>Варфоломеев Ю.В., Ризаева Е.Н.</i> (Саратов) «Искра Божья в Вас, дорогой Николай Алексеевич!»: из переписки профессора Троицкого с коллегами	56

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

<i>Мауль В.Я.</i> (Тюмень) «Чигиринский заговор» 1877 года: взгляд с Запада (Опыт историографической критики).....	67
<i>Милевский О.А.</i> (Сургут) Революционеры-политики на Юге России в 1878 – начале 1879 гг.: вызревание динамитной идеи	79
<i>Чернова Л.М.</i> (Москва) Оценка внутривосточных событий и международного положения России в переписке Ф.И. Тютчева	90

<i>Назаров В.В.</i> (Балашов) Декабристы в публикациях и исследованиях В.Я. Богучарского	99
<i>Майорова А.С.</i> (Саратов) Статьи Д.Л. Мордовцева о разбойниках Саратовского Поволжья	111

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В СССР

<i>Ковалев М.В.</i> (Москва) «Следует осведомить французскую научную общественность о тех крупных достижениях, которые имеет советская историческая наука»: документы о первой советско-французской конференции историков (1958)	120
<i>Груздинская В.С.</i> (Москва) «С пользой для себя и для Советского Союза»: Отчет о заграничной командировке В.И. Пичеты (1927 год).....	160

ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

<i>Дронова Т.И.</i> (Саратов). Парадоксы документализма в теоретической рефлексии и художественной практике Ю.Н. Тынянова	173
<i>Биткинова В.В.</i> (Саратов) Суворовский миф и антимиф в романе Б.Ш. Окуджавы «Свидание с Бонапартом»	187
<i>Назаров В.В.</i> Вадим Михайлович Захаров (1949–2023)	203
Список сокращений	205
Сведения об авторах	206

Научное издание

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 1962 году

В ы п у с к 2 9

Ответственный за выпуск *В.А. Соломонов*
Оригинал-макет подготовил *А.С. Владимиров*

Подписано в печать 15.11.2023. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,12 (14,5). Тираж 300 экз. Заказ № 283

Издательство «Саратовский источник».
410012, г. Саратов, ул. Кутякова, 138 б, 3 этаж.
Тел. (8452) 52-05-93
E-mail: saristoch@bk.ru
Отпечатано в типографии «Саратовского источника»